
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№ 4-1(28)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№ 4-1(28)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, № 4-1(28), 2016, 232 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 4-1(28), 2016, 232 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdulkaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotvtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-7-21

УДК 94(47).084.1

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Субботина И.А.

Цель. Целью исследования является рассмотрение на основе архивных материалов и опубликованных источников вопроса организации Исполнительных Комитетов Временного правительства (на примере одной из центральных губерний, Нижегородской) как одной из сторон уникальной системы двоевластия, сложившейся после победы Февральской революции 1917 г. в России.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют проблемно-хронологический и историко-системный методы, а также принципы научной объективности и историзма.

Результаты. Автор показывает процесс организации местных органов власти Временного правительства в лице Исполнительных Комитетов, описаны функциональные обязанности Исполнительных Комитетов, заключенные главным образом в осуществлении связи населения с государственными органами власти. К отли-

чительным чертам этих органов власти относятся: коллегиальность руководства, изменчивость структуры и социального состава властных единиц, местное финансовое обеспечение, либо выполнение должностными лицами своих обязанностей на общественных началах.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения политической истории XX в. не только Нижегородской области, но и Поволжья, становления и развития органов власти на местах и могут быть использованы при разработке курсов по краеведению.

***Ключевые слова:** Временное правительство; Исполнительный Комитет; Нижегородская губерния; Губернский комиссар; двоевластие.*

ORGANIZATION OF THE EXECUTIVE COMMITTEES OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT (IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE AS AN EXAMPLE)

Subbotina I.A.

Purpose. Consideration of the organization the Provisional Government's Executive Committees(in one of the central provinces, Nizhniy Novgorod for example) as one side of a unique diarchy system, established after February Revolution's victory in 1917 in Russia based on archival materials and published sources).

Methodology. The basis of the study is chronological, historical and systematic methods, as well as the principles of scientific objectivity and historicism.

Results. The author shows the process of the organization of the Executive Committee as local authorities of the Provisional Govern-

ment, describes the functional responsibilities of the Executive Committee concluded mainly in communicating with public authorities. The distinctive characteristics of these the authorities include: the collegiality of leadership, structure and variability the social composition of government units, local financial maintenance or implementation of the officials of their duties as a volunteer.

Practical implications. The research results can be applied in the study of political history and creation and development way of local authorities not only in one region but also whole Volga region in XX century. The research results also may be used in the development of local history courses.

Keywords: *Provisional Government; Executive Committee; the province of Nizhni Novgorod; Provincial Commissioner; diarchy.*

Тема организации органов власти Временного правительства долгий период являлась с одной стороны интересующей исследователей, но с другой стороны изученной не в полной мере. Это было связано с тем, что при рассмотрении проблем данного периода область научных интересов ученых была сосредоточена в основном на деятельности большевистской партии и Советов. Процесс организации и деятельности местных органов власти Временного правительства долгое время оставался в тени образования и политики большевиков и Советов. Историческая наука в настоящее время стремится к объективному изучению периода двоевластия 1917 года, что ставит вопрос о необходимости исследования процессов организации и деятельности органов власти Временного правительства как на государственном так и на региональном уровнях. На основе полного комплексного материала станет возможным оценивать положительные и отрицательные стороны его политики. Эта картина будет неполной без анализа материалов Ни-

жегородской губернии как одной из центральных областей России, что придает актуальность тематике исследования.

Образование центрального Временного правительства 2 марта 1917 года в столице послужило сигналом к фундаментальным изменениям в составе власти и в Нижнем Новгороде. Формируя местные органы власти в лице Губернских комиссаров в первую очередь, Временное правительство не придерживалось тенденции авторитарных решений. В сложных политических условиях оно стремилось учитывать мнение народных масс, чтобы укрепить прочность и легитимность власти. Важное значение имела связь с населением на местах. Ее осуществляли Исполнительные Комитеты Временного правительства, которые были призваны стать выразителями общественного мнения.

Переход власти к Временному правительству в Нижегородской губернии ознаменовали собой девять распоряжений Городского Исполнительного Комитета от второго марта. «Справедливость подобных документов обозначалась в приказе номер 7а, где говорилось, что Городской исполком «принял на себя ввиду распоряжений Временного правительства охрану порядка» [14, л. 5]. Среди распоряжений под номером шесть значится назначение П.А. Демидова на должность Губернского Комиссара (далее по тексту Гуком), местного представителя власти Временного правительства. Согласно этому приказу, подкрепленному телеграммами Временного правительства, новая исполнительная власть в губернии перешла в руки комиссаров, что дает право к размышлениям о роли Исполкомов Нижегородской губернии в иерархии власти на местах [5, с. 72].

Процесс организации комитетов на местах не был секретом для столичного правительства. Почти все новые комитеты считали своим долгом сообщить о своем существовании и первостепен-

ных целях работы новой власти, поэтому в целях систематизации сложившегося положения 15 марта 1917 г. Нижегородский Гуком получил телеграмму, посвященную проблеме организации Исполкомов в губернии: «в целях согласования планомерного выполнения предстоящих задач по управлению, Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих Комитетов в губернские, уездные, волостные... В этих Комитетах должны быть представлены интересы всех групп населения данной местности...» [7, л. 3]. Телеграмма подтверждала права комиссаров на исполнительные функции на местах, но предписывала им согласовывать свою деятельность с соответствующими комитетами. Структура Исполкомов Нижегородской губернии схожа со схемой власти комиссаров Временного правительства: центральное место занимал Губернский, заседавший в Нижнем Новгороде, ниже рангом были уездные, затем волостные; кроме того, в более-менее крупных городах были созданы городские Исполкомы. Соответственно структуре можно говорить и о подчинении нижестоящих вышестоящим, значит, эта цепочка носила линейный принцип подчиненности. Централизация местных Исполкомов соответственно принадлежала Губернскому комитету (далее по тексту Губиком), систематизирующая роль которого обозначалась в докладе Гукома от 21 марта, поскольку он «должен руководить и объединять деятельность уездных, городских и других местных комитетов» [8, л. 1].

Вопрос о времени создания Исполнительных комитетов в Нижегородской губернии не дает однозначного ответа, поскольку развитие уездов и тем более волостей было неравномерным, и говорить о быстроте организации комитетов не приходится. (Хотя из сообщения Семеновского Уездного Комиссара (далее по тексту Узком) Губикому следует, что в этом уезде уже 3 марта было при-

нято решение «образовать Семеновский исполнительный комитет по управлению городом из 14 человек...» [2, с. 86]. Однако, начало деятельности Губикома известно доподлинно по прошению Нижегородского Городского Комитета в МВД о предоставлении финансового содержания, где говорится, что «Нижегородский Губернский Комитет совместно с Губернским Комиссаром с 1 марта несет на себе...задачу по обеспечению безопасности граждан» [9, л. 250].

Начиная с 1 марта, по этому документу, можно говорить о деятельности Губернского Исполкома. Уездные, волостные и городские Исполкомы были организованы в период марта-апреля 1917 года; факты создания их тщательно докладывались Губикома. Развитие и деятельность этих Исполкомов также были поставлены под контроль центрального губернского комитета (это относится и к вопросу о прекращении их деятельности). Предположения о конце деятельности Комитетов в губернии документируются сообщениями с мест. Например, Исполком Нижегородского уезда сообщил о завершении своей деятельности, предупреждая об этом за 10 дней: «ввиду отсутствия средств на содержание президиума, Уездный Комитет с 1 октября прекращает свою деятельность» [13, л. 13]. Журнал исходящих бумаг Губикома не оставляет сомнений в дате его упразднения. 26 октября за номером 3545 числится запись – извещение Губикома о «прекращении деятельности Комитета с 26 октября с указанием, что переписка на имя Комитета будет переправляться на его распоряжение» [15, л. 78об.]. Последняя запись журнала относится к 27 октября. Следовательно, можно говорить о том, что отдельные Исполнительные Комитеты Нижегородской губернии просуществовали до конца октября, о деятельности их в последующие периоды данных не найдено.

По своему качественному составу Исполкомы являлись прямыми выразителями воли народа, поскольку в них стремились объ-

единить все слои общества. Довольно часто встречаются документы, показывающие процесс делегирования представителей в Исполнительный Комитет определенного уровня, например протоколы заседания нескольких деревень со списками их жителей, напротив которых значились голоса проголосовавших за них. Значит, общественный характер Исполкомов отрицать невозможно (поэтому чаще всего люди и обращались прежде в Комитет, а уж затем к Комиссарам), но правительственными органами на местах оставались Комиссариаты. Вопрос разделения власти комиссаров и Исполкомов интересовал не только население (чаще всего не понимавшего, куда обратиться), но и самих представителей этих органов Нижегородской губернии. С этой целью 23–25 мая был организован Съезд Губернского и Уездных исполнительных комитетов и Губернского и Уездных Комиссаров Нижегородской губернии. В ходе съезда были заслушаны доклады с мест о процессе и характере организации нового строя в уездах, внесены предложения об устранении существующих проблем. Апогеем Съезда стало принятие Наказа уездным и волостным Исполнительным Комитетам губернии и утверждение проекта положения о Нижегородском Исполнительном Комитете от 3 мая.

Доклады представителей Исполкомов содержали в себе отчет о быстроте их организации в уездах, сущности их деятельности за истекший период. Примером развития процесса формирования и первых шагов Исполкомов в Нижегородской губернии может служить Семеновский уезд. Работа Узикома началась 3 марта по получении первой телеграммы о необходимости создания онного. Примечателен факт теснейшего сотрудничества Комитета с местной властью, поскольку «во главе избранного Комитетом президиума встал комиссар Временного правительства» [11, л. 21]. В связи с этим функции Комитета были признаны не только распорядитель-

ными, но и исполнительными, после чего было сказано о единственно правильной линии поведения Комиссара, который «свою работу вел в полном согласии с Исполнительным комитетом, как выразителем местного общественного мнения», так как «в основу организации Комитетов был положен принцип полной демократизации» [11, л. 31]. К концу марта, а именно 26 числа, процесс организации Комитетов в волостях уезда был полностью завершен. Даты, предоставленные Семеновским уездом, нельзя считать шаблоном для остальных уголков губернии, но примерное совпадение сроков формирования Исполкомов несомненно.

В качестве доказательств проделанной работы с марта по конец мая были представлены протоколы заседаний Узиков, где подтверждается заявление о сотрудничестве их с Узкомом, который осуществлял власть правительства в Семеновском уезде, поскольку по протоколу «все постановления Временного правительства и губернской власти осуществлялись в уезде распоряжениями уездного комиссара и его канцелярии» [11, л. 31]. Роль самого Узикова сводилась к местной поддержке и опоре новой власти и помощи Комиссару в определении воли и настроений народа, поскольку «постановления Исполнительного комитета, принятые по соглашению с Уездным комиссаром, служат Узкому как руководящие директивы в его административной деятельности» [11, л. 32].

Принятые Съездом Наказы были документами регионального действия, признанные высшим органом власти Временного правительства в губернии, Комиссарами, а, следовательно, имели право на существование. Все они содержали, прежде всего, общие требования по внутренней структуре и органам Исполкомов и разъяснительные моменты по назначениям оных. По структурному и смысловому содержанию довольно близки документы, касающиеся Губернского и Уездных Комитетов. Оба они состоят из нескольких

частей, первая из которых посвящена освещению общих вопросов организации Комитетов (поэтому и называется «Общая часть»), а остальные связаны с расшифровкой деятельности внутренних их органов. Уездные Комитеты работают в непосредственной подчиненности губернскому с одним назначением, сводящимся к «контролю над учреждениями и представителями правительственной власти» [10, л. 7].

Базовая основа организации Комитетов сводится к аккумулярованию «организованного общественного мнения населения в вопросах общественно-политической жизни» [10, л. 5]. Документ обращает внимание, что деятельность Комитетов – явление временного характера, носящее на себе отпечаток пережитой революции. Достижение максимально возможного диапазона общественного мнения предусмотрено для Губикома «путем делегации представителей всех крупных общественных организаций, существующих в пределах Нижегородской губернии» [10, л. 5], для Узикома «путем делегации представителей от всех волостей уезда, от уездного земства, городской думы и других крупных общественных организаций, существующих в пределах уезда» [10, л. 7]. Было бы нелогичным предположение о равной доле представительства от организаций разных по численному составу, поэтому однообразного принципа количества делегатов принято не было, оговаривалось лишь, что разрешение этого вопроса принадлежит самому Комитету. Органами Узикома признавались: Общее собрание Комитета; Президиум; комиссии; отдельные представители Комитета.

Для Губикома этот круг расширялся еще и Советом представителей его отдельных групп. Заседания всех органов Комитета были публичными, за исключением случаев, когда на закрытое обсуждение было составлено постановление. Верховенство власти оставалось за Общим собранием, «единственно уполномоченным делать

постановления по вопросам общественно-политической жизни» [10, л. 7].

К непосредственным и первостепенным обязанностям Общего собрания, кроме того, вменялось избрание Президиума и комиссий и жесткий контроль деятельности всех органов Комитета. При возникновении непредвиденных Наказами случаев, носящих экстренный характер, Комитету предоставлялось право «давать поручения отдельным лицам. Такие лица являются при исполнении возложенных на них поручений представителями комитета» [10, л. 7об.]. В подобных случаях наличие письменного подтверждения возложенной ответственности было необходимым.

Периодичность заседаний Общего собрания Губикома сводилась к еженедельным встречам по вторникам в 8 часов вечера. Возможность созыва дополнительных совещаний не отрицалась, но для этого необходима была личная инициатива Президиума или же требование, по крайней мере, 10 членов Исполкома (конкретика в периодичности заседаний Общих собраний Узикомов не указана). Данные о дополнительных совещаниях имеются небольшие. Известно, что одно из них состоялось 22 июля 1917 года, на котором обсуждались вопросы возможного увеличения снабжения армии продовольствием [12, л. 19]. Состоявшимися могли считаться только заседания, которые посетили более трети всех его членов; для проверки посещаемости при входе вывешивался список с фамилиями и росписями присутствующих. Роль Председателя Общего собрания была не только почетна, но и сложна, поскольку его прямой обязанностью было наблюдение за соблюдением этики поведения на заседаниях, о выполнении которой обнаружено несколько свидетельств: «член Суворов был предупрежден о неприличии сквернословия...» [11, л. 52], «речь Приписнова была остановлена за скверный тон...» [11, л. 54]. Решения на заседани-

ях Общего собрания принимались простым большинством, единственным исключением этого принципа были вопросы об «исключении членов на одно заседание, для действительности которых требуется две трети присутствующих» [10, л. 9]. Однако, в изученных документах нет ни одного свидетельства исключений членов Общего собрания.

Комиссии разного рода могли создаваться и распускаться в процессе работы Комитетов «для контроля над лицами и учреждениями, для исследования отдельных случаев злоупотреблений или конфликтов, для проверки полномочий, для ревизии денежной части..., а также в необходимых случаях для предварительной разработки вопросов...» [10, л. 7 об.]. В связи с важностью решаемых комиссиями вопросов в их состав могли входить не только члены Комитета, но и посторонние лица при наличии соответствующей компетенции, а председатели и секретари комиссий входили в состав Президиума. Состав Президиума представляет собой сообщество Председателя, его товарищей и секретарей, избираемых Общим собранием. Важнейшая роль выбранных членов Президиума заключалась в деятельности его как связующего звена Комитета с «другими учреждениями, организациями и лицами» [10, л. 7]. Он же, Президиум, был признан исполнительным и распорядительным органом Комитета. В связи с этим в обязанности его входил просмотр и обсуждение повестки предстоящего заседания Общего собрания с целью акцентирования внимания на важности вопросов.

Финансирование Комитетов не было государственным, поэтому их содержание состояло из ассигнований различных учреждений и организаций, входящих в Исполком (все необходимые расчеты доверялось провести финансовой комиссии с последующим утверждением Общего собрания). В случае необходимости отчета о разумности трат создавалась ревизионная комиссия, избираемая

Общим собранием и ежемесячно предоставляющая ему свои доклады.

Принцип деятельности разветвленной сети Исполкомов сводился к жесткому подчинению Комитету, стоящему на ступень выше в территориальной иерархии. Таким образом, центр управления сводился к Губикоми. В случае несоответствия масштабов деятельности, выхода за рамки полномочий, Губиком мог наложить право вето на решение уездных Исполкомов. При несогласии с решением губернского исполнительного комитета Узиком мог заявить об этом через своих представителей в Губикоми, но до пересмотра последним своего решения все первоначальные его постановления остаются в силе.

Сложность обстановки на местах заключалась в том, что и Комиссары, и Исполкомы стремились обладать большими полномочиями, нежели предписанными им законом. Следовательно, вопрос об определении взаимоотношений этих двух властей оставался одним из самых важных. Функции Комитетов, по телеграмме из МВД от 21 марта, сводились к выявлению и обсуждению «текущих нужд населения и содействию направлению деятельности правительственных и общественных органов на началах декларации Временного правительства» [8, л. 1]. Разграничение полномочий Комитетов с Комиссарами было однозначным, поскольку «в деятельности своей общественные комитеты руководятся действующими законами и не вторгаются в компетенцию органов Временного правительства.» [12, л. 97] Признавая тем самым полноту и реальность власти за Комиссарами, правительство напоминало: «никаких распорядительных и исполнительных функций Общественные Комитеты не несут» [12, л. 97].

Подводя итог, отметим, что события февраля – марта 1917 г. привели к образованию в Нижегородской губернии принци-

ально новых органов, ставших во главе местной власти и управления. Это – Губернский, уездные и волостные исполнительные комитеты. Отличительными чертами этих органов власти можно назвать коллегиальность руководства, изменчивость структуры и социального состава властных единиц, местное финансовое обеспечение, либо выполнение должностными лицами своих обязанностей на общественных началах. Основным назначением Исполкомов являлось обеспечение связи между народом и комиссарами Временного правительства на местах. Сложность структуры сформированных комитетов говорит о важности этих организаций, их необходимости в сложившихся условиях России 1917 г. Вместе с тем следует указать и на факт снижения роли Исполнительных комитетов в системе местных органов власти к осени 1917 года.

Список литературы

1. Курбакова Е.В. Губернская власть и пресса российской провинции в 1811–1917 гг. (на материалах Казанской и Нижегородской губерний): дис. ... док-ра. ист. наук. Н. Новгород, 2009. 590 с.
2. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957. 602 с.
3. Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 г.: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 265 с.
4. Субботина И.А. Организация и деятельность местных органов власти Временного правительства в Нижегородской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005. 225 с.
5. Центральный Архив Нижегородской области (далее по тексту ГКУ ЦАНО). Ф.1882. Оп. 1. Д.20.
6. ГКУ ЦАНО. Ф.1882. Оп.1. Д.43.

7. ГКУ ЦАНО. Ф.1882. Оп.1. Д.50.
8. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.1.
9. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.2.
10. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.3.
11. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.14.
12. ГКУ ЦАНО. Ф. 1887. Оп.1. Д.53.
13. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.62.
14. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография. Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.

References

1. Kurbakova E.V. *Gubernskaja vlast' i pressa Rossijskoj provincii v 1811–1917 gg. (na materialah Kazanskoj i Nizhegorodskoj gubernij)* [Provincial authorities and the press of the Russian province in 1811–1917 gg. (on materials of the Kazan and Nizhny Novgorod provinces)]: Dissertation of PhD degree in history. Nizhny Novgorod, 2009. 590 p.
2. *Pobeda Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Nizhegorodskoj gubernii* [The victory of the October Socialist Revolution in the Nizhny Novgorod region. Collection of documents]. Gorky, 1957. 602 p.
3. Rumyantsev D.E. *Demokratizacija organov gorodskogo samoupravlenija v Povolzh'e v 1917 g.: istoriko-politicheskij analiz* [Democratization of the municipal government in the Volga region in 1917: the historical and political analysis]: Dissertation of PhD degree in history. Kazan, 2006. 265 p.
4. Subbotina I.A. *Organizacija i dejatel'nost' mestnyh organov vlasti Vremennogo pravitel'stva v Nizhegorodskoj gubernii* [The organization and activities of local authorities of the Provisional Government in Nizhny Novgorod province]: Dissertation of PhD degree in history. Nizhny Novgorod, 2005. 225 p.

5. *Central'nyj Arhiv Nizhegorodskoj oblasti, dalee po tekstu GKU CANO* [The Central Archive of the Nizhny Novgorod region, next GKU CANO]. F.1882. Op. 1. D.20.
6. *GKU CANO*. F.1882. Op.1. D.43.
7. *GKU CANO*. F.1882. Op.1. D.50.
8. *GKU CANO*. F.1887. Op.1. D.1.
9. *GKU CANO*. F.1887. Op.1. D 2.
10. *GKU CANO*. F.1887. Op.1. D.3.
11. *GKU CANO*. F.1887. Op.1. D.14.
12. *GKU CANO*. F. 1887. Op.1. D.53.
13. *GKU CANO*. F.1887. Op.1. D.62.
14. Schelkov A.B. *Vlast' v Samarskoj gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara province in 1917]: monograph. Samara: PGSGA, 2014. 184 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Субботина Ирина Александровна, доцент кафедры экономики и управления в машиностроении, кандидат исторических наук
Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета
ул. Калинина, 19, г. Арзамас, Нижегородская область, 607220,
Российская Федерация
subbotina.irina.alex@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Subbotina Irina Alexandrovna, Associate Professor, Department of economics and management in mechanical engineering, Ph. D. in History
Nizhni Novgorod State Technical University (Arzamas Branch)
19, Kalinin St., Arzamas, Nizhegorodsky region, 607220, Russian Federation
subbotina.irina.alex@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-22-27

УДК 94(470.342)

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВЯТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Чиркин С.А.

Цель. Целью статьи является рассмотрение особенности кадровой политики, проводившейся руководством Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка на рубеже XIX и XX вв. в качестве одного из факторов его стабильного развития в этот период.

Метод или методология проведения работы. В работе применяются методы исторической периодизации, сравнения, системный метод.

Результаты. Вятское отделение Волжско-Камского коммерческого банка являлось старейшим среди коммерческих банков Вятской губернии и считалось наиболее солидным из них. Поддержание высокого профессионального уровня как руководства, так и работников провинциальных отделений было важнейшей задачей правления. За 45 лет в Вятском отделении сменилось 11 управляющих, каждый из которых имел практический опыт финансовой или торговой деятельности. Тем не менее, отделение регулярно подвергалось инспекторским проверкам. Большинство лиц рядового состава были крестьянского происхождения и обладали невысоким образовательным уровнем. Их материальное положение было весьма тяжёлым. В связи с этим руководство поддерживало сотрудников, выплачивая им премии и пособия, оказывая иную помощь, в том числе из средств благотворительного капитала банка. Особой за-

ботой руководства являлось также восполнение кадровых потерь в связи с мобилизациями в годы Первой мировой войны.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы как в исследованиях по истории экономики дореволюционной России, так и при планировании и прогнозировании деятельности современных кредитно-финансовых институтов.

Ключевые слова: Российская Империя; Вятская губерния; капитализм; банки; персонал; политика; контроль.

PERSONNEL POLICY IN THE VYATKA OFFICE OF THE VYATKA-KAMA COMMERCIAL BANK

Chirkin S.A.

Purpose. The aim of the article is to regard certain features of the personnel policy pursued by the administration of The Vyatka office of The Volga-Kama commercial bank at the turn of XIX and XX centuries as a factor of its stable development during these years.

Methodology. The work applies the method of historical periodization and comparison, a systematic method.

Results. The Vyatka office of the Volga-Kama commercial bank was the oldest commercial bank in the Vyatka province, and was considered to be the most respectable among them. Maintaining a high professional level of both directors and employees of the provincial offices has been critical for the board of the bank. Over 45 years 11 directors changed in the Vyatka office. Each of them had practical experience of financial or commercial activities. However, the office regularly subjected to monitoring. Most of those employees were of peasant origins and had low educational level. Their financial situation was very difficult as well. In this regard, directors used to pay them premiums and benefits, provided

other assistance, including from the funds of the charity capital of the bank. A special concern of the administration was to support staff and replacement of staff losses due to mobilization during the First World War.

The scope of the results. The obtained results can be used in research in economic history of pre-revolutionary Russia, and when planning and forecasting activities of modern financial institutions.

Keywords: *Russian Empire; Vyatka province; capitalism; credit; banks; personnel; policy; control.*

Среди филиалов крупных коммерческих банков, функционировавших на территории Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв., особое место занимало отделение Волжско-Камского коммерческого банка, открытое в 1873 году в г. Вятке.

Оно являлось старейшим среди коммерческих банков Вятской губернии и считалось наиболее солидным из них.

В статье будут рассмотрены некоторые особенности кадровой политики, проводившейся в отделении банка на рубеже XIX и XX вв. в качестве одного из факторов его стабильного развития в эти годы.

Прежде всего, стоит отметить, что поддержание высокого профессионального уровня как руководства, так и работников провинциальных отделений было важнейшей задачей правления банка.

За 45 лет, с 1873 по 1918 гг., в Вятском отделении Волжско-Камского коммерческого банка сменилось одиннадцать управляющих [2, л. 172 об.].

Не все имели финансовое образование, однако каждый обладал значительным практическим опытом финансовой, торговой или руководящей деятельности. Помимо сведений об операциях и кредитном портфеле, управляющие регулярно сообщали в правление банка в Петербург сведения об урожае, торговле, эпидемиях в губернии и т.д. [2, л. 95].

Численность рядового состава Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка за годы его работы удвоилась. Поначалу здесь трудилось семь человек: управляющий, два бухгалтера, два кассира, помощник бухгалтера и конторщик. В учётном комитете состоял один человек. В 1910-е годы в отделении было уже 13 человек, а в учётном комитете – шесть. Кроме того, с 1883 года у отделения появился свой присяжный поверенный [3, л. 1–58].

Большинство из них были крестьянского происхождения и обладали весьма невысоким образовательным уровнем [2, л. 66–69].

Впрочем, в отделении весьма редки были случаи нарушения дисциплины, а низкий уровень образования работников компенсировался их старательностью и преданностью, что особо поощрялось начальством.

С целью хотя бы косвенно повлиять на подготовку кадров для Вятского отделения, правление банка с 1911 года оказывало помощь 8-классному коммерческому училищу г. Вятки, ежегодно перечисляя ему по 4 000 руб.

Отделение регулярно подвергалось инспекторским проверкам. После них в личных карточках служащих появлялись характеристики, по которым можно судить о качествах, востребованных у сотрудников:

- о конторщике Алалыкине – *«Старательный работник»* (1913);
- о конторщике Альгине – *«Служащий трудолюбивый. Свои несложные обязанности исполняет удовлетворительно»* (1911);
- о конторщике Ворончихине – *«Средний служащий»* (1913), *«Толковый, усидчивый работник. Горбатенький»* (1915) [1, л. 86].

Материальное положение работников было весьма тяжёлым.

В своих ходатайствах о премиях и пособиях управляющие постоянно подчёркивали: «В виду крайней бедности его семьи...», «В связи с тяжёлым материальным положением...» и т.д. [1, л. 90]. Некоторые служащие за долгие годы службы ни разу не брали отпуска!

Правление Волжско-Камского коммерческого банка пыталось решать подобные вопросы. В мирное время служащие получали две премии в год: «уставное вознаграждение» (6% от годового оклада) и премию к Пасхе (4% от годового оклада). С началом мировой войны ежемесячно стали выплачиваться добавочные пособия «в виду вздорожания жизни»: 15% от оклада – семейным работникам, 7% – холостым. Кроме того, управляющий Вятским отделением Ф.А. Циммерман в эти годы добился возможности перечисления заработных плат мобилизованных служащих их семьям [1, л. 78]. Случались и незапланированные премии, всегда становившиеся крупным событием.

В особых жизненных обстоятельствах (лечение, похороны, обучение детей) сотрудники просили о пособиях и, как правило, получали их из благотворительного капитала банка [1, л. 211].

Военные годы поставили на повестку дня и ряд других важных кадровых вопросов. Чтобы восполнить потерю десяти мобилизованных работников, руководство отделения стало принимать «нештатных» служащих: бывших практикантов, работников земств и торговых фирм. Кроме того, на работу «в виде временной меры» стали принимать «лиц женского пола для ведения корреспонденции на пишущей машинке и других конторских работ» [2, л. 135].

Однако разрешая в целом материальные проблемы своих сотрудников, руководство Волжско-Камского коммерческого банка не всегда способно было устранить психологическую напряжённость в коллективе, в том числе и на почве бедности.

Доносы в правление были редкостью, но иногда имели место [2, л. 188об]. Они были нацелены как против управляющих, так и против рядовых служащих.

Таким образом, кадровая политика руководства Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка характеризовалась

продуманностью, гибкостью, учётом материальных и психологических особенностей работников. Все упущения были обусловлены объективными трудностями, переживаемыми экономикой страны.

Список литературы

1. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 595. Оп. 2. Д. 422.
2. РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 477.
3. РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 478.

References

1. *Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [The Russian State historical archive (RSHA)]. F. 595. Op. 2. D. 422.
2. *RGIA*. F. 595. Op. 2. D. 477.
3. *RGIA*. F. 595. Op. 2. D. 478.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чиркин Сергей Александрович, доцент кафедры истории и философии, кандидат исторических наук

*Вятская государственная сельскохозяйственная академия
Октябрьский проспект, 133, г. Киров, 610017, Российская
Федерация
s_tchirkin@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chirkin Sergei Aleksandrovich, Associate Professor of History and Philosophy Department, Ph.D. in Historical Science

*Vyatka State Agricultural Academy
Oktyabrskiy avenue, 133, Kirov, 610017, Russian Federation
s_tchirkin@mail.ru*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-28-38

УДК 141.2

БОРЬБА ЗА ВОСПОМИНАНИЯ: «КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Аникин Д.А.

Целью статьи является анализ постановки вопроса о коллективной памяти в рамках «критической теории» Франкфуртской школы. На основе историко-философского и компаративистского метода выявляется культурный контекст возникновения данной проблемы, а также формулируются характерные черты коллективной памяти в интерпретации «критической теории». К ним можно отнести: сосредоточение на коммуникативной памяти, психоаналитическая трактовка культурной травмы, призыв к рационализации в качестве метода противодействия молчаливому забвению.

Ключевые слова: коллективная память; вина; ответственность; рационализм; травма.

FIGHT FOR MEMOIRS: ‘THE CRITICAL THEORY’ OF COLLECTIVE MEMORY

Anikin D.A.

The purpose of article is the analysis of a formulation of the question about collective memory within “the critical theory” of the Frankfurt

school. The historic-philosophical and comparative methods allows to open the cultural context of emergence of this problem and to formulate characteristic features of collective memory in interpretation of “the critical theory” are formulated. It is possible to carry to them: concentration on communicative memory, a psychoanalytic interpretation of a cultural injury, an appeal to rationalization as a method of counteraction to silent oblivion.

Keywords: *collective memory; wine; responsibility; rationalism; injury.*

Методологические проблемы коллективной памяти

Понятие коллективной памяти в последние годы становится одним из магистральных в гуманитарных исследованиях, что, однако, не означает отсутствия потребности в философской рефлексии. Скорее, наоборот – поскольку большинство исследователей памяти являются представителями исторического, социологического или политологического знания, то особенно остро встает проблема определения философско-методологических оснований их исследований.

Одну из первых попыток именно философского анализа проблематики коллективной памяти сделал А.В. Дахин, но им была поставлена задач концептуализации самого феномена надындивидуальной памяти через призму, прежде всего, категориально ряда фундаментальной онтологии М. Хайдеггера [3, с. 73]. Не отрицая эвристической значимости подобных исследований, хочется рассмотреть именно методологический аспект философского знания по отношению к дисциплинарным и даже междисциплинарным исследованиям.

В отечественных статьях, посвященных *memory studies*, зачастую можно столкнуться с определениями и понятиями, заимство-

ванными из работ Пьера Нора, Мориса Хальбвакса, Алейды Ассман, без учета методологических различий, лежащих в основе их концепций. В связи с чем представляется насущной задача выявления имплицитных оснований исследований коллективной памяти в контексте философских направлений XX века.

В настоящей статье предполагается рассмотреть постановку вопроса о памяти в рамках «критической теории» Франкфуртской школой, определить социальный контекст поставленных вопросов и стратегии их решения, способствовавшие выработке понятия «проработка прошлого» и, косвенным образом, становлению исторической политики как особого типа политических практик.

Память и забвение: историко-культурный контекст

Проблематизация феномена исторической памяти во второй половине XX века была напрямую связана с актуальными социально-политическими процессами, прежде всего, с построением пост-нацистской Германии, остро нуждавшейся в выстраивании определенной стратегии отношения к своему прошлому.

После Нюрнбергского процесса и раздела Германии между странами-победителями (а потом и превращения в две различные страны – ГДР и ФРГ) реализовывались различные стратегии отношения к недавнему прошлому. ГДР пошло по тому пути, который А. Ассман называет экстернализацией [2, с. 184–185]. Экстернализация подразумевает отстранение от негативных воспоминаний путем их приписывания другим коллективным субъектам. Иначе говоря, позиционирование ГДР по отношению к недавнему германскому прошлому строилось на принятии «антифашистской» идентичности, из чего проистекал молчаливый

консенсус по поводу отношения к преступлениям нацистского режима. Они расценивались как «чужие», совершенные «врагами», против которых и велась борьба, а саму модель отношения к прошлому можно охарактеризовать как «торжество справедливости».

В Западной Германии ситуация оказалась сложнее, поскольку невозможность однозначного признания социалистической правоты и, соответственно, неспособность признать себя победителями в войне с фашизмом, приводила к потребности в определенном компромиссе с прошлым. «В послевоенной Германии потребность в молчании выражается в призыве «подвести черту», который сквозным лейтмотивом звучал в речах членов бундестага» [2, с. 107]. Этот компромисс носил вынужденный характер, поскольку в условиях послевоенной разрухи значительную часть чиновников вновь сформированного правительства составляли сотрудники органов III Рейха. Но существенную опасность представляло стремление перевести данный компромисс из плоскости вынужденной необходимости в плоскость исторической закономерности и, тем самым, легитимировать существующий политический порядок. В таких условиях процесс денацификации замедлился, а возторжествовавшей точкой зрения стала позиция, во-первых, возлагавшая всю вину на небольшую группу приближенных Гитлера, а, во-вторых, предлагавшая «взаимозачет вины», согласно которому немецкое общество уже расплатилось за совершенные нацистами преступления бомбардировкой Дрездена и другими мирными потерями.

Это не означает, что такая точка зрения была единственной. Как отмечает Е. Лёзина, «в отличие от консервативных сторонников нормализации, леволиберальные интеллектуалы и политики старались привлечь внимание не к страданиям немцев, а к непо-

средственным жертвам нацистского режима, осуждали массовое возвращение в публичную жизнь бывших нацистов, выступали с призывами не забывать о прошлом, дабы избежать его повторения» [4, с. 15]. Проблема только в том, что такая позиция не имела отклика в германском обществе, пытавшемся преодолеть негативные воспоминания о недавней войне путем отнесения себя к случайным очевидцам, а не к активным участникам происходивших событий.

Немалое значение имел и поколенческий аспект. По сути, в 50-ые годы основными социальными и политическими акторами оставались представители того поколения, которое непосредственно принимало участие в боевых действиях. В этом смысле речь не шла о передаче памяти следующим поколениям, а существенным становилось отношение самих индивидов к тем событиям, очевидцами и участниками которых они являлись.

Й. Рюзен впоследствии предложил следующую типологию восприятия Холокоста в сознании трех поколений немцев в соответствии с качественными различиями по основному критерию — стратегии строительства идентичности.

В первом, самом старшем поколении, которое является носителем живой памяти, с немецкой идентичностью «все в порядке»: происходит экстернализация нацистов как небольшой группы политических гангстеров.

В «среднем», втором поколении, которое вступает в конфликт со своими родителями, возникает стремление придать Холокосту историческое значение, рассмотреть его в исторической перспективе, осмыслить весь период нацизма в целом как контрсобытие, которое конституировало сознание западных немцев негативным способом («от противного»). На основе моральных принципов и моральной критики («они – преступники, мы – другие») проис-

ходит самоидентификация с жертвами нацизма, а национальная историческая традиция замещается универсальными (общечеловеческими) нормами. Так создается новый, очень напряженный тип коллективной идентичности.

В третьем поколении (в последние годы) возникает определяющий новый элемент – «генеалогическое отношение к преступникам»: «это наши деды, да, они были другими, но в то же время они – немцы, а значит “мы”». Так осуществляется реконцептуализация немецкой идентичности, и шокирующий исторический опыт «возвращается» в национальную историю. Второе и третье поколения по-разному дистанцированы от ключевых событий Холокоста или Третьего рейха, но и те, и другие события, бесспорно, составляют ядро коллективной памяти этих поколений, поскольку последние все еще имеют доступ к жизненному опыту старших. Однако все быстрее приближается время, когда эта связь разорвется, и потребность понять, как коллективная память продолжает функционировать на уровне индивидуального опыта и соперничать с предлагаемой исторической интерпретацией, станет как никогда актуальной [5, с. 17–18].

Историческая память и коллективная ответственность

В первые годы после войны существенной проблемой для западногерманского общества стало определение ответственности за совершенные преступления, а также стремление к универсализации нацизма с точки зрения его признания последствием тех социальных процессов, которые имплицитно уже присутствовали в европейской цивилизации.

Одними из первых данную проблему обозначили представители Франкфуртской школы, прежде всего, Теодор Адорно и Хан-

на Арндт. Для Х. Арндт поводом для обращения к механизмам функционирования воспоминаний в немецком обществе стало дело А. Эйхмана, что в итоге и отразилось в ее работе «Банальность зла» [6]. Арндт старается минимизировать моральную оценку произошедших событий, обращая внимание на отсутствие индивидуальной рефлексии по поводу собственного участия в этих событиях, стремление подменить понятие ответственности осознанием правильности выполненных поручений. С ее точки зрения, в этом выражается характерная черта современного социального устройства – отказ от собственного «я» в пользу предметной трактовки человека, его восприятия как совокупности выполняемых им операций.

Для Теодора Адорно проблема становления фашизма и его произрастания из утопического рационализма эпохи Просвещения стала предметом осмысления еще в знаменитой «Диалектике Просвещения». Но если там движение философской мысли было направлено на выявление тех теоретических предпосылок, которые сделали возможным Холокост, то позднее Адорно диагностирует возникновение условий, при которых такой способ мышления не будет изжит, а укоренится в мышлении уже новых поколений.

В своей известной работе «Что означает «проработка прошлого?»» (1959) он ставит вопрос об отношении к тому прошлому, которым не получается гордиться, а, вследствие этого, возникает естественная реакция по удалению травматического прошлого как из индивидуальной, так и из коллективной памяти [1, с. 36–45]. Он констатирует, что подобная постановка вопроса, ставшая уже естественной для коллективного сознания немецкого общества, приводит к нормализации нацизма и, в каком-то смысле, даже к его оправданию. «Все разговоры о

комплексе вины сохраняют в себе что-то неправдоподобное... он обозначает болезненность чувства вины и его несоответствие реальности. С помощью этого слова создается впечатление, будто чувство вины, от которого так много людей защищается... вовсе не соответствует никакой вине, но исходит из них самих, особенностей их душевного строения» [1, с. 37]. Следствием переноса вины из онтологической в сугубо психологическую плоскость становится ее субъективация, бессознательный отказ от признания существенных причин, вызвавших данное чувство к жизни. Поэтому необходимым способом борьбы с таким «молчаливым забвением» немецкий философ считает «проработку прошлого», при которой окажется разрушено это молчание.

Основной для Адорно является даже не потребность в памяти, а требование критической рефлексии по отношению к собственным воспоминаниям, установка на их очищение от смягчающих обстоятельств и оправданий. Цель подобной операции (недопущение повторения подобных событий) вполне понятна, но моральный смысл совершаемых над памятью действий остается вне зоны анализа. По сути, сохранение (или, точнее, воссоздание) правильных воспоминаний о войне является частным способом демифологизации репрессивной идеологии Просвещения, выродившейся в национал-социалистический режим.

Таким образом, представители Франкфуртской школы впервые попробовали вписать механизмы функционирования и конструирования коллективной памяти в контекст борьбы с репрессивными проявлениями социального, наиболее наглядным из которых и стал фашизм. Несмотря на непроработанность ключевых понятий критической теории применительно к коллективной

памяти, можно наметить несколько основных тенденций, отразившихся в работах Т. Адорно и Х. Арндт.

1. Обращение к коммуникативной памяти участников и свидетелей недавних событий, которая присутствует в виде личных воспоминаний, а коллективный характер задается общностью тех событий, к которым эти воспоминания относятся, а также схожими фигурами «умолчания», позволяющими поддерживать устойчивый социальный консенсус.

2. Опора на психоаналитическую теорию травмы для объяснения процессов, протекающих в немецком обществе, и поиска способов борьбы с негативными тенденциями в замалчивании прошлого.

3. Необходимость рационализации отношения к прошлому («проработки прошлого» в терминологии Т. Адорно) в качестве обязательной процедуры верификации исторического опыта и гарантии недопущения подобных ситуаций в будущем.

4. Минимизация морального аспекта памяти и инструментализация самих коммемораций, которые рассматриваются в большей степени как стратегии демифологизации просвещенческих мифов.

Указанные черты, во многом, определили черты исторической политики Европы во второй половине XX века. Вместе с тем, заложенные в них внутренние противоречия (отсутствие рефлексии по поводу специфики морали в коммеморативных практиках, подчеркнуто рационализированное и инструментальное отношение к способам актуализации прошлого), а также недостаточно внимание к межпоколенческой динамике коллективной памяти – все это вызвало потребность в определенном ревизионизме критической теории, что и было предпринято в теории «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

Список литературы

1. Адорно Т. Что такое «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас, 2005, № 2–3. С. 36–45.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
3. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации memory studies // Вопросы философии, 2010, № 8. С. 73–77.
4. Лёзина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011. № 3. С. 11–25.
5. Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 9–25.
6. Arendt J. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Viking, 1968. 212 p.

References

1. Adorno T. Chto takoe «prorabotka proshlogo» [What is “study of the past”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no 2-3 (2005): 36–45.
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy.]. Moscow: NLO, 2014. 328 p.
3. Dakhin A.V. *Obshchestvennoe razvitie i vyzovy kollektivnoy pamyati: perspektiva filosofskoy kontseptualizatsii memory studies* [Social devel-

- opment and calls of collective memory: prospect of philosophical conceptualization of memory studies]. *Voprosy filosofii*, no 8 (2010): 73–77.
4. Lezina E. Istochniki izmeneniya ofitsial'noy kollektivnoy pamyati (na primere poslevoennoy FRG) [Sources of change of official collective memory (on the example of post-war Germany)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3 (2011): 11–25.
 5. Ryuzen Y. «Utrachivaya posledovatel'nost' istorii» (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati [“Losing the sequence of history” (some aspects of historical science at the intersection of a modernism, postmodernism and discussion about memory)]]. *Dialogue with time*. Rel. 7. Moscow, 2001, pp. 9–25.
 6. Arendt J. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Viking, 1968. 212 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аникин Даниил Александрович, доцент кафедры теоретической и социальной философии, кандидат философских наук, доцент *Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410065, Российская Федерация
dandee@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anikin Daniil Alexandrovich, Assistant Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Faculty of Philosophy and Physiology, Candidate of Philosophical Science, Assistant Professor *Saratov State University*
83, Astrahanskaya Str., Saratov, 410065, Russian Federation
dandee@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-39-56

УДК 1 (091)

ИДЕЯ ТЕОКРАТИИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЁВА

Вашурин А.Н., Галушко В.Г., Кудряшов С.В.

Цель. Современный статус проблемы христианского единства обусловлен тем историческим культурным процессом современной эпохи, который характеризуется стремлением к единству, к общечеловеческой солидарности, к постановке вопроса в мировом масштабе. Предметом исследования выступают философские основания христианского единства в творчестве В.С. Соловьёва. Авторы ставят целью проанализировать идеи теократии, как одно из оснований христианского единства в творчестве философа.

Метод или методология проведения работы. Исследование опирается прежде всего на соединение категориального анализа с историческим подходом к материалу, на сочетание историко-философского и культурно-сравнительного анализа.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы анализируя проблему христианского единства в творчестве В.С. Соловьёва, делают предположение, что объединение восточной и западной христианских церквей для философа есть начало реального осуществления всемирной теократии, представляемой В.С. Соловьёвым как христианизация и объединения мира под верховным руководством вселенской церкви.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в образовании, в качестве теоретиче-

ского материала к курсам по истории религиозной философии, религиоведению, культурологии.

Ключевые слова: *христианство; единство; теократия; церковь; царство; священство; религия; сознание.*

**IDEA THEOCRACY
AS THE BASIS OF CHRISTIAN UNITY'S PROBLEM
IN THE WORK OF V. S. SOLOVYOV**

Vashurin A.N., Galushko V.G., Kudryashov S.V.

Purpose. Current state of Christian integrity's problem is determined of that historical and cultural process of modern age, which characterized by striving for unity, panhuman solidarity and question formulation in global scale. The subject of research is philosophical base of Christian integrity's in V.S. Solovyov work. The author set a goal to analyze theocracy ideas as one of Christian integrity's foundations in philosopher's scholarly writings.

Methodology. Mostly investigation based on composition of categorical analysis and historical approach to material, on conjunction of historical-philosophical, cultural, and comparative analysis.

Results. The results of work are in the assumption that integration of the Eastern and the Western Churches is the beginning of real world theocracy implementation. This suggestion was made by the authors due to analysis of Christian integrity's problem in V.S. Solovyov work. V.S. Solovyov understand the world theocracy as world's Christianization and unification under the leadership of universal church.

Practical implications. The results of this research can be used in education, in religious and cultural studies, in courses on the historical of religious philosophical as theoretical material.

Keywords: *Christianity; integration; theocracy; church; kingdom; the priesthood; religion; consciousness.*

Творческое наследие В.С. Соловьёва остаётся актуальным. Мысли философа, высказанные им в рамках философии всеединства созвучны современным геополитическим, социальным, теологическим проблемам и требуют исследования. Одной из острейших проблем современности остаётся проблема разделённой религии – христианства. В современной рациональной культуре мы часто забываем о том, что когда-то в начале своей истории христианство было единой религией, что никакого разделения на православную, католическую и протестантскую конфессии не было.

Разделённое состояние христианской веры Соловьёв расценивал как не естественное, противоречащее философии всеединства. Именно поэтому мыслитель рассматривал философские основания христианской целостности с точки зрения движения к эталону философии всеединства – католической церкви. Без её объединения невозможно было достичь примирения между православным Востоком и католическим Западом.

Сквозь призму проблемы христианского единства рассматривается в творчестве В.С. Соловьёва идея теократии. Объединение восточной и западной христианских церквей для философа есть начало реального осуществления идеи всемирной теократии, представляемой В.С. Соловьёвым как христианизация и объединение мира под верховным руководством вселенской церкви. Идею всемирной теократии можно определить, как главную в религиозном аспекте историософии философа. Она предстаёт как идея объединения и христианизация мира под верховным руководством церкви. Консолидирующую роль в теократии В.С. Со-

ловьяева, роль теоретического фундамента призвано сыграть христианство как самая совершенная форма религиозного сознания, а роль практического фундамента – единая католическая христианская церковь. Одновременно соединение церквей, согласно мыслителю, представляет собой слияние таких разделённых категорий как «царство» и «священство».

Как религиозный мыслитель. В.С. Соловьёв утверждал, что апогеем в развитии видов организации глобального социального мира будет слияние власти политической, власти пророка, плюс власть духовная.

Конструируя католическую теократическую модель философ выделяет три основных её частей: царство, священство и пророчество. Третья часть согласно мыслителю развивалась еврейской теократии, становление такого составляющего как царство возлагалось на восточное христианство, на православных, а священство должны были развивать западные христиане – католики.

Однако, царство в Византийской империи, и священство в Римской державе, эволюционировали в силу различных исторических обстоятельств не естественно сильно. Чтобы избавиться от своих минусов, царство и священство обязаны были слиться в единое целое, рождая обновлённую вселенскую церковь.

Теократические идеи были восприняты его современниками критически и рассматривались больше как утопические. В частности, русский философ Евгений Трубецкой указывал на то, что во взглядах В.С. Соловьёва на теократию нет определённости и не хватает ясности. Действительно в разных произведениях философа она характеризуется по-разному. Где-то он рассматривает теократию, как соединение небесного и земного начал. «Человечество, воссоединённое с своим божественным началом чрез посредство Иисуса Христа, есть Церковь, и если в вечном перво-

бытном мире идеальное человечество есть тело божественного Логоса, то в природном происшедшем мире Церковь является как тело того же Логоса, но уже воплощенного, т.е. исторически обособленного в богочеловеческой личности Иисуса Христа» [10, с. 160].

В другом случае В.С. Соловьёв рассматривает теократию как политическую систему, как общественный государственный строй, соединения власти кесаря и церкви. Однако государство как социальное образование всегда связано с репрессалиями, что позволяет существовать утверждению о том, что теократия в этом смысле не может быть свободной по определению. Хотя сам философ обращает внимание на то, что данная форма организации общества носит временный характер и не может быть безусловной. Трубецкой обращает внимание на то, что учение В.С. Соловьёва о теократии страдает эклектикой.

В этом отношении хочется с ним не согласиться и обратить внимание на то, что Соловьёв пытался рассматривать проблему теократии в совокупности различных аспектов опираясь на философию всеединства, основы которой автор заложил в первый период своего творчества, создав такие фундаментальные вещи как «Кризис западной философии», «Чтение о богочеловечестве», «Философские начала цельного знания» «Критика отвлечённых начал». Опираясь на свои теоретические изыскания первого периода философ приступает к более подробному исследованию свободной теократии. С 1885 по 1887 год он создаёт свой главный труд, посвящённый данному вопросу: «История и будущность теократии». В нём он пытается исследовать пути теократического социума. Автор ставит задачу: «Оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания; показать, как эта древняя вера, освобожденная от оков местного обособления и народного само-

любия, совпадает с вечною и вселенскою истиною – вот общая задача моего труда» [11, с. 243].

Важнейшим начальным действием на пути к свободной теократии В.С. Соловьёв считал объединение католической и православной церкви. В 1883 году он пришёл к мысли о том, что возглавить будущую единую христианскую церковь обязан был Римский Папа. Оправдание верховенства главы католической церкви мыслитель пытался найти в истории церкви, общества, в исследовании текстов Евангелие. Выше перечисленные источники свидетельствовали о более высокой активности Римского Папы в социальной политике, по сравнению с руководством православной церкви.

В отличие от восточных автокефальных православных церквей, западная христианская организация имела единый политический и духовный центр Ватикан, единого главу церкви Римского Папу, чёткую иерархию. Церковная политика Ватикана была нацелена на освоение и управление социальной реальностью и наделяла римскую церковь большим практическим опытом.

Исторически Римский Папа был наследником власти святого Петра – основателя вселенской церкви и по этой причине мог обладать правом верховенства в объединённой христианской церкви.

Философская система всеединства, созданная В.С. Соловьёвым, ставила перед автором не только теоретические, но и практические задачи, что заставляло философа менять свои взгляды и превращаться из последовательного сторонника славянофилов в их критика с одной стороны, а с другой стороны философ пытался оправдать католицизм, выступая в русском культурологическом пространстве, в определённой степени его апологетом. Рассуждая о проблеме вселенской церкви В.С. Соловьёв пишет: «Быть может для этого дела еще не пришло время в эпоху старых славянофи-

лов. Как бы то ни было, их главный представитель в области духовных вопросов – Хомяков – выступил с совершенно другою задачей: возводя факт церковного разделения в принцип, доказать, что значение единой и вселенской церкви принадлежит *исключительно* нам, нашему вероисповедному обществу, а весь западный мир находится вне настоящего христианства. В этом виде славянофильское учение очевидно воспроизводит с полным сознанием, намеренно и систематически ту пагубную ошибку, в которую наши староверцы впали по узкости кругозора и по невежеству» [11, с. 253]. Соловьёв критикует Хомякова за неспособность допустить к делу единства вселенской церкви западной части христианского мира, что ставило непреодолимый барьер на пути реального объединения основных христианских конфессий.

Будучи прекрасным полемистом, В.С. Соловьёв подверг критике не только позицию ранних, но поздних славянофилов, в частности творчество Н.Н. Страбова и Н.Я. Данилевского, обвинив их в религиозном и национальном изоляционизме.

Процесс развития вселенской теократии представлялся В.С. Соловьёву достаточно сложным, но необходимым делом, ибо через него шло совершенствование мира. Основным камнем преткновения на пути её достижения философ видел в историческом разделении единого изначально христианства на западное и восточное. Соловьёв оценивал это разделение не просто как разделение на православие и католицизм, а как разрушительный процесс единой власти Христа, негативно влияющий на окружающий мир, усиливая влияние греха, а через него злого начала и ослабляя влияние доброго начала. Знаменитая формула о том, что разделение есть зло, а соединение есть добро, в этом аспекте звучала особенно актуально.

Собственным примером, В.С. Соловьёв, пытался на практике решать эту проблему. Так, в частности, в 1896 году он причащался

у католического священника Николая Толстого, что позволило некоторым недоброжелателям его утверждать, что он принял католичество, хотя сам Соловьёв никогда этого не утверждал. Напротив, перед смертью, он причащался у православного священника С. Беляева. Этими действиями философ лишь хотел показать, что нет никаких серьёзных причин, которые могли бы помешать объединению западной и восточной христианских церквей. Вселенская церковь возникла как единое целое и в будущем она вновь должна стать единым целым. Без этого объединения невозможно решать другие проблемы в рамках теории всеединства.

Церковь, согласно Соловьёву, в своём историческом развитии, должна пройти три этапа. На первом этапе, она выступает как единое целое, на втором этапе происходит её разделение на части, на третьем этапе она должна вновь соединиться, прийти к целому. В этом он видел преодоление греха разделения, которое исторически усугублялось. Вслед за первым разделением, произошедшем в 1054 году, последовали остальные, как на Западе, так и на Востоке. Западное христианство, благодаря движению реформации, деятельности Мартина Лютера, Жана Кальвина разделилось на католиков и протестантов, породив недоверие, вражду и борьбу между западными христианами. В частности, можно вспомнить печально известные события, произошедшие во Франции времён Карла IX, когда в канун дня святого Варфоломея 24 июня 1572 года и последующие две недели было убито 30000 французских гугенотов, французами католиками. В XIX веке дробление западного христианского мира продолжилось, стали появляться христианские секты баптистов, менонитов, пятидесятников, свидетелей Иеговы и другие. В XX веке их стало ещё больше.

Не избежала дальнейшего раскола и православная церковь. В частности, в России она раскололась на староверов и никониан в

результате проведения церковных реформ патриархом Никоном в XVII веке. Раскол тоже привел к жертвам среди христиан, когда раскольники сжигали себя целыми общинами. В XIX веке стали появляться различные православные секты и толки, усилив процесс разделения христианских общин.

В философии всеединства Богочеловечество выступает образом проявления всеединства в обществе, постепенным возвращением человека к Богу, при этом сам процесс в исторической перспективе разворачивается от простого объединения, экономического к более сложному политическому, а затем и к духовному. Богочеловечество по сути выступает у В.С. Соловьёва как человечество. Следовательно, христианское объединение определяется мыслителем как начальная стадия соединения христианской религии в общественных отношениях. Христианское вероучение по мнению Соловьёва призвано было сыграть главную объединяющую роль, ибо оно явилось наиболее совершенной формой религиозного сознания. Роль же практического фундамента отводилась единой вселенской(кафолической) церкви. Именно поэтому изначальной важнейшей задачей при достижении вселенской теократии В.С. Соловьёв считал соединение восточного и западного христианства в единую конфессию.

Изучение проблемы христианского единства в творчестве В.С. Соловьёва показывает, что для мыслителя соединение церквей прежде всего, есть основное условие примирения двух христианских культур, ибо без единого христианства невозможно разрешить великий спор между Востоком и Западом. Выполнение этой задачи философ возлагал на российское государство. «Но если разделение церквей было исторически необходимо, то ещё более необходимо нравственно для христианства положить конец этому разделению. Христианская и православная страна, не принимав-

шая участие в начале братоубийственного спора, первая должна его покончить» [11, с. 261].

Вера В.С. Соловьёва в пророческую силу историософии приводит его к мысли о кризисе исторического процесса, который по его представлению, близится из-за того, что за основу европейской вышней культуры было взято однобокое объяснение христианской религии, как это произошло с католической конфессией. Однако, на Востоке, по предположению Соловьёва, уберегли правду христианства, но, увлечшись государственным моментом, не сотворили культуры церкви Христа. Именно в данном обстоятельстве мыслитель усматривал прегрешение византийской империи.

Русское государство как преемник восточного анклава империи Рима, а, значит, хранитель православного учения и обладатель земли православной, должно было возложить на себя задачу агрегирования христианской церкви. Для мыслителя было с самого начала значимо то, что основой для католического духовного единения должна была стать российская государственность и преддверием данного действия предполагалась взаимосвязь отечества и Европы.

По мнению В.С. Соловьёва, объединить наследницу Византии и Европейскую цивилизацию призвано было общее для всех христиан дело, исполнение в реальной действительности максимум христианской политики, чему не могут противостоять расхождения национальных устройств социальной и государственной жизни. В данном случае у русского государства и Европы – единое поприще. Для России не существует никакой другой исторической альтернативы, кроме пути к объединению, при этом, сохраняя собственные самобытность и традиции. Аналогично и у европейских этносов.

Для философа объединение христианских течений представлялось не только как согласие между Востоком и Западом, но и одновременно единение царства и священства, в разрозненности своей истощённых и обладающих определёнными недостатками, которые мешают триумфу делу богочеловечества на земле. Компонент священства проявляется римским папой как главой вселенской церкви, а компонент царства – русским монархом как главой православной державы.

В Восточной части христианства изъяны оформились в форме цезаропапизма, а в Западной части – в форме папоцезаризма. Чтобы ликвидировать недостатки две теократические составляющие обязаны были образовать единое целое: православное царство Российской империи со священством римского папы. Следствием их объединения, согласно мыслителю, обязано появиться духовное общество, которого до сих пор не было сотворено ни на Западе, ни на Востоке.

Звеном, объединяющим царство и священство, согласно философу, обязана стать вера православных христиан. Данное обстоятельство подчёркивает, что в католицизме В. С. Соловьёв пытался обнаружить мощную церковную организацию, а не рассматривал его в качестве источника вероучения. Следовательно, католическая церковь должна была предоставить вселенской теократической конструкции власть первосвященника, а русская держава отвечала за царскую власть и православную веру.

К этому можно добавить, что во время работы над вопросом христианского объединения мыслителем была творчески продумана и истолкована «русская идея», в которой В.С. Соловьёв узрел не эксклюзивность русского этноса, а право нашей Родины исправить исторический изъян раскола христианской религии и на этом фундаменте установить согласие между Востоком и Западом. Фило-

соф, полагал, что только русская держава способна предоставить мирозданию образец христианского прощения и тем самым, встать во главе движения за воссоединение церквей. Рим, согласно мыслителю, не смог бы пойти на такой смелый шаг, ибо ему не хватило бы веры и любви.

Таким образом, опираясь на историко-философский, культурно-сравнительный, категориальный анализы, как методы исследования, соединив их с историческим подходом, при изучении темы удалось выявить, что идея теократии является одним из важнейших оснований проблемы объединения христианства в творчестве философа. Такой вывод позволяет сделать анализ исследуемых материалов по заявленной теме. Это работы В.С. Соловьёва, посвящённые теократии и прежде всего его монографии «История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь», «Чтения о богочеловечестве», статьи, письма философа, а также его работы, посвящённые проблеме христианского единства: «Великий спор и христианская политика», «О расколе в русском народе и обществе», «Догматическое развитие церкви», «Россия и Европа», «Славянофильство и его вырождение», «Мнимая борьба с западом». Кроме того, исследовались работы, посвящённые творчеству В.С. Соловьёва, затрагивающие данную тематику. Это работы Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, А.Ф. Лосева, В.В. Сербиненко, В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого.

Исследуя идею теократии как одно из оснований проблемы христианского единства в наследии В.С. Соловьёва, хочется отметить, что она занимала важное место в его творчестве. Об этом свидетельствует достаточно большое количество статей философа и отдельных монографий, посвящённых этой теме. Удалось установить что, решение проблемы христианского единства мыслитель напрямую увязывал с теократической идеей, указы-

вая на то, что слияние на практике таких категорий теократии, как «царство» и «священство» приведёт к избавлению от изъянов как католический Запад, так и православный Восток, что в свою очередь позволит начать реальный процесс сближения, а в перспективе и соединения христианских церквей, преодолевая тем самым грех исторического раскола на христиан католиков и христиан православных. При этом, в католицизме В.С. Соловьёв пытался найти лишь мощную церковную организацию, имеющую богатый практический опыт. Он не рассматривал католицизм в качестве источника вероучения, в чём иногда пытались обвинять философа его современники. В идее теократии В.С. Соловьёв видел тот путь для человечества, который приведёт к созданию духовного общества, что в итоге поможет разрешить экономические, политические, культурные и цивилизационные противоречия между Востоком и Западом, которые остаются актуальными и сегодня.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // О Владимире Соловьёве. Томск: Водолей, 1997. С. 96–116.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог, 1997. 215 с.
3. Величко В.Л. Владимир Соловьёв. Жизнь и творение. 2-е изд. СПб.: Сирин, 1904. 119 с.
4. Гершензон М.О. Славянофильство // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 7–68.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1990. 574 с.
6. Данилевский Н.Я. Владимир Соловьёв о православии и католицизме // Горе победителям. М.: Алир, 1998. С. 336–383.
7. Лосев А.Ф. Вл. Соловьёв. М.: Мысль. 1994. 230 с.

8. Розанов В.В. А.С. Хомяков и В.С. Соловьёв // Розанов В.В. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 419–431.
9. Сербиненко В.В. Владимир Соловьёв: Запад, Восток и Россия. М.: Наука, 1994. 208 с.
10. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч.: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 5–171.
11. Соловьёв В.С. История и будущность теократии // Соловьёв В.С. Соч. в 10 т. СПб.: Просвещение, 1914. Т.4. С. 243–634.
12. Соловьёв В.С. Россия и вселенская церковь // Соловьёв В.С. О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. С. 181–265.
13. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // Соловьёв В.С. Смысл любви. М.: Современник, 1991. С. 192–232.
14. Соловьёв В.С. Мир Востока и Запада // Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 602–605.
15. Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика // Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989. С. 59–167.
16. Соловьёв В.С. О расколе в русском народе и обществе // О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. С. 21–42.
17. Соловьёв В.С. Догматическое развитие церкви // О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. С. 85–126.
18. Соловьёв В.С. Россия и Европа // Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 333–396.
19. Соловьёв В.С. Славянофильство и его вырождение // Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 433–500.
20. Соловьёв В.С. Мнимая борьба с Западом // Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 531–554.
21. Федоров Н.Ф. Проект соединения церквей // Сочинения в двух томах. М.: Прогресс, 1994. Т. 1. С. 370–387.
22. Трубецкой Е.Н. Мирозозерцание В.С. Соловьёва. М.: Медиум, 1995. Т. 1. 606 с.; Т. 2. 622 с.

23. Besanson A. La falsification du Bien: Soloviev et Orwell. P., 1985. 222 p.
24. Chambers R. Vladimir Solovyov and the State // Austral. Slavonic and East Europ. Studies. Melbourne, 1002. Vol.6. №1, pp. 443–71.
25. Rupp J. Message ecclesial de Soloviev. P. Brux., 1975. 603 p.
26. Laubier P. De. L attente d un âge chretien a l intérieur de l histoire // Istina. P., 1992. A. 37. №3, pp. 294–305.

References

1. Berdyaev N. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'eva [The problem of East and West in the religious consciousness of VL. Solovyov]. *O Vladimire Solov'eva* [About Vladimir Solovyov]. Tomsk: Vodoley, 1997, pp. 96–116.
2. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Svarog, 1997. 215 p.
3. Velichko V.L. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorenie* [Vladimir Solovyov. Life and creation]. St. Petersburg: Sirin, 1904. 119 p.
4. Gershenzon M.O. Slavyanofil'stvo [Slavophilism]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1997. no. 12, pp. 7–68.
5. Danilevsky N.Y. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1990. 574 p.
6. Danilevsky N. Vladimir Solov'ev o pravoslavii i katolitsizme [Vladimir Solovyov Y. about Orthodoxy and Catholicism]. *Gore pobeditelyam* [Woe to the victors]. Moscow: Alir, 1998, pp. 336–383.
7. Losev A.F. *VL. Soloviev*. Moscow: Thought. 1994. 230 p.
8. Rozanov V.V. *Okolo tserkovnykh sten* [Around the walls of the Church]. Moscow: Republic, 1995, pp. 419–431.
9. Serbinenko V.V. *Vladimir Solov'ev: Zapad, Vostok i Rossiya* [Vladimir Solovyov: West, East and Russia]. Moscow: Nauka, 1994. 208 p.
10. Solovyov V.S. *Chteniya o bogochelovechestve* [the Reading about God-manhood]. Moscow: Pravda, 1989. 2, pp. 5–171.

11. Solovyov V.S. *Istoriya i budushchnost' teokratii* [the History and future of theocracy]. St. Petersburg, 1914, Vol. 4, pp. 243–634.
12. Solovyov V.S. *Rossiya i vselenskaya tserkov'. O khristianskom edinstve* [Russia and the universal Church. on Christian unity]. Moscow: Rudomino, 1994, pp. 181–265.
13. Solovyov V.S. *Vizantizm i Rossiya. Smysl lyubvi* [Byzantium and Russia. Sense of love]. Moscow: Sovremennik, 1991, pp. 192–232.
14. Solovyov V.S. *Mir Vostoka i Zapada* [the World East and West]. Essays in two volumes. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 2, pp. 602–605.
15. Solovyov V.S. *Velikiy spor i khristianskaya politika* [Great dispute and Christian politics]. Works in two volumes. Moscow: Pravda, 1989, pp. 59–167.
16. Solovyov V.S. O raskole v russkom narode i obshchestve [the split in the Russian people and society]. *O khristianskom edinstve* [About Christian unity]. Moscow: Rudomino, 1994, pp. 21–42.
17. Solovyov V.S. Dogmaticheskoe razvitiye tserkvi [the Dogmatic development of the Church]. *O khristianskom edinstve* [Of Christian unity]. Moscow: Rudomino, 1994, pp. 85–126.
18. Solovyov V.S. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Essays in two volumes. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 1, pp. 333–396.
19. Solovyov V.S. *Slavyanofil'stvo i ego vyrozhdenie* [the Slavophil's and degeneration]. Works in two volumes. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 1, pp. 433–500.
20. Solovyov V.S. *Mnimaya bor'ba s Zapadom* [the Imaginary struggle with the West]. Works in two volumes. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 1, pp. 531–554.
21. Fedorov N.F. *Proekt soedineniya tserkvey* [Project connecting churches]. Works in two volumes. M.: Progress, 1994. Vol. 1, pp. 370–387.
22. Trubetskoy E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva* [The Worldview of V.S. Solovyov]. Moscow: Medium, 1995. Vol. 1. 606 p.; vol. 2. 622 p.

23. Besanson A. La falsification du Bien: Solovyov et Orwell. P., 1985. 222 p.
24. Chambers R. Vladimir Solovyov and the State. Austral. Slavonic and East Europ. Studies. Melbourne, 1002. Vol.6. №1, pp. 443–71.
25. Rupp J. Message ecclesial de Solovyov. P. Brux., 1975. 603 p.
26. Laubier P. De. L attente d un âge chretien a l intérieur de I histoire. Istina. P., 1992. A. 37. №3, pp. 294–305.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Вашурин Андрей Николаевич, доцент кафедры философии, культурологии и иностранных языков, кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

12 линия В.О., дом 13 лит. А, г. Санкт-Петербург, 199178,

Российская Федерация

dojdi2006@yandex.ru

Галушко Виктор Григорьевич, заведующий кафедрой философии, культурологии и иностранных языков, кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

12 линия В.О., дом 13 лит. А, г. Санкт-Петербург, 199178,

Российская Федерация

vitgeor@mail.ru

Кудряшов Сергей Витальевич, доцент кафедры философии, культурологии и иностранных языков, кандидат культурологии

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

12 линия В.О., дом 13 лит. А, г. Санкт-Петербург, 199178,

Российская Федерация

skudr33@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vashurin Andrey Nikolaevich, Associate Professor of Philosophy, Cultural Science and Foreign Languages, Candidate of Philosophical Sciences

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

12th Line V.O., house of 13 lit. A, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

dojdi2006@yandex.ru

Galushko Victor Grigoryevich, Head of the Department of Philosophy, Cultural Science and Foreign Languages, Candidate of Philosophical Sciences

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

12th Line V.O., house of 13 lit. A, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

vitgeor@mail.ru

Kudryashov Sergey Vitalyevich, Associate Professor of Philosophy, Cultural Science and Foreign Languages, Candidate of Cultural Science

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

12th Line V.O., house of 13 lit. A, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

skudr33@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-57-66

УДК 94

**ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМОПОМОЩИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Кириллов П.Е.

Цель – исследовать особенности социальных практик и взаимопомощи в средневековой цивилизации, предметом выступают особенности социальной взаимопомощи в средневековом социуме.

Методы исследования – в работе используются общепhilosophical методы, сравнительные и герменевтические.

Результаты – выявлены особенности формирования социальных отношений и взаимопомощи в средние века.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в научно-образовательной сфере.

Ключевые слова: *средние века; социальные практики; взаимопомощь; социальная структура.*

**SOCIAL PRACTICES AND MUTUAL ASSISTANCE
IN MEDIEVAL CIVILIZATION**

Kirillov P.E.

The aim is to investigate peculiarities of social practices and mutual aid in the medieval civilization, the subject is the peculiarities of social mutual aid in the medieval society.

Methods of research – common philosophical, comparative and hermeneutic methods are used in the present research.

Results – the peculiarities of formation of social relations and mutual assistance in the Middle Ages.

Sphere of results' application. Results of the research can be applied to the scientific and educational sphere.

Keywords: *Middle Ages; social practices; mutual aid; social structure.*

Средние века были, с одной стороны, промежуточным этапом между античной цивилизацией Европы и эпохой Нового времени, а с другой стороны, местом зарождения новых социальных форм и сфер. Древний мир наложил отпечаток на средневековые цивилизации: новые государства, возникшие в V–VIII вв. н.э. оказались синтезом двух предыдущих традиций: варварских обществ, основанных на традиционном укладе и отношений и древних империй, развивших высокую систему права, защиты и государственного взаимодействия [8, с. 1390].

Особенность социальных практик Средневековой эпохи – это синтез социальных форм традиционного общества и моделей государственного. По сути государства, сформировавшиеся на территории Евразии в Средние века, являлись качественно новыми политическими образованиями, где государственные элементы древних цивилизаций отчасти были утеряны, а сохранившиеся были переплетены с традиционными отношениями. Но говорить о том, что средневековье было периодом «отступления» к родовым формам социума неправомерно. Это был особый путь развития мировой цивилизации. По утверждению отечественного историка И.М. Дьяконова «... в Европе средневековье развивалось, с моей точки зрения, атипично. Причина заключалась в том, что здесь как раз в момент перехода обществ, уже прошедших раннюю и имперскую древность, к новой исторической фазе на большом пространстве произошли их столкновение и контаминация с обществами, стоявшими на уровне ранних чифдомов» [4, с. 72].

Второй особенностью социальных практик взаимопомощи в Средние века было то, что помощь человек мог получить из различных социальных институтов и организаций, разноплановых по своей структуре и уровнях социальной включенности: это семья, цеховая ремесленная организация, крестьянская община, церковь и монашеские обитатели, светская власть короля и аристократическая корпорация феодалов. Т.е. человек мог быть включен в максимальное количество социальных групп, в зависимости, конечно, от статуса и конфессиональной принадлежности. Причем зачастую именно религиозные институты оказывали большую поддержку, чем государственные или общинные. В исламской цивилизации, например мечеть выполняла не только функцию религиозную, но и благотворительную: любой путник мог получить там воду и хлеб, а также место для ночлега. Или в древнерусском обществе понятие взаимопомощи было основано на родовых и этнических принципах, сформировавших особый идеалистический этос: *«Центральное место среди этих ценностей занимает понятие, в основном косвенно отразившееся в источниках, и потому часто не замечаемое исследователями – это «свобода». «Братство» мыслилось как единение свободных людей, взаимопомощь между ними, «Русская земля» – как братское сообщество русских людей (русская дружина), родина и гарантия свободы»* [7, с. 74].

Социальные отношения внутри средневекового социума, основанные на взаимодействии различных групп неизбежно приводили к изменению правовых норм и обычаев. Индивид как бы «выходил» только из родовой организации и включался в полииерархическую систему: *«Между тем реальные отношения в средневековом обществе строились, ... на существенно ином принципе, а именно на принципе взаимодействия и договора между индивидами»* [2, с. 26].

Третьей важной особенностью социальных практик в эпоху средневековья – межличностные модели поведения. Вассальные отношения между феодалом и крестьянами или рыцарем и сеньором были вза-

имообязующие. Конечно, отношения обязательств были различные, но всеобщность социальной поддержки регулировалась и правовыми кодексами и обычным правом. В основе этих отношений лежала личная связь. В традиционных обществах отношения основывались на чувстве общности к родоплеменной организации и единому религиозному культу, где человек мыслился внутри рода, тесно с ним связанным происхождением и ответственностью за все поступки. Общее для человека средневекового государства и традиционного общества эпохи средних веков – это социальная модель включенности индивида в определенную группу, не важно, что это: рыцарская дружина, монашеская обитель, разбойничья шайка или цеховые ремесленники, каждый человек был обязан где то быть и кому то принадлежать. Уровень свободы человека определялся включенностью в группы, которые его могли защитить или дать возможность для самозащиты. Как отмечал Ф. Бродель: *«Судьба Европы всегда определялась развитием особого рода свобод, франшиз, являющихся привилегиями определенных групп, небольших или значительных. Эти свободы часто противоречат друг другу, иногда даже исключают друг друга. Разумеется, вопрос о свободах встал только тогда, когда Европа сформировалась как однородное, защищенное пространство. Свободы невозможны там, где нет защищенности»*[1, с. 305]. Уровень защиты населения определяет характер социальной доктрины цивилизации.

Наиболее яркими формами социальной взаимопомощи и защиты в средние века выступали родовые коллективы (характерные, в первую очередь, для периферийных типов обществ (Скандинавия, Русский Север, Дикое Поле)) и церковные организации (монастыри и монашеские братства).

Если ранние цивилизации характеризовались государственно-патронатной системой социальной помощи и взаимодействия, то в период раннего средневековья общества строили свои взаимоотношения на родоплеменных отношениях, где существовала в первую

очередь хозяйственная и ритуальная поддержка. Причем взаимоотношения внутри родовых коллективов строились на культурно-символическом отношении: *«Как известно, обмен дарами представлял собой важнейший институт традиционного общества, «универсальный социальный факт» (М. Мосс). Обмен подарками в этом обществе имел, прежде всего, не экономический, а знаковый характер – он наглядно воплощал в себе заключаемый между индивидами или семьями «общественный договор», устанавливая отношения, основанные на взаимности и предполагавшие помощь и лояльность. «Дар ждет ответного дара» – принцип, которого неуклонно придерживаются древние скандинавы. Человек, получивший дар, но не ответивший на него, оказывался в невыносимом положении: он попал как бы в зависимость от дарителя» [2, с. 81].*

Отношения внутри коллектива строились на патриархальной основе, где каждый выполнял необходимую функцию и нес ответственность за свои поступки и слова. Внутри рода существовала иерархическая система власти, однако даже рабы и зависимые люди не мыслились как «вещи» в античной терминологии. Отношение к рабам, как утверждают исследователи, строилось на коллективном представлении включенности каждого индивида в большую семью *«Адаптация пленника – раба родовым коллективом происходит на иной общественной почве, чем его вхождение в большую семью. Включение «полоняника» в род осуществлялось через половозрастную систему, причем нередко с перспективой выхода на свободу..... Положение раба-пленника в родоплеменном коллективе напоминало скорее бытовую ущербность, нежели социальное неравенство» [8, с. 45–46].*

Сакральные функции взаимопомощи выполняли и многие обряды в средневековом обществе, например, совместная трапеза, истоки которой восходят к ритуальным обычаям первобытного общества. В течение времени данный обряд приобрел функцию не

только сплочения семьи или дружины, но и форму благотворительности: *«Легенды и сказания славян о княжеских пирах свидетельствуют о том, что неизменными участниками трапезы были калеки-перехожие, нищие странники, получавшие богатую милостыню»* [6, с. 23]. Благотворительность со стороны социальных организаций средневековья была основана не только на светских институтах, но, в первую очередь, на церковных.

Церковь в эпоху средневековья играла исключительную роль в формировании целостной картины мира и социальных отношений, основанных на христианских догмах. Религиозная доктрина должна была выполнять множество социальных функций: консолидация общества, справедливое распределение доходов, поддержка малоимущих и обездоленных слоев населения и др. Один из главнейших принципов христианства – это помощь человеку и поэтому доктрина милосердия и подаяния ставилась во главе социальных отношений. Причем принцип одаривания, пришедший из традиционного общества, также основывался на обоюдной сделке: даритель получал возможность снять с себя грехи.

В отличие от античных культов в христианстве сложился особый социальный порядок, ментально основанный неэкономической стратификации, а на евангелистических доктринах. Бедность как идеал раннего христианства возводилась в ореол мучеников за веру: *«Бедность – характерное явление эпохи феодализма. Но бедность не осознавалась в эту эпоху (по крайней мере, до довольно позднего времени) как самостоятельная социальная и экономическая проблема. Проблема бедности рассматривалась в контексте совершенно иных проблем, более значимых для средневекового сознания. Либо бедность интерпретировалась в терминах сословно-юридического деления общества: бедными считали незнатных, непривилегированных, и поэтому в оппозиции «благородные – бедные» не видели*

логической несообразности, поскольку эти понятия не были чисто экономическими, имущественными. Либо в бедности видели состояние избранничества: *pauperes Christi*, «бедняки Христовы», были людьми, отказавшимися от земных благ, для того чтобы вернее достигнуть царствия небесного» [3, с. 32].

Главную роль в оказании социально благотворительных функций выполняли монастыри. Монашество в христианской традиции имело длительную эпоху предшествующих философско-религиозных идей и аскетических течений. «Монастырь тоже играл определенную социальную роль, и не только в силу фактически сложившихся обстоятельств, но и в силу самой идеи своей... Монастырь должен был ожидать приходящих к нему недужных, бедных и паломников... Иногда даже задача каноников специализируется, как у основанных в конце XII века тринитариев («Орден Святейшей Троицы для освобождения пленных»), у сепулькринок (женская ветвь сепулькринцев), принимающих под свое покровительство найденных и больных детей, и так далее» [5, с. 119].

Таким образом, можно выделить следующие особенности формирования социальных отношений и взаимопомощи в средние века:

- синтез социальных форм традиционного общества и моделей государственного;
- социальную помощь человек мог получить из различных институтов и организаций;
- социальная помощь основывалась на межличностных отношениях;
- в средневековом обществе господствовали представления о бедности как духовной категории;
- ключевую роль в организации социальной помощи играли средневековые монастыри.

Список литературы

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Издательство «Весь мир», 2008. 552 с.
2. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 424 с.
3. Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. СПб.: «Университетская книга», 1999. 560 с.
4. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
5. Карсавин Л. Монашество в средние века. М.: Ломоносовъ, 2012. 192 с.
6. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. 344 с.
7. Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории, №9, сентябрь 2006. С. 67–86.
8. Рябцев С.В. Социальная детерминация альтруистического поведения в первобытном обществе: социально-философский аспект // В мире научных открытий, № 9.4(69), 2015. С. 1389–1399.
9. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Издательство С. Петербургского университета, 1996. 512 с.
10. Уваров П.Ю. Напоминания о «средних веках». Старых и новых // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 3 (57). С. 138–144.
11. Ames, Christine Caldwell Does Inquisition Belong to Religious History? // American Historical Review. 2008. № 110 (1), pp. 11–37.
12. Bauer S. Wise The History of the Medieval World: From the Conversion of Constantine to the First Crusade. New York: W.W. Norton.2010. p. 768.
13. Smith J. Europe After Rome: A New Cultural History, 500–1000. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. P. 384.
14. Van Engen J. The Christian Middle Ages as an Historiographical Problem // American Historical Review, № 91(3), pp. 519–552.

15. Whitton D. The Society of Northern Europe in the High Middle Ages, 900–1200 // The Oxford Illustrated History of Medieval Europe. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998, pp. 115–174.

References

1. Brodel F. *Grammatika tsivilizatsiy* [Grammar of civilizations]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' mir", 2008. 552 p.
2. Gurevich A.Ya. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [An individual and society in the medieval West]. Moscow: Russian political encyclopedia, 2005. 424 p.
3. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy. T.2. Srednevekovyi mir* [Selected works. V.2. Medieval World]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1999. 560 p.
4. D'yakonov I.M. *Puti istorii: Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dnei* [Ways of history: From an ancient man to modern times]. Moscow: KomKniga, 2007. 384 p.
5. Karsavin L. *Monashestvo v srednie veka* [The monkery in the Middle Ages]. Moscow: Lomonosov, 2012. 192 p.
6. Mel'nikov V.P., Kholostova E.I. *Istoriya sotsial'noy raboty v Rossii* [History of social work in Russia]: Student's book. 2nd ed. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K", 2005. 344 p.
7. Polyakov A.N. Drevnerusskaya tsivilizatsiya: osnovnye cherty sotsial'nogo stroya [Old-Russian civilization: main features of the social organization]. *Voprosy istorii* [Issues of history], №9, September 2006, pp. 67–86.
8. Ryabtsev S.V. Sotsial'naya determinatsiya al'truisticheskogo povedeniya v pervobytnom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Social determination of altruistic behavior in the primeval society: social and philosophic aspect]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific findings], № 9.4(69), 2015, pp. 1389–1399.

9. Froyanov I.Ya. *Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavyan* [Slavery and tributaryness of the West Slavs]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996. 512 p.
10. Uvarov P.Yu. Napominaniya o "srednikh vekakh". Starykh i novykh [Reminders of the "Middle Ages". Old and new]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Issues of medieval studies], № 3 (57), pp. 138–144.
11. Ames, Christine Caldwell Does Inquisition Belong to Religious History? *American Historical Review*. 2008. № 110 (1), pp. 11–37.
12. Bauer S. Wise The History of the Medieval World: From the Conversion of Constantine to the First Crusade. New York: W. W. Norton. 2010. p. 768.
13. Smith J. Europe After Rome: A New Cultural History, 500–1000. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. P. 384.
14. Van Engen J. The Christian Middle Ages as an Historiographical Problem. *American Historical Review*, № 91(3), pp. 519–552.
15. Whitton D. The Society of Northern Europe in the High Middle Ages, 900–1200. *The Oxford Illustrated History of Medieval Europe*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998, pp. 115–174.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кириллов Павел Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент

Государственный университет «Дубна»

ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская обл., 141982,

Российская Федерация

kirillov_pe@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kirillov Pavel Evgenevich, PhD, Associate Professor

State University 'Dubna'

19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow region, 141982, Rus-

sian Federation

kirillov_pe@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-67-76

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ФАКТОР ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Попов В.В., Музыка О.А.

Цель. Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы, связанной с пределами установления корреляции между сегментами социального процесса и теми пластами социального процесса, которые учитываются с точки зрения определенного комплекса социальных событий. Возможные миры, понимаемые как возможные реализации настоящей реальности, будут представляться в качестве перспектив сегментов будущего.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют компаративистский, герменевтический, феноменологический методы, метод системного анализа.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что в научной литературе понятия возможности, перспективы и тенденции не имеют четкого концептуального различия. Когда рассматривается социальный процесс, то на приоритетные позиции выступает такая ситуация, при которой момент, связанный с настоящим, нередко конструируют в целом в качестве сегмента настоящего. Возникает некоторая двухсортная онтология, связанная с тем, что исследователь представляет себе определенный параметр, касающийся настоящего времени, причем этот параметр находится внутри определенной хронологии. Предполагается противоречие между тем, как на шкале времени ставить определенные границы между теми или иными сегментами социального процесса,

и теми пластами социального процесса, которые учитываются с точки зрения, допустим, определенного комплекса социальных событий. Подобная ситуация не имеет критической противоречивой ситуации, т.к. всегда можно найти корреляцию между определенной границей момента, даже достроить его до метамомента, но представлять себе фрагмент или пласт настоящего времени, который может представлять из себя перспективу в будущем – это будет уже достаточно серьезной идеализацией.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в социальной прагматике сфере социально-политического проектирования и прогнозирования, философии времени.

Ключевые слова: *социальный процесс; социальное событие; настоящее время; противоречие; момент.*

SOCIAL PROCESS AND THE FACTOR OF TEMPORALITY

Popov V.V., Muzika O.A.

Goal. The article is devoted to topical issues related to the limits of establishing the correlation between the segments of the social process and the social process layers that are counted from the point of view of a particular set of social events. Possible worlds, understood as a possible realization of the present reality, will be presented as perspectives of the future segments.

Method or methodology of work. The basis of the research form the comparative, hermeneutic, phenomenological methods, methods of system analysis.

Results. The results of the work lies in the fact that in scientific literature the concept of opportunities, prospects and trends do not have

clear conceptual differences. When one considers the social process, in a priority position performs such a situation in which the time associated with this, often design overall, the quality of this segment. There is some dukharta ontology related to the fact that the researcher represents a certain parameter in relation to the present time, and this parameter is within the specified chronology. It is assumed contradiction between the way in on the timeline to set definite boundaries between different segments of the social process, and the layers of social process that are considered from the point of view of, say, a certain range of social events. This situation is not critical conflicting situation, because you can always find a correlation between a certain point of time, even to finish it before menomena, but imagine a slice or layer of the present time which can be prospects in the future – it will be quite a serious idealization.

The scope of the results. The results of the study can be applied in social pragmatics socio-political design and forecasting, philosophy of time.

Keywords: *social process; social event; currently; contradiction; moment.*

В современной философской литературе понятия возможности, перспективы и тенденции не связаны в единой динамической системе. Между тем, по нашему мнению, это приоритетный вопрос, когда дело касается конструирования будущего времени. Автор данного исследования, конечно, представляет себе семантики возможных миров, например, в духе С. Крипке или Я. Хинтикки и вполне поддерживает их идеи относительно определенной корреляции реальности и возможности. Однако возникает вопрос относительно того, насколько корректно рассматриваются сами миры, понимаемые как возможные реализации настоящей реальности, как они будут представляться в качестве перспектив сегментов будущего [10].

Когда рассматривается социальный процесс, то на приоритетные позиции выступает ситуация, при которой момент, связанный с настоящим, нередко конструируют в целом в качестве сегмента настоящего. Возникает двухсортная онтология, связанная с тем, что исследователь представляет себе определенный параметр, касающийся настоящего времени, причем этот параметр находится внутри определенной хронологии. С другой стороны, берется фрагмент настоящего, возможно даже длящегося настоящего, и это дает возможности уже более углубленного рассмотрения самого настоящего времени. Т.е. возникает некоторое противоречие между тем, как на шкале времени ставить определенные границы между сегментами социального процесса и теми пластами социального процесса, которые учитываются с точки зрения, допустим, определенного комплекса социальных событий [8].

Подобная ситуация не имеет критическо-противоречивой ситуации, т.к. всегда можно найти идеализацию как определенную границу момента, даже достроить его до метамомента, но представлять себе фрагмент или пласт настоящего времени, который может представлять из себя перспективу в будущем – это видимо будет уже достаточно серьезная идеализация. Конечно, в таком направлении рассуждение проходит относительно того, что когда-то в сегменте прошлого времени находились комплексы социально-исторических событий. Но, в данном случае, не стоит приводить серьезные аргументы в отношении такого предположения, т.к. нет никаких оснований говорить о том, что эти сегменты не просто завершились в прошлом, они могли завершиться к настоящему, они могли перейти через настоящее в будущее, в конце концов, даже можно предположить, что те комплексы социальных событий, которые зародились в каком-то прошлом времени, могут вполне пройти сквозь настоящее и перейти в будущее [9].

Другое дело, получают ли они в будущем свою оценку и какая это будет оценка – корректная оценка, валидная, получают ли они какую-то значимость. И при подобном понимании сегмент будущего времени несет своеобразную двойную смысловую нагрузку: с одной стороны, он является тем теоретико-познавательным полем, где образуются комплексы социальных событий, прошедшие через социально-исторические процессы, а с другой, в этот момент будущего времени могут переходить комплексы социальных событий, которые возможно получили свое развитие только в настоящем времени, а в будущем получают определенную оценку [15].

При этом целесообразно рассуждать и о том, что имеются локальные социальные события, относящиеся к фрагменту будущего времени, причем эту оценку они получают действительно в будущем времени, не имея такой в настоящем времени. Это несколько парадоксальная ситуация, однако борьба, конкуренция, соперничество тенденций, альтернатив в рамках периодов перехода, в контексте настоящего времени, могут дать любые варианты по отношению к фрагменту будущего времени. Конечно, рассуждения в этом направлении являются достаточно интересными и оригинальными. Но эта оригинальность во многом зависит от того, насколько в современной философии времени будет востребована подобная проблематика и тогда в этой области появятся достаточно неожиданные и весьма интересные результаты [2].

Действительно, это серьезная проблема и то, что время используется фактически в любой рассматриваемой в науке теме, тоже не вызывает сомнений. Что же касается нашего исследования, в котором может оценивать социальные события в будущем, но не иметь такой возможности в прошлом, то, во всяком случае, нужно принять определенную идеализацию, при которой социальной

субъект выходит за рамки настоящей реальности и рассматривает себя уже как участника некоторого фрагмента будущего времени. И тогда ему становится достаточно легко не просто посмотреть на те тенденции, которые проходят через будущее время, но произвести отбор этих тенденций, сформировать сегмент будущего времени так, чтобы это соответствовало его мыслям, целям, задачам. Важно иметь ввиду и то, что если исследователь рассматривает социальный процесс с точки зрения социо-синергетики, то задача значительно усложнится, т.к. будем иметь дело с нелинейным представлением социальных процессов и на место обычной темпоральной хронологии будут выходить целый ряд других категорий.

Исследуя различные сегменты, касающиеся будущего и прошлого времени с учетом некоторой темпоральной шкалы в рамках изучаемого социального процесса, возникают проблемы, касающиеся того, как в этих конструкциях исследуются не просто комплексы социальных событий, но также взаимодействия и связи, которые при этом образуются. В этом случае, постулируя определенную последовательность с точки зрения хронологии социальных событий, принимаются во внимание особенности социального времени, причем на приоритетные роли выходят такие важные концептуальные характеристики как дискретность и непрерывность. Непрерывность естественно очень легко объяснить, т.к. в данном случае рассматривается связь между прошлым, настоящим и будущим с точки зрения единого социального процесса. Дискретности, которые имеют место в рамках этого процесса, в данном случае остаются в стороне, поскольку общая генеральная линия должна быть рассмотрена с точки зрения той континуальности, которая содержится при таком переходе на шкале времени [4].

Это важно и с точки зрения того, что все те преобразования, трансформации, изменения, становления и т.д. которые происходят в рамках общего социального процесса, должны получить определенную систему, определенную иерархию, они должны быть выстроены в субординационно-координационную систему. Вопрос имеет интегральный характер и изучение социального процесса без привлечения темпоральной онтологии и выделения на ней различных фрагментов прошлого, настоящего и будущего может представить только примитивную ситуацию, на базе которой сложно строить интегрированный социальный процесс, т.к. в этом случае существует целый ряд моментов, которые будут влиять на особенности построения локальных социальных процессов [13].

Подчеркнем, что изучение социального процесса, безусловно, ведет к тем проблемам, которые предполагают, что социальный процесс следует рассматривать с точки зрения его наполненности социальными и историческими событиями. При этом нельзя не отметить такой факт, что подобные события могут получить свою оценку, исходя из каких-то социальных убеждений, предпочтений, но так или иначе комплексы подобных социальных событий имеют многогранный характер. Подобная многогранность имеет место и в рамках уже упоминавшейся стрелы времени, когда социальные события формируют весьма широкий спектр их изучения относительно фрагмента прошлого времени. При этом они дают возможность изучать и те ситуации, когда происходит своеобразное преодоление ими границы между сегментом прошлого и сегментом настоящего времени. Подобная ситуация по-разному понимается философами в зависимости от их позиции и от мировоззренческих взглядов, однако, при конструировании социального развития на приоритетные роли выходит феномен настоящего времени.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности”, № 16-33-00003.

Список литературы

1. Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. Ростов н/Д. 2010. № 5. С. 72–76.
2. Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. Ростов н/Д. 2011. № 4. С. 86–90.
3. Попов В.В. Философия истории: постнеклассический дискурс // *Современные наукоемкие технологии*. 2014. № 3. С. 158–162.
4. Попов В.В. К логической проблеме изменений во времени // *Философские науки*. 1991. № 5. С. 174–177.
5. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта интервал в исследовании социального процесса // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–4. С. 872–875.
6. Попов В.В., Тимофеенко В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
7. Репина Л.П. Социальная история на пороге XXI века. М., 1994. С. 10–22.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. М., 1997. 790 с.
9. Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб., 2002. 490 с.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
11. Стоун Л. Будущее истории. Thesis. 1994. С. 160-176.
12. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. 688 с.
13. Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания. М., 1997. 578 с.

14. Экштут С.А. В Поиске исторической альтернативы. М., 1994. 424 с.
15. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов н/Д, 1980. 160 с.

References

1. Popov V.V. *Filosofiya prava*. 2010. № 5, pp. 72–76.
2. Popov V.V. *Filosofiya prava*. 2011. № 4, pp. 86–90.
3. Popov V.V. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2014. № 3, pp. 158–162.
4. Popov V.V. *Filosofskie nauki*. 1991. № 5, pp. 174–177.
5. Popov V.V., Shcheglov B.S., Granovskaya M.V. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 2–4, pp. 872–875.
6. Popov V.V., Timofeenko V.A. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 2–25, pp. 5743–5747.
7. Repina L.P. *Sotsial'naya istoriya na poroge XXI veka* [Social History at the threshold of the XXI century]. М., 1994, pp. 10–22.
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i vremya* [Poletaev History and time]. М., 1997. 790 p.
9. Sergeychik E.M. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. SPb., 2002. 490 p.
10. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. М., 2000. 744 p.
11. Stoun L. *Budushchee istorii. Thesis* [Future stories. Thesis]. 1994, pp. 160–176.
12. Toynbi A. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. М., 1991. 688 p.
13. Khvostova K.V., Finn V.K. *Problemy istoricheskogo poznaniya* [Problems of historical knowledge]. М., 1997. 578 p.
14. Ekshtut S.A. *V Poiske istoricheskoy al'ternativy* [In Search of the historical alternative]. М., 1994. 424 p.
15. Yakovlev V.P. *Sotsial'noe vremya* [Social time]. Rostov n/D, 1980. 160 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Попов Виталий Владимирович, профессор кафедры теории и философии права, доктор философских наук
Ростовский государственный экономический университет

ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344002, Российская Федерация
vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна, профессор кафедры теории и философии права, доктор философских наук

Ростовский государственный экономический университет
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344002, Российская Федерация
vitl_2002@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Popov Vitaliy Vladimirovich, Professor of the Department of Theory and Philosophy of Law, Doctor of Philosophical Sciences

Rostov State University of Economics
69, Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation
vitl_2002@list.ru

Muzika Oksana Anatolievna, Professor of the Department of Theory and Philosophy of Law, Doctor of Philosophical Sciences

Rostov State University of Economics
69, Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation
vitl_2002@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-77-88

УДК 091+159.9.019.44+159.922.2+316.014+316.275+316.65+316.64

У ИСТОКОВ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА: СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЖ. Г. МИДА

Потапова К.И.

Цель. В статье предложен анализ философско-социологических воззрений одного из основоположников теории символического интеракционизма – Дж.Г. Мида. Основная цель исследования – прояснить, почему концепция Джорджа Герберта Мида чаще всего обозначается как социальная психология или как социальный бихевиоризм.

Метод или методология проведения работы. Метод исследования – историко-философский анализ, результатом которого выступает философская реконструкция теории Дж. Мида с использованием приемов герменевтического толкования текста.

Результаты. Рассматривая феномен поведения, Дж. Мид приходит к выводу о социальной обусловленности последнего, тем самым утверждая, что именно взаимодействие между индивидами выступает как условием формирования поведения, так и условием генезиса самости. Именно поэтому, ибо Я зависит от Другого, концепция, предложенная Дж. Мидом и получившая широкое распространение благодаря его ученикам, принадлежит такому направлению мысли как социальная психология.

Область применения результатов. Результаты, полученные в настоящей статье, могут быть применены в таких фундаментальных областях как философия, теоретическая социология и психология.

Ключевые слова: *символический интеракционизм; Дж.Г. Мид; поведение; взаимодействие; самость; генезис самости.*

THE BEGINNING OF SYMBOLIC INTERACTIONISM: THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF G. H. MEAD

Potapova K.I.

Purpose. The article deals with the analysis of philosophical and sociological points of view of the founder of the theory of symbolic interactionism, G. H. Mead. The main purpose of it is to make clear why the theory of Mead often called as the social psychology or as the social behaviorism.

Methodology. The method of investigation is historical and philosophical analysis the result of which is philosophical reconstruction of the theory of G. H. Mead relying on the hermeneutic interpretation of his texts.

Results. Exploring the phenomenon of human conduct G.H. Mead stresses its social roots. He concludes further that the interaction between people is the condition that forms human conduct and the condition of genesis of the Self. Thus, the theory of G.H. Mead became so famous because of his pupil called “the social psychology” inasmuch as the “Me” depends on the “Other”.

Practical implications. The results obtained in this paper can be used in such fundamental spheres of science as philosophy, theoretical sociology and psychology.

Keywords: *Symbolic Interactionism; G.H. Mead; the Conduct; the Interaction; the Self; the Genesis of the Self.*

Одним из влиятельнейших направлений социологии и социальной философии, зародившимся в США в начале прошлого века, безусловно, является символический интеракционизм. Чаще всего,

когда говорят об этом учении, имеют в виду теоретические системы, предложенные Дж.Г. Мидом и Ч.Х. Кули, однако само словосочетание было предложено и систематизировано в качестве самостоятельного направления мысли лишь Г. Блумером, а Ч.Х. Кули и Дж.Г. Мид – учителя Г. Блумера – хотя и были идейными основателями символического интеракционизма, заложившими его концептуальные основы, трактовали свои идеи в духе прагматизма, философии жизни и психологии. Исследование, предложенное в настоящей статье, отличается воссозданием одного из т. н. истоков интеракционизма – социальной психологии Дж. Мида. Автор статьи настаивает на самостоятельности теории Дж. Мида, развитой в последствии, переработанной и дополненной его учениками, и получившей в результате доработки название «символический интеракционизм».

Выделяют три характерных момента, или «три постулата данного направления» [6, с. 2]: во-первых, предполагается, что «человек действует по отношению к предметам на основании придаваемой им значимости», во-вторых, «значение предметов проявляется в ходе взаимодействия между людьми», и, в-третьих, «значения регулируются и модифицируются в процессе интерпретации, осуществляемой личностью при взаимодействии» [1, с. 2]. Таким образом, именно при взаимодействии индивидами устанавливается некий общий набор релевантных значимостей, выраженных в символах, на основании которых люди способны интерпретировать действия друг друга.

Эти принципы, выдвинутые в качестве основных, представляют собой ядро учения, получившего окончательное оформление в трудах Г. Блумера, осознавались и отстаивались и его учителем, о чем неоднократно свидетельствует и сам Г. Блумер. Получив дальнейшее развитие и понятийное закрепление, проблемы, изучавшиеся Дж. Мидом и Ч. Кули, выдвинутые ими теории самости, ее социального характера, анализ взаимодействия и проч. были представлены как система-

тическое учение. Безусловно, и в этом заслуга Г. Блумера, эти теории были не только актуализированы, но и концептуально пересмотрены, доработаны и оформлены в качестве сильной теории, предлагавшей альтернативу структурно-функциональному анализу и макросоциологии. Однако сами проблемы и выработанные концепты, ставшие позже «опорными точками» теории символического интеракционизма, были обозначены и исследовались, как было сказано ранее, чикагскими социологами т.н. первой волны, в частности Дж. Г. Мидом и Ч.Х. Кули, испытывавшими острое влияние американского прагматизма, бихевиоризма и немецкой философской традиции.

В задачи настоящей статьи не входит выявление преемственности теории символического интеракционизма в представлении Г. Блумера по отношению к социальной психологии Дж. Мида. Достаточно основательно об этом пишет, например, О.А. Кармадонов в статье «Откровения и парадоксы символического интеракционизма». Целью настоящего исследования предполагается анализ концепции Дж. Мида, называемой «социальным бихевиоризмом», в результате которого планируется ответить на следующие вопросы: 1. почему теория определена как бихевиоризм? 2. что способствует определению ее характера в качестве социального? Таким образом, описав теорию Дж. Мида, мы сможем ухватить настроения и мотивы, получившие дальнейшее развитие и оформление в теории символического интеракционизма, а также повлиявшие на многие школы микросоциологии, чьи исследования актуальны и ныне.

Джордж Герберт Мид (1863–1931), работавший в университете Чикаго с 1894 года, за почти что 40 лет профессиональной деятельности не написал ни одной книги, но оставил порядка 100 статей и эссе, лекций, которые позже были собраны его учениками и объединены в несколько книг: «Mind Self and Society», «The Philosophy of the Act», «The Philosophy of the Present» и др. Отметим, что попытки собрать

вместе и опубликовать весь материал продолжают и ныне, ибо далеко не все архивы еще опубликованы и тем более переведены. Сам Дж. Мид неоднократно заявлял, что его теория есть схожая, но отличная от бихевиоризма Дж. Уотсона, концепция, в центре которой оказывается исследование поведения индивидов (стимул-реакция), отсюда и название – бихевиоризм, реализуемое, однако, иным способом. Поведение человека, также как и поведение животного, отмечает автор, подчинено инстинктам, однако природа – «это не пучок инстинктов, но некая организация, внутри которой эти врожденные привычки функционируют с целью исполнения определенных сложных действий» [4, с. 237]. Таким образом, поведение любого существа определяется не базовым набором инстинктов (и, соответственно, схема стимул – реакция, предполагающая заложенный на биологическом уровне, т.е. инстинктивный, ответ на воздействие), в доказательство чего Дж. Мид рассматривает игру среди молодых животных особей и родительскую заботу, которой окружен детеныш. «В основе организации инстинктивного типа поведения лежит социальная жизнь..., т.е. непрерывное приспособление откликов к меняющимся установкам животных, участвующих в корпоративных действиях» [4, с. 238–239]. Итак, уже на уровне более низких, по сравнению с человеком, животных форм поведение особи обусловлено «социальным» контекстом, в котором эта особь существует: стадом, прайдом, стаей и проч., а также местом этой особи в нем. Аналогичным образом и человеческая природа, его поведение также является социально обусловленным. Отличие состоит в том, что человек «значительно усовершенствовал процесс приспособления индивидов друг к другу» [4, с. 239] – посредством языка он обращается к другим людям, воздействуя на них, действует, испытывая их воздействие на себе. Социальное поведение индивида (как схема действий-откликов) усложняется, ибо, в отличие от животного, поведение человека осмысленно. Результа-

том воздействия на другого индивида (помимо призыва его к чему-то) выступает также воздействие на самого себя. «Индивид откликается на свой собственный стимул точно так же, как откликаются другие люди» [3, с. 216], а это значит, что он вызывает в себе те же установки, что стремится вызвать в других. Человек в процессе взаимодействия с другим индивидом ставит себя на позицию этого другого и, соответственно «установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия» [3, с. 221]. Таким образом, в процессе взаимодействия человек руководствуется не только желаемым откликом, но регулирует свое поведение, исходя из собственного отклика на желаемое от другого. Аналогичным образом и другой, отвечая, производит не только необходимый другому отклик, но и воздействует на себя в этом действии-ответе. Система взаимодействия, выстраиваемая с удвоением пары стимул – реакция (на другого и на себя), есть взаимная корректировка собственных установок на основании обмена установками между индивидами. Такой взаимообмен становится возможным из-за использования голосовых жестов и значимых символов. Голосовой жест Дж. Мид связывает с феноменом подражания, однако определяет его не как копирование поведения ради самого копирования (как, например, воробей может подражать канарейке), но как механизм, в результате которого «индивид вызывает в себе самом тот отклик, который он вызывает в другом, и вследствие этого придает таким откликам больший вес, чем другим откликам, постепенно выстраивая эти наборы откликов в некое преобладающее целое» [3, с. 216]. Иными словами, при использовании голосового жеста мы, воздействуя на другого индивида, пробуждаем в себе отклик, который бы нам хотелось получить от него, становясь как бы этим другим индивидом, ставя себя на его место для получения желаемого, т.е. «подражая» ему. Взаимосвязь организованных наборов откликов и голосовых жестов, позволяющая различным ин-

дивидам подразумевать под каким-либо объектом одно и то же, выражена понятием значимого символа. Значимый символ выступает не только откликом, но и стимулом, ибо «имеет тенденцию вызывать в индивиде некую группу реакций, подобных тем, которые он вызывает в другом» [3, с. 219]. В значимом символе, таким образом, как обладающем смыслом и значением, выражен «комплекс установок и откликов» индивидов так, что он (символ) как отсылает к общему набору откликов, так и выступает основанием стимула к дальнейшему действию.

Условием взаимодействия между индивидами является признание общности значимых символов, т.е. выработка универсальных откликов и установок, что, в свою очередь, предполагает способность поставить себя на место другого человека и исходить в своем действии из позиции этого другого. Интеракция, таким образом, как обмен голосовыми жестами, восходящий к значимым символам, направлена не только на другого для получения желаемого результата, но выступает механизмом формирования самости (Self) действующего. Дж. Мид подчеркивает: «Я (Self) – нечто развивающееся; оно не дано с самого начала, от рождения, а вырастает в процессе социального опыта и деятельности» [5, с. 164]. Рассуждая о природе самости, он отмечает, что интеллект низших форм жизни не содержит Я; каким-то удивительным образом только человек говорит о себе, называя себя «Я». Очевидным представляется вопрос: в чем заключено отличие человека от прочих живых существ, позволяющее ему называться Я? Размышляя над ответом, пускаясь на поиски «Я» автор отмечает, что привычные действия человека, для которых не требуется размышление, содержащие в себе некий чувственный опыт, могут существовать, не имея никакого отношения к Я. Например, когда человек убегает от собаки, гонящейся за ним, он поглощен этим действием (бегом), совершаемым механически, без осознания самого себя в настоящий момент вре-

мени. Цель данного действия – убежать от преследователя, для того, чтобы не быть покусанным, но человек не рефлексирует об этой цели в процессе убегания, он инстинктивно принимает ее и подчиняется ей. «Я не обязательно вовлечено в жизнь организма, и не включено в то, что мы именуем нашим чувственным опытом» [5, с. 165], однако именно Я (Self) выступает тем центром, что организует чувственный опыт индивида в качестве его опыта. Отлично Я (Self) и от тела: человек может потерять, скажем, палец. Эта утрата может принести не только боль, но и психические проблемы, однако самость человека – не физический орган, который может быть больше или меньше, или вообще не быть. Я (Self), утверждает Дж. Мид, «характеризуется тем, что является объектом для самого себя, и это качество отличает его от других объектов и от тела» [5, с. 165]. Как объект для самого себя оно целостно вне зависимости от телесных ощущений и окружающих человека вещей. Я, способное быть объектом для самого себя, т.е. подвергать анализу свои действия и мысли, весь свой опыт, есть самосознание индивида как сознание самого себя. Объектом для себя самого Я может стать, «приняв установки других по отношению к себе», т.е. в процессе взаимодействия с другими индивидами.

Таким образом, для формирования самости или Я (Self) необходимо взаимодействие с другими. Однако в понятии самости (Self) должен быть учтен не только рефлексивный анализ опыта, но и самополучение этого опыта. Иными словами, самость есть не только самосознание, или объект для себя, но и активное деятельное начало, или субъект действия. Обе составляющие или, как их называет Дж. Мид, «фазы самости» – Me и I «разделены в процессе, однако составляют пару в том смысле, что оба являются частями единого целого» [5, с. 185], т.е. личность. I и Me – две стороны одной медали: I – действует, будучи инициативным, оно есть реакция на социальную ситуацию, в которую помещен индивид, реакция на установки других

по отношению к себе. *Me* – «организованный набор установок других» по отношению к себе. В то время как последнее является заранее определенным установками и ожиданиями (я должен сделать так-то), первое, или *I*, всегда содержит элемент спонтанности, неподвластный ожиданиям со стороны социума. В результате взаимодействия между людьми формируется набор откликов и реакций, выраженный в установках по отношению к другим, а также в установках других, по отношению к нам. Предсказуемое *Me* основывается на осознании этого набора откликов и принятии установок; все, что *Я* осознает как самое себя, есть *Me*. Определенное и организованное, оно есть «проявление самости в сознании в качестве объекта» [7]. Неуловимое, действующее сейчас *I* (субъект) при анализе ситуации действия, т.е. в рефлексии, когда объектом наблюдения выступаю «*Я сам*», как *Me*.

«Такова природа самости – выступать как субъектом, так и объектом для самого себя» [7], субъектом, совершая какие-либо действия по отношению к объектам внешнего мира, субъектом, анализирующим себя и свои действия в качестве объекта. Активная и «рефлексивная» фазы «взятые вместе, образуют самость, какой она проявляет себя в социальном опыте» [5, с. 185].

Самость (Self) формируется благодаря взаимодействию между индивидами, которое предполагает общение между людьми на основании значимых символов, как было отмечено ранее. Еще одна важная предпосылка генезиса самости в процессе взаимодействия «представлена в таких деятельности, как игра и соревнование» [2, с. 224]. Игра (play) – первая форма деятельности, предполагающая принятие роли другого, фактическое присутствие которого не является обязательным: ребенок может играть с куклами в доктора, тем самым «примеряя» на себя некую роль. Игра чаще всего не имеет строго установленных правил, в отличие от соревнования (game). В последнем определены границы и способы взаимодействия, а также роли, для

исполнения которых необходимы другие люди. В соревновании, или игре с правилами, (game) впервые проявляется необходимость организации ролей, такой, чтобы «установки одного (индивида) вызывали соответствующие установки другого» [2, с. 226]. Эта организация, определяемая соответствиями установок участников, выражается в наборе правил игры или соревнования (game). Согласно мысли Дж. Мида, именно в этой форме игровой деятельности ребенок совершает переход от стадии «принятия роли других», что свойственно игре без правил (play) к стадии «организованной роли», которая «существенна для самосознания в полном смысле слова» [2, с. 226]. В ходе соревнования индивид (ребенок) учится взаимодействовать с другими, т.е. принимать установи других участников; единство установок других по отношению к индивиду контролирует его собственный отклик. Эти «другие», таким образом, становятся значимыми для него, обеспечивая ему единство самости, как единство ее фаз: I и Me.

Подводя итоги, стоит отметить, что поведение индивида, формируемое по схеме стимул – реакция, основывается не на базовых инстинктах, но на непрерывном приспособлении откликов к действиям окружающих, т.е. при взаимодействии с этими окружающими. Результатом взаимодействия (представленного в двух моментах: общение и деятельность) является обмен установками, основанный на принятии установок других по отношению к индивиду, трансформирующий собственные установки по отношению к другим участникам взаимодействия. Более того, именно этот момент принятия и корректировки (т.е. по сути, процесс взаимодействия) обеспечивает становление самости индивида, ибо: «когда появляется Я, оно всегда включает в себе переживание другого; просто переживания Я, самого по себе, быть не может» [5, с. 188]. Таким образом, говоря о человеческом поведении, необходимо всегда исходить из его социального характера. Анализируя понятие природы человека, Дж.Г. Мид выступа-

ет одним из первых исследователей, отстаивающем идею социальной обусловленности и социального генезиса Я, идею, что в последствии будет развита не только теоретиками символического интеракционизма, но и такими направлениями мысли как драматургическая социология, этнометодология и социальный конструктивизм.

Список литературы

1. Кармадонов О.А. откровения и парадоксы символического интеракционизма. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/571/785/1219/001-KARMADONOV.pdf> (дата обращения 1.06.2016).
2. Мид Дж.Г. Интернализированные другие и самость / Дж.Г. Мид // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224–227.
3. Мид Дж.Г. От жеста к символу / Дж.Г. Мид // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 215–224.
4. Мид Дж.Г. Психология пунитивного правосудия / Дж.Г. Мид // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 237–259.
5. Мид Дж.Г. Разум, Я и Общество / Дж.Г. Мид // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. 1997. №4. С. 162–195.
6. Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. In: Blunter H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969.
7. Mead G.H. The Social Self. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs/Mead_1913.html (дата обращения 10.06.2016).

References

1. Karmadonov O.A. *Otkroveniya i paradoksy simvolicheskogo interakcionizma* [The Revelations and Paradoxes of the Symbolic Interactionism]. <http://ecsocman.hse.ru/data/571/785/1219/001-KARMADONOV.pdf> (accessed 1.06.2016).

2. Mid Dzh. G. Internalizirovannye drugie i samost [Mead G. H. Internalized Others and the Self]. *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl* [American sociological thought]. Moscow, MSU Publ., 1994, pp. 224–227.
3. Mid Dzh.G. Ot zhesta k simvolu [Mead G.H. From Gesture to the Symbol]. *rikanskaya sociologicheskaya mysl* [American sociological thought]. Moscow, MSU Publ., 1994, pp. 215–224.
4. Mid Dzh.G. Psihologiya punitivnogo pravosudiya [Mead G.H. The Psychology of Punitive Justice]. *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl* [American sociological thought]. Moscow, MSU Publ., 1994, pp. 237–259.
5. Mid Dzh.G. Razum, Ya i Obchestvo [Mead G.H. Mind, Self and Society]. *Referativnyi zhurnal. Seriya II. Sociologiya*. 1997, № 4, pp. 162–195.
6. Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. In: Blunter H. *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969.
7. Mead G. H. *The Social Self*. https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs/Mead_1913.html (accessed 10.06.2016).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Потапова Ксения Игоревна, аспирант 2 года очной формы обучения, кафедра социальной философии, департамент философии, Институт социальных и политических наук
Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б. Ельцина
пр-т Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620000, Российская Федерация
potapovaksu@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Potapova Ksenia Igorevna, Postgraduate Student
Ural Federal University of the first president of Russia B. Yeltzin
51, Lenin ave., Yekaterinburg, 620000, Russian Federation
potapovaksu@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-89-98

УДК 304.2

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАКТИК ВЗАИМОПОМОЩИ В НОВОМ ВРЕМЕНИ.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Рябцев С.В.

Цель – проанализировать специфику социальных практик взаимопомощи в Новое время. Предметом выступают ретроспективные особенности социальной взаимопомощи в обществах Нового времени.

Результаты. Выявлена эволюционная и институциональная обусловленность становления практик взаимопомощи.

Методы исследования. В работе используются общенаучные методы, компаративистский и герменевтический.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в научно-образовательной сфере.

Ключевые слова: Новое время; социальные практики; взаимопомощь; социальная структура; реципрокность.

**SPECIFICS OF THE FORMATION PRACTICES
OF MUTUAL AID IN THE EARLY MODERN PERIOD'S
SOCIETIES. SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Ryabtsev S. V.

The aim is to investigate social practices of mutual aid in the Early Modern Period, the subject is the peculiarities of social mutual aid in the Early Modern Period's societies.

Methods of research – common scientific, comparative and hermeneutic methods are used in the present research.

Results – Identified evolutionary and institutional conditionality of the formation of practices of mutual aid

Sphere of results' application. Results of the research can be applied to the scientific and educational sphere.

Keywords: *Early Modern period; social practices; mutual aid; social structure; reciprocity.*

Рассматривая вопрос о состоянии социальной помощи в эпоху Нового времени, вероятно, необходимо задаться вопросом кто же такой человек Нового времени, в чем его «новизна» по отношению к предыдущим эпохам, какие шаги в развитии реципрокности и форм альтруизма он сделал за истекшие столетия. Ведь очевидно, и в этом «Новом времени», как и в любом другом, были индивиды, удовлетворенные полуживотным существованием и стремившиеся к знанию, выходу за пределы наличного опыта, созданию абстрактных систем; и те, кто искал понимания себе подобных через формы сотрудничества и практики солидаризации и те, кто следовал лишь эгоистическим стремлениям, насилывал и присваивал. Мы можем предположить, что противоречивость развития человеческих устремлений в сфере социальной помощи в этот период все же протекала на фоне двух базисных допущений, которые мы можем сделать. Во-первых, эволюционная история рода Homo и особенности становления функций высшей нервной деятельности индивида, предопределившие то, как человек осознает себя и то, как проявляет во внешнюю социальную среду; во-вторых, собственно социальный контекст существования, обстоятельства его жизнедеятельности в экономическом, демографическом, политическом, технологическом и многих других аспектах. В обоих случаях мы наблюдаем развитие взаимообязывающих форм альтруизма, воплощение в социальных практиках иде-

алов реципрокности, этических ценностей и, в широком смысле генетически эффективных форм солидарного поведения. Т.е. человек обречен при общей сохранности основных нейрофизиологических функций, приводящих его к взаимопомощи, искать от эпохи к эпохе новые формы воплощения базисных стремлений, выбирать варианты поступков, превращать генетически-долговременные стратегии в конкретные социальные практики [7–8]. Иначе говоря, мы могли бы рассматривать «Новое время» в социальной помощи как локальный и конкретный во времени вариант воплощения глобальной, доминирующей мотивации человека, рассмотрев за всеми противоречиями, конфликтами, нагромождением фактов и событий движение к эффективному, «помогающему» варианту поведения, обеспечивающему выживание всего человеческого рода [3].

В хронологическом смысле интересующий нас период охватывает XVI – нач. XX века и при всей относительной непродолжительности в 400 лет человеческой истории это время в жизни общественного человека отмечено своеобразием, повлиявшем на социальные структуры, городские и сельские сообщества, идентичность, базовые формы солидаризации, витальные обстоятельства, повседневную жизнь, мировоззрение, психологический климат. Расставание со средневековой эпохой эпохой происходило на фоне раблезианских переживаний и культа еды. «Новая» эпоха, как и предшествующие, протекала на фоне голода. В основе рациона был хлеб и зерно, вокруг них же формировались основные занятия, как крестьян, так и горожан. За бесперебойное снабжение городов отвечала непосредственно королевская администрация. Исследователи отмечают особенности питания, которые вызывали множество телесных дефектов и уродств, а основным маркером социальной привилегированности была свобода от одержимости голодом. Физический дефицит обуславливал эпидемиологические и психологические последствия, на этот же счет можно отнести и значительную часть мятежей и беспо-

рядков Нового времени от крестьянских бунтов до городских мятежей и религиозных потрясений. Так что в физиологическом плане мы могли бы проследить логическое продолжение доминирующей мотивации выживания к средневековью и древнему миру.

Подобное наследование представлений от предыдущей эпохи мы наблюдаем и в сфере телесного здоровья. Медицинская наука исходила из соединения и противоборства основных «элементов» в человеческом теле: воды, огня и воздуха. Неудачными комбинациями «элементов» и предопределялись заболевания, соответственно терапия сводилась к изгнанию «чуждых» элементов, вторгшихся в человеческий организм. Кроме того, все болезни считались заразными со всеми вытекающими отсюда социальными обстоятельствами. Социальные, этнические, культурные и религиозные группы, «ответственные» за распространение недуга подлежали той или иной форме депривации, а линии обороны в городах имели среди прочих и цель преградить доступ тому, чему не могла противостоять медицина с кровопусканиями, препаратами из купороса, серы и ртути. На страже здоровья стояла и церковь с экзорцизмом и специальными молитвами для изгнания недугов. К XVII столетию участие церкви в исцелении стало неизбежным, а многие даже небольшие общины и муниципалитеты содержали госпитали для изоляции и содержания инфекционных больных. Лепрозории и госпитали, в обязательном порядке обслуживавшиеся членами церковного клира, удовлетворяли в принципе всем текущим потребностям в помощи нуждающимся на протяжении средних веков, никуда не исчезли они и в Новое время. Однако экономические трансформации XVI–XVII веков внесли поправки в управление такими заведениями: многие оказались на грани исчезновения и из-за отсутствия средств отказывались принимать пациентов. Постепенно государство принимает на себя роль куратора, попечителя и финансиста подобных заведений. Демографическая ситуация с поправкой на особенности средств выживания, медицины и представ-

ления людей о себе и своем здоровье характеризовалась, по большому счету, двумя основными закономерностями: высокой смертностью (особенно среди малолетних) и низкой продолжительностью жизни.

Социальная среда человека Нового времени, в которой он пытался реализовать потенциал взаимопомощи, характеризовалась ростом индивидуализма и рациональности, на что указывает и религиозная реформация, вырвавшая индивида из родовой и клановой системы и взвалившая на него груз индивидуальной ответственности. Новое содержание экономических отношений определяло во многом состояние отношений между людьми, образно называемое «духом капитализма». Это состояние предопределило новое социальное пространство – пространство активности [1; 12].

Оформляется идеология картезианства, Р. Декарт постулирует рациональность мышления, появляется и новое естествознание подкрепленное планированием, экспериментом и наблюдением. Н. Коперник, Г. Галилей, И. Кеплер меняют образ науки и мировоззрение мыслящих сословий. Поиск знаний перестает быть делом индивидуально-интуитивных прозрений отдельных личностей. Идеи, факты, доводы и обоснования становятся доступны общественному восприятию хотя бы и благодаря гутенберговской революции. Социализируется знание, солидаризируются общности, поведенческие практики переходят в область рационального планирования и контроля, что естественно отразилось и на практиках помощи [6].

Город Нового времени уже становится центром притяжения населения и источником социальных изменений. В нем генерируются новые формы социальной иерархии. Помимо характерных для традиционных обществ родоплеменных и фамилистски ориентированных структур возникают молодежные группы, интеллектуальные сообщества, университетские корпорации, группировки наемных работников, чиновничество, не связанное с феодальными привилегиями как прежде и т.д.

Расширение разнообразия форм социальных связей создавало и новые виды социальной идентичности – сословной, семейно-родственной, профессиональной, политической. Даже в маргинальных сообществах возникали своеобразные объединения (преступники, нищие) со специфическими регуляторами внутренних взаимодействий. Появляется новое, характерное для периода роста городов и активизации торговли явление – миграция, а также связанные с ней диаспоры, собственные системы жизнеобеспечения, социальной кооптации и помощи.

Если в традиционном обществе локальная семья была исключительным условием материального процветания и сохранения родового владения, земельного, статусного, профессионального, то в Новое время картина меняется. Эпоха капитализма привела к доступности образования для широких слоев городского населения, увеличился срок взросления и социализации, те, кто, пройдя обучение в городе, могли поступать в университеты, что приводило к росту конкуренции у активных возрастов и невозможности приобретения социально-экономического статуса посредством семейных структур. Широкое распространение получают долговременные внебрачные отношения, приводящие к появлению внебрачных детей [2].

Именно в этот период в Европе появляются приюты и «временные дома» для подкидышей и их обездоленных матерей. Неполные семьи на фоне постоянных войн и эпидемий также становились объектом надродовой и внесемейной опеки. Семейно-брачные институты, бывшие на протяжении веков фундаментом структуры общества и основным локусом помощи, где протекали все этапы социализации и получали оформление поведенческие установки молодых поколений, где известные с рождения связи обеспечивали статусную стабильность и некоторую долю наследства и служили, зачастую, местом приложения трудовых усилий, уже не являлись исключительным локусом взаимопомощи [4]. Внешние по отношению к се-

мье и роду акторы, в т.ч. государство, принимают все более активное участие в реализации помощи нуждающимся. Впрочем, как отмечают исследователи, жизнь сельского населения не претерпела столь серьезных изменений и «сельские приходы тогда частично оставались тем, чем они были изначально, – объединением людей занятых коллективной обработкой земли и распашкой нови. Неважно, кому принадлежала колокольня, вокруг которой собиралась община: деревне, часовне сеньора, монастырю или придорожной богадельне, – социальная ячейка оставалась той же самой» [5, с. 129].

Радикальные кризисы жизнедеятельности наподобие Столетней войны или эпидемии чумы, разного рода гонения и преследования стимулировали социальные реакции, актуализировали защитные механизмы социума, форсировали групповую солидарность хотя бы ради выживания. Многие города нанимали за счет муниципального бюджета хирурга повивальную бабку и устраивали больницы вместе с целым арсеналом инструментов, препаратов [10]. Даже элитные группы и монархическая власть практиковали в Новое время своеобразные формы «помощи» самим себе через систему государственного патроната, связанного с распределением постов, пенсий, дотаций и пожалований. В отношении же низов действовали методы кнута и пряника. Эта подвижная масса бродяг, нищих и тунеядцев производила сильное впечатление: в 1534 г. перепись жителей Лиона, нуждающихся в помощи, выявила 7 000 бедняков слабого здоровья и 675 нищих и их детей [5, с. 156].

Эволюционные тенденции солидарности, таким образом, воспроизводились, потребности в реципрокности сохранялись и в эпоху Нового времени, а изменчивость форм помощи и разнообразие ее проявлений, обусловленное социокультурными особенностями, обеспечивало сохранение общей тенденции во времени и пространстве [11–15].

Таким образом, взаимопомощь, социализированный альтруизм, реципрокность, фиксируемые в Новом времени, могут рассматри-

ваться нами как важная часть целостного поля культуры общества, наряду с языком, искусством и трудовой деятельностью. В рассматриваемый период успешно конвертировались биологические программы выживания в социально-культурные практики взаимопомощи. Эволюционная логика поддержания реципрокности соответствовала институциональному обеспечению процессов взаимодействия и предопределила развитие и выживание рассматриваемых исторических общностей-цивилизаций.

Список литературы

1. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с.
2. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.
3. Кириллов П.Е. Взаимопомощь в традиционных цивилизациях: социально-философский анализ // В мире научных открытий. 2015. № 9.4(69). С. 1316–1325.
4. Кremo М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества; Пер. с англ. В. Филипенко. М.: Философская книга, 2010. 592 с.
5. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640. М.: ИД территория будущего, 2010. 328 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.
8. Субботский Е.В. Проблема взаимопомощи и альтруизма в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1977. № 1. С. 164–174.
9. Хоманс Д. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 117–163.
10. Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М.: Мир, 1984. 566 с.

11. DuBois C. The People of Alor: A Socio-Psychological Study of an East Indian Island. Cambridge, MA: University Press, 1969. 654 p.
12. Hofstede G. Culture's Consequences: International differences in work related values. Newbury Park, CA: Sage, 2005. 328 p.
13. Maison W.A. Primate social intelligence // *Animal Mind – Human Mind* / Ed. D.R. Griffin. Berlin: Springer-Verlag, 1982, pp. 131–144.
14. Ray J.J. Authoritarianism, dominance and assertiveness // *J. of Personality Assessment*. 1981. V. 45 (4), pp. 390–397.15.
15. Sperry R.W. Cerebral Organization and Behavior // *Science*. 1961. Vol. 133, pp. 13–22.

References

1. Bashlyar G. *Izbranoe. Poetika prostranstva* [Selected works. The poetics of space]. Moscow: Russian political encyclopedia, 2004. 376 p.
2. Bessmertnyj Yu. L. *Zhizn' ismert' v srednieveka. Ocherki demographicheskoy istorii Frantsii* [Life and death in the middle ages. Essays on the demographic history of France]. Moscow: Science, 1991. 240 p.
3. Kirillov P.E. Vsaimopomoshch' v traditsionnyhtsivilizatsiyah: sotsial'no-philosophskij analiz [Mutual aid in traditional civilizations: social-philosophical analysis]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific findings], № 9.4(69), 2015, pp. 1316–1325.
4. Kremo M., Tompson R. *Neizvestnaya istoriya chelovechestva* [The Hidden History of the Human Race]; Trans. by V. Philipenko. 5th ed. Moscow: Philosophskay kniga, 2010. 592 p.
5. Mandru R. *Frantsiya rannego Novogo vremeni, 1500-1640* [France of early New age, 1500–1640]. Moscow: ID territoriya budushchego, 2010. 328 p.
6. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Saint Petersburg: Eurasia, 1999. 478 p.
7. *Samoregulyatsiya i prognozirovani esotsial'nogopovedeniya lichnosti* [Self-regulation and prediction of individual social behavior] / Ed. V.A. Yadov. Leningrad: Science, 1979. 264 p.

8. Subbotskiy E.V. Problema vzaimopomoshchi i al'truizma v zarubezhnoj psihologii [The problem of mutual and altruism in foreign psychology]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology], № 1, 1977, pp. 164–174.
9. Homans D. Sotsial'noepovedenie: ego elementarnye formy [Social behavior: its elementary forms]. *Sotsial'nye i gumanitarnyenauki*, № 2, 2001, pp. 117–163.
10. Erman L., Parsons P. *Genetikapovedeniya i evolutsiya* [Behavior genetics and evolution]. Moscow: Mir, 1984. 566 p.
11. DuBois C. The People of Alor: A Socio-Psychological Study of an East Indian Island. Cambridge, MA: University Press, 1969. 654 p.
12. Hofstede G. Culture's Consequences: International differences in work related values. Newbury Park, CA : Sage, 2005. 328 p.
13. Maison W.A. Primate social intelligence. *Animal Mind – Human Mind* / Ed. D.R. Griffin. Berlin: Springer-Verlag, 1982, pp. 131–144.
14. Ray J.J. Authoritarianism, dominance and assertiveness. *J. of Personality Assessment*. 1981. V. 45 (4), pp. 390–397.15.
15. Sperry R.W. Cerebral Organization and Behavior. *Science*. 1961. Vol. 133, pp. 13–22.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рябцев Сергей Викторович, кандидат философских наук, доцент
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская обл., 141982,
Российская Федерация
matilda-9972@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ryabtsev Sergey Viktorovich, PhD, Associate Professor
State University 'Dubna'
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow region, 141982, Rus-
sian Federation
matilda-9972@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-99-121

УДК 123.1

СВОБОДА И СМЕРТЬ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ ЖАН-ПОЛЬ САРТРА

Силенин И.А.

Цель. Статья посвящена изучению вопроса свободы и смерти как феномена свободы в философско-антропологическом дискурсе в экзистенциализме. Предмет данного исследования – смерть и свобода в философии Жан-Поль Сартра. Цель исследования – конституировать понятия свободы и смерти в пространстве экзистенциального горизонта.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют герменевтический, феноменологический и исторический методы, а также принцип критической реконструкции.

Результаты. Автор эксплицирует то, что бытие Сартра проявляется в свободе, человек не определяется прошлым, а неантизирует его. Свобода становится тождественной существу-для-себя, что созвучно «проекту» Хайдеггера, в то же время «проект» темпорален и его цель – будущее. Смерть неустранима и индивидуальна, однако представляется фактичностью, исходя из чего не нарушает свободу личности на реализацию своего проекта. В структуре человеческой экзистенции свобода получается место абсолютного идеала бытия и становится условием этого бытия.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в экзистенциальной философии.

Ключевые слова: свобода; смерть; экзистенциальная философия; Жан-Поль Сартр; бытие; тревога.

**FREEDOM AND DEATH IN THE STRUCTURE
OF HUMAN EXISTENCE IN THE PHILOSOPHY
OF JEAN-PAUL SARTRE**

Silenin I.A.

Purpose. The article is devoted to the problem of death as a phenomenon of freedom in philosophical-anthropological discourse in existentialism. The subject of the research is death and freedom in Jean-Paul Sartre philosophy. The goal is to constitute the concepts of freedom and death in the field of existential horizon.

Methodology. The basis of the research is the hermeneutic, phenomenological and comparative methods and the principle of the historical-philosophical reconstruction.

Results. As a result of the study the author explicates that the existence, according to Sartre, is manifested in freedom, a person/a human being is not defined by his/her past, but neantizes it. Freedom becomes the same as being-for-itself, which is consonant with Heidegger's Project, except the "project" is temporal and aims at the future. Death is unavoidable and individual, but is presented as facticity and therefore does not violate the personal freedom to implement the project. In the structure of human existence freedom gets a place of an absolute ideal of existence and becomes its prerequisite.

Practical implications. The results of the study can be applied in existential philosophy.

Keywords: freedom; death; existential philosophy; Jean-Paul Sartre; existence; anxiety.

Свобода и смерть являются ведущими звеньями в пространстве конституирования экзистенциального опыта как особого горизонта

метафизического постижения. Обращаясь к сущности экзистенциального анализа, важно уловить на уровне некоей экзистенциальной чувствительности и распознать смысловые векторы функционирования, а так же саму суть человеческой экзистенции в ее усилии быть. Особая роль в этом принадлежит Жан-Поль Сартру, с его по истине оригинальной чувствительностью. Говоря о человеке в его экзистенциальном присутствии в мире, Сартр подвешивает его на крюк ответственности. Человек брошен в мир, он обречен на свободу. Его существование, то есть экзистенция не дана и не задана предметным образом, она возможна лишь как усилие человека быть.

Свобода и смерть – есть проблема и одновременно с этим смысл существования поколений, ибо эти понятия определяют условия бытия. Новым в данном вопросе оказывается его повторная постановка и актуализация в экзистенциализме. Экзистенциализм является разновидностью философской мысли, которая эксплицируется в рамках человеческой жизни и определяет положение в ней человека и пересматривает понятия свободы и смерти с точки зрения существования (экзистенции), при которой человек «выскакивает» из своей собственной индивидуальности и осмысливает бытие вне себя самого [16, с. 32].

Человек в экзистенциальной философии Сартра в своем существовании предстает пред нами как проект. Он не существует в данный момент времени, он был или будет. Так же и вещи, окружающие человека, существуют постольку, поскольку существует человек, наполняющий их смыслом существования. Это актуализирует вектор свободы, который становится связанным с ответственностью, а так же изменяет отношение к смерти и конечности, которая приобретает характер уникальности, анонимности и невозможности быть переложеной на другого [13, с. 33]. «Новая» философия свободы и смерти в экзистенциализме развертывается не как философия стра-

ха перед смертью, но как символ экстаза экзистенции, существования вне себя, при этом знание о смерти радикально изменяет смысл существования человека и его бытие становится ответственным.

Жан-Поль Сартр создает философию, которая представляет из себя «движение, запечатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измерение современного западного человека, изображающее психологическую ситуацию, в которой он находится, выражение уникальных психологических трудностей, с которыми он сталкивается» [5, с. 49]. Экзистенциализм Сартра получает особое развитие в годы войны как реакция на происходящее, что служит подтверждением того, что философия есть предел человеческого существования. Человек привязан к философии, к теме своей конечности и это есть крюк, на который нанизывается дальнейший ход рассуждений. События военного времени заставляют Сартра переосмыслить тему свободы и конечности бытия, ибо когда человек сталкивается с неопределенностью, нарушением привычного уклада жизни, высокой смертностью во время войны, то есть когда его бытие становится шатким – он переосмысливает смысл своего существования.

Конечность не является свойством бытия, но есть фундаментальный способ присутствия человека в мире. Человек – это напряжение, состояние определенного усилия, это приводит его к постоянному переосмыслению структуры человеческой экзистенции, в которую входят такие экзистенциалы, как свобода, смерть, страх, трепет, тревога. Эти слова есть не просто вещи, но символы, которым присуща личностная, субъективная составляющая.

Чтобы осмыслить факторы, образующие структуру человеческой экзистенции, Сартр использует феноменологический метод, применяя который показывает смысл существования человека в мире: личность обнаруживает смысл при переживании определенной ситуации и интерпретации ее в контексте бытия.

Для Сартра человек первоначально ничего собой не представляет. Однако, он становится человеком впоследствии, когда сделает, выберет себя сам, проживая ту или иную ситуацию и совершая в ней тот или иной выбор, «таким образом нет никакой природы человека» [9, с. 9], сущность человека, то, что позволяет отличить его от обычного предмета, скажем, стола, стула – существование, ибо человек – это «проект, который переживается субъективно» [9, с. 10]. Слово «субъективно» используется здесь в смысле человеческой субъективности постольку, поскольку он выбирая себя, выбирает и все человечество. Каждое действие, которое создает из нас человека, такого человека, каким мы бы хотели стать, утверждает ценность того, что мы выбираем. То, что каждый выбирает для себя – всегда благо, и благо это является таковым в общепринятом смысле, ибо «ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех» [9, с. 11]. И наша ответственность за осуществляемый выбор оказывается больше, нежели предполагалось, ибо охватывает все человечество. Человек, который выбирает свое бытие, является ответственным за выбор бытия всего человечества. Совершая выбор в пользу того или иного поступка, индивид сам решает сотворит он добро или зло, сам выбирает сотворит он благо или нет, но, тем не менее, он ответственен за свой свободный выбор и перед другим человеком, ибо служит примером для него. Поступки, являясь следствием свободного выбора, подразумевают под собой тревогу ответственности за правильность этого выбора. Для разъяснения здесь стоит воспользоваться примером, который приводит Жан-Поль Сартр в своем труде «Экзистенциализм – это гуманизм», где пишет о военачальнике, который отдает приказ своим подчиненным идти в бой и является ответственным за их жизни, с чем связана его безусловная тревога, однако такая тревога за правильность выбора не мешает этому выбору, а составляет условие действия [9, с. 32].

Итак, выбирая то или иное человек определяет свою самость, созидает свое бытие. Поэтому у человека отсутствуют оправдания за тот или иной выбор, ибо он сам ответственен за свои деяния, «человек осужден быть свободным» [9, с. 17]. Постулируя это, Сартр соглашается с тем, что не имея пред собой божественной шкалы ценностей, человек оказывается перед своей собственной, а посему у него отсутствуют моральные указания или предписания и, соответственно, оправдания или извинения. Таким образом, оказывается, что человек заброшен, ибо оставленный в мире, сам выбирает свое бытие. Окружающая действительность станет такой, какой ее определит сам индивид, но Сартр не склоняет к бездействию, ибо реальность – в действии: «человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет» [9, с. 26]. Собственная жизнь его представляет из себя череду поступков, которая ограничивается смертью. Сартр формулирует так же причину негативного отношения к учению о бездействии – человек зачастую в своей несостоятельности привык винить окружающие обстоятельства, которые были не так благосклонны, как например, к более успешному субъекту. А исходя из такой экзистенциальной структуры, свобода человека и его выбор определяют его самость, и, соответственно, никто, кроме него самого, не виновен в том, что он таков: «человек живет своей жизнью, он создает свой облик, а вне этого облика ничего нет» [9, с. 27]. То есть человек оказывается ни чем иным, как рядом своих поступков, совокупности различных отношений и взаимодействий, из которых складываются эти поступки. Ибо вспоминая о том или ином человеке, мы подразумеваем не столь внешний облик, сколь образ его мышления и поступков.

Исходной точкой своего философствования Сартр выделяет субъективность индивида, а безусловное начало этого индивида в «я мыслю – следовательно существую» Декарта [6, с. 120]. Эта истина позволяет человеку постигать себя. Человек оказывается здесь

не объектом, а имеющим достоинство субъектом, не материалистичным столом или стулом, к сходству с коими ведет рассуждение о том, что человек есть совокупность лишь реакций, качеств и явлений. Субъект в философии Сартра признается ценностным, мыслящим, индивидуальным, могущим открывать не только себя, но и других людей. Человек, познающий себя через Декартовское *cogito* обнаруживает вместе с тем и окружающих его личностей, при том обнаруживает их как условие своего собственного существования, ибо человек становится тем или иным только тогда, когда так охарактеризуют его другие: «чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования...обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу» [9, с. 31].

В жизни человечества не представляется возможным найти какую либо универсальную сущность, которая выполнила бы роль человеческой природы. Жан-Поль Сартр делает акцент на том, что современные мыслители подразумевая человека, говорят о человеческом существовании, но не о человеческой природе. Ибо именно существование определяет человека таким, каков он есть. Человек по природе всегда человек, но исторически сегодня человек рождается рабом, завтра феодалом и послезавтра пролетарием, для которого не изменяется лишь возможность быть и быть смертным, но собственно свободное существование каждого из приведенных в пример индивидов различно – считает Сартр [9, с. 34]. И различно оно постольку, поскольку возможен свободный выбор каждого индивида, кроме смерти, ибо смерть остается универсальной для всех. В философии Сартра человек – проект, и проект этот универсален. Любой проект может быть понят и осмыслен другим проектом, при этом проект не является определяющей обязательной характеристикой личности, ибо проект на то и проект, что может быть вопло-

щен в жизнь, а может остаться лишь проектом. В этом смысле Сартр говорит лишь о всеобщности человека, которая не дается заранее, но создается этим же человеком при условии его свободы выбора, «выбирая себя, я созидая всеобщее» [9, с. 39].

Экзистенциализм Сартра показывает и подчеркивает связь между абсолютностью свободного действия, определяющего сущность каждого человека, и относительностью культуры. При этом относительность культуры является следствием свободного выбора проекта. Ибо экзистенция есть тот вид существования, в котором человек «выскакивает» из индивидуальной скорлупы, которая есть общество или культура [12, с. 52].

Безусловно, свобода каждого отдельно взятого человека не зависит от другого, но как только тот или иной субъект производит действие, вместе со своей свободой приходится считаться и со свободой других. Таким образом, коль скоро первоначально человек из себя ничего не представляет, но создает себя в процессе систематически повторяющихся вариант выбора, его существование предшествует сущности. «Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам» пишет Сартр [8, с. 9].

Личность у Сартра абсолютно свободна, ибо конституирует себя с беспричинностью существования. И поскольку этой причины нет, человек сам в ответе за себя и свои поступки. В философии Сартра творцом и законодателем ценностей является сам человек. И коль скоро это лишает жизнь априорного смысла, в своих трудах философ настаивает на том, что «вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл» [2, с. 42]. Тем самым обнаруживается, что каждый человек в отдельности создает свою систему ценностей и свой смысл, что в целом влияет на все человечество, которое создает общепринятую шкалу ценностей. В этой шкале ценностей отсутствует место для Бога. Ибо идея Бога – есть идея бесконечного Абсолюта, но Сартр показывает,

что такая идея противоречива постольку, поскольку при существовании Бога придется отрицать изначальную свободу индивида. Человек, который стремится к Божественному, обречен на крушение.

По Сартру человек является открытой, незавершенной системой, действия такого человека носят осознанный характер и определяют сущность самого человека. На основании этого Сартр создает концепцию субъект-философской антропологии, в которой радикально переосмысливает проблему субъективности личности, при этом бытие человека сводится к бытию познания. Существование человека предстает пред нами как существование «в себе» и «для себя». Бытие «в себе» представляет из себя существование вещи, которая не имеет внутренних и внешних качеств, лишь просто существует. Бытие «для себя» не является вещью, но есть ничто, так как не имеет сущности, это бытие – сознание. Ничто не появляется лишь в сознании, но сознание включает в себя сознание о себе, поэтому «сознание есть полагающее сознание мира» [7, с. 26]. Вещи в мире и бытии в таком случае зависят от того, найдется ли хотя бы одно разумное существо, которое может наполнить их потребностью в существовании и постулируются в зависимости от усилия субъекта. Мир не навязывает себя, но укладывается в границы нашего познания. Усмотрение границ нашего познания производит страх и тоску, которые свидетельствуют о том, что не все зависит от конкретного субъекта, но с другой стороны это приводит к личной бытийной ответственности.

Предназначение человеческой экзистенции по Сартру заключается именно в противоречии себе. Сущность индивида – это то, что он сам сделал из себя, то есть он сам, но рассматриваемый исторически, тогда экзистенция индивида предшествует его сущности и в этом заключается свобода индивида. Такое человеческое бытие является темпоральным и историческим, так как самосознанием и познанием личность конституирует свое историческое существование.

Так же как и М. Хайдеггер Сартр различает неподлинное и подлинное существование. В подлинном существовании индивид полностью свободен и его действия самостоятельны, при неподлинном существовании бытие индивида детерминировано внешними обстоятельствами. В своем романе «Тошнота» Сартр, анализируя поведение героя Антуана Рокантена, показывает спонтанность существования. «Существование всегда ограничено только существованием» [8, с. 135]. Случайность, исходя из этого, есть основополагающий статут бытия и человек – существо, которое обладает онтологическим основанием свободы. При этом свобода никак не иначе должна быть абсолютной постольку, поскольку только абсолютная свобода не имеет сущности, а заключена в стремлении, которое характерно для выбора человека. Бытийный «проект» человека есть выражение свободы. Человек не может не выбирать, даже не выбирая он выбирает то, что отстраняется от выбора, ибо человек осужден быть свободным.

Понятие свободы – центральное понятие философии Жан-Поль Сартра. Свобода как один из экзистенциалов структуры человеческого существования проявляется лишь тогда, когда у личности отсутствует вера в существование смысла мироздания: «Я свободен: в моей жизни нет больше никакого смысла» [8, с. 157]. Свобода – это ничто, которое переживается каждым лишь тогда, когда он понимает что он есть и сам выбирает то, каким он станет в будущем. Выбор действия, которое будет в той или иной мере произведено человеком является выбором себя, ибо выбирая поступок, я отождествляю с этим поступком себя и, соответственно, выбираю свое существование. Коль скоро возможность выбирать присутствует лишь у того, кто уже есть, то существование уже имеется, оно априорно, но в нем нет никакого смысла, ибо лишь выбор наполняет существование смыслом.

Таким образом, люди сами создают себя посредством своего свободного выбора, выбора, за которым следует ответственность перед самим собой и человечеством. Неизбежность выбора – фундаментальное суждение экзистенциализма. Уход от этого суждения и попытка «подмены» понятия свободы – есть способ ухода от муки осознания того, что личность совершенно свободна и сама выбирает свое существование. Экзистенциал свободы Сартра в его философии тесно связан с экзистенциалом одиночества постольку, поскольку бытие «для себя» подразумевает отречение от «бытия для других». Сознание «я» непредметно, но оно опредмечивает окружающие «я». Сартр в одной из своих пьес «За закрытой дверью» описывает людей, попавших в ад и находящихся в замкнутом пространстве. При длительном нахождении этих людей в таком пространстве, они пропитываются враждой друг ко другу и приходят к выводу что адские муки – это не сам ад, но ад – это другие. Тем не менее, несмотря на тяготение отношений личного «я» или «бытия для себя» к « бытию других», люди нуждаются в обществе.

Бытие индивида и общества в целом свободно. Свобода – это ничто, которое наполняет сердце человека и заставляет личность быть. Быть в понимании Сартра – значит выбирать себя, ибо личность ничего не получает извне и не находит внутри себя, она полностью заброшена. Таким образом, «свобода не есть какое-то бытие, она есть бытие человека, то есть его ничто бытия» [7, с. 1074]. Невозможно понимать человека как полноту и в данной полноте искать области свободы, такую попытку Сартр называет абсурдной и сравнивает с невозможным выполнить поиск пустоты в заполненном до краев жидкостью кувшине. Человек не может быть рабом, он только свободен, в противном случае – его нет. При этом, отвечая на полемику о страстях и детерменизме психических процессов, Сартр взывает к мудрости стоиков, ибо она «будет учить наводить порядок среди

страстей, чтобы уметь ими управлять, короче говоря, советовать вести себя в эмоциональной сфере, как это делает человек по отношению к природе, когда он ей повинуется, чтобы лучше ею управлять» [7, с. 1075]. Реальность же бытия человека выступает как свободная сила, которая, тем не менее, «осаждена» детерминированными процессами. Эта реальность, это бытие сводится к действию. Прекращать это действие значит прекращать свое бытие. Более того, определение индивида к действию – уже есть действие и действие это предполагает автономность и образует некий ряд движений субъекта. Говоря о движении, Сартр подразумевал интенцию, которая являлась возвышением к результату, который требуется достигнуть, начиная какое либо движение. Такая интенция является фундаментальной структурой человеческой реальности и имеет постановку цели вне себя. Интенциональный выбор цели открывает «бытие в себе», «бытие вне себя», обнаруживая мир, мир при этом разворачивается так или иначе, «в таком или другом порядке», в зависимости от выбранной цели [7, с. 1157]. Коль скоро цель необходима для своего логического завершения, для выполнения, она открывает мир, который еще не существует, но уже есть в цели и которого необходимо достичь. Индивид всегда отождествляет свою свободу с выбором, который производит собственное становление и созидание, и выбор этот необусловленный, сделанный без точки опоры, но имеющий в себе определенные мотивы. При этом выбор такой может показаться абсурдным постольку, поскольку свобода есть выбор бытия, но не основание его. Жан-Поль Сартр поясняет это, приводя пример самоубийства, где индивид «выбирает» быть или не быть и выбор этот является абсурдным, поскольку «человеческая реальность может выбрать себя, но она не может даже отказаться от того, чтобы быть» [7, с. 1161]. В любом случае, личность выбирает в рамках бытия и выбор охватывается этим бытием. Свобода, таким образом, не является просто случайностью,

но она есть обращение к своему бытию для того, чтобы понять его в свете своей цели, а цель – это попытка уйти от случайности. Цель в философии Сартра становится интериоризацией, субъективизацией и ничтожением случайности, при этом в результате акта постановки цели случайность переходит в разряд произвольности выбора. «Свободный проект фундаментален, так как он есть мое бытие» [7, с. 1162]. Индивид сам выбирает себя, но не может быть выбранным, «иначе впал бы в простое существование в-себе» [7, с. 1163].

Краеугольным камнем философии Сартра является исследование им факторов, влияющих на свободу и претендующих ограничить ее, он выделил: ситуацию, место, прошлое, окрестности, ближнего и смерть.

Ситуация, по мнению Сартра, не нарушает человеческой свободы постольку, поскольку наблюдается парадокс: «свобода есть только в ситуации и ситуация присутствует благодаря свободе» [7, с. 1184]. Индивид, посредством решения определенных вопросов, совершая тот или иной выбор, участвует в создании ситуации, а значит свободен ее выбирать.

Место, ограничивающее свободу климатом и окружающими обстоятельствами оказывается случайным, так как индивид случайно вовлечен в то или иное место, рождаясь, личность принимает место, но становится ответственной за место, которое принимает, и это есть его свобода.

Прошлое не дает ускользнуть свободе, которая движется к будущему, основываясь на предыдущем, имея в нем основание, и поскольку прошлое неозвратно – индивид не обладает свободой изменить это прошлое, а соответственно не обладает полной свободой влиять на будущее. Тем не менее, прошлое, как и место, интегрируется в случайную ситуацию и придает прошедшему лишь фактическое значение и не меняет характер будущего.

Окрестности – понятие, которое в своей философии Сартр отделяет от места в виду того, что место – это географическое положение, а окрестности – орудия и вещи, которые окружают индивида. Определенные окрестности несут в себе определенные коэффициенты «враждебности и инструментальности» [7, с. 1218]. Изменение места влечет и изменение окрестностей, глобально изменив окрестности – меняется и место [9, с. 284]. Проект свободы ничего не добавляет к вещам и ничего от них не убирает. Он принимает то, что вещи есть, в них заложен определенный коэффициент враждебности или инструментальности. И свобода проекта так же остается свободой, поскольку выбирает себя среди вещей в полноте случайности: «только через присвоение этой случайности и ее возвышение может существовать одновременно выбор и организация вещей в ситуации» [7, с. 1229].

Сартр строит схему взаимодействия проекта личности с проектами окружающими личность – ближними, которые так же вовлечены в мир. И, на первый взгляд, возводя границы свободе, Сартр тут же разрушает их, показывая, что окружающие проекты имеют лишь внешние границы свободы индивида, которые интериоризируются в качестве нереализованных, то есть не являющихся реальным препятствием для осуществления того или иного выбора. Безусловно, свобода другого так же придает рамки моей свободе, но их можно преодолеть, если взять на себя «бытие для другого» и придать ему смысл, такой акт оказывается отчужденным, но позволяет испытать свое бытие как внешнее. «Свобода является целостностью и бесконечностью; нельзя сказать что она не имеет границ, но она их никогда не встречает» [7, с. 1277].

Человек обречен на свободу, однако многие индивиды сторонятся выбора, отказываясь при этом от свободы, так как в признании свободы и совершении выбора человек несет ответственность

за этот выбор, а ответственность подразумевает страдание. Страдание в равной степени ощущается и там, где не существует факторов, определяющих выбор, то есть в ситуациях, где все возможно. Такое страдание предполагает смерть и страх, которые так же входят в структуру человеческой экзистенции и связаны со свободой и ответственностью. Ибо «смерть другого неумолимо конституирует меня как объект, точно так же как и моя собственная смерть» [7, с. 425].

В философии Сартра смерть принимает абсолютно абсурдный характер, ибо предположив мир абсурдным, появляется возможность различать в нем смыслы. Смерть – острое осознание экзистенциала, именно невозможность переложить смерть на другого, ее личностный характер позволяет индивиду оживить в себе совершенно личностное сознание жизни. Смерть так же не является чем то подконтрольным человеку, коль скоро смерть определялась бы нами самими или была предписана Богом, она не прерывала бы нашу жизнь, а логично завершала бы ее, что не так, поэтому смерть – есть особый экзистенциал, который разрушает основания, упраздняет все устои и гарантии умаляются.

Смерть в философии Сартра рассматривается не как другая сторона «стены», а как событие человеческой жизни. Смерть – это граница. Смерть – это ничто бытия, которое, тем не менее конституирует значение жизни. Заключительный аккорд мелодии жизни, по словам Сартра, заканчивается безмолвием, в котором тишина и выполняет роль этого завершающего жизнь аккорда. При этом граница эта является частью бытия и не отделима от него, без этой границы мелодия несостоятельна. Смерть в философии Сартра лишь претендует на ограничение свободы, но фактически, не получает такую возможность. С точки зрения идеалистической и гуманистической Сартр резко критикует некоторые «реалистические» теории, согласно которым умирая, человек сталкивается с чем то нечелове-

ческим, которое при этом и формирует человека из нечеловеческого. Примерами таких теорий могут служить поэтические произведения Рильке и Мальро, которые рассматривали смерть как нечто конечное, прилежащее к ряду. Ряд этот, однако, возвращает к «terminus ad quem», где «ad» – нечто прилежащее внутреннему, тогда смерть гуманизируется и интериоризируется [7, с. 1279]. Сартр, тем не менее, настаивает на человечности смерти, принадлежности ее к сущности людской: «не существует больше другой стороны жизни, а смерть является человеческим феноменом» [7, с. 1280]. Жизнь у Сартра становится сопоставимой с Эйнштейновским «конечным», но «безграничным» миром. Смерть возвышается Сартром до смысла жизни, до значения конечного аккорда всей сыгранной мелодии, которая становится при этом не просто прилежащей к роду человеческому, но интериоризируясь, она индивидуализируется и получает статус «моей»: «она больше не является великим, непознаваемым, ограничивающим человеческое, а есть феномен моей личной жизни, делающей из этой жизни уникальную жизнь» [7, с. 1280]. Коль скоро смерть получает статус личной, принадлежащей каждому индивиду в отдельности, человек становится ответственным за свою смерть в равной степени, как и за жизнь.

Хайдеггер в своих трудах дал философскую форму гуманизации смерти, ибо его Dasein не испытывает чего либо, так как по сути своей является тем же «проектом» Сартра, который предвосхищает свою смерть и более того, сама смерть позволяет «очертить целостность присутствия» этого проекта [10, с. 246]. «Поскольку dasein выносит решение о своем проекте к смерти, оно реализует свободу – чтобы умереть» [7, с. 1281]. Смерть в таком случае конституируется как свободный выбор конечности [15, с. 194].

Сартр особо отмечает личностный характер смерти: «очевидно, что никто не может умереть за меня» [7, с. 1283]. Однако здесь

он сталкивается с парадоксом: за одного не может умереть другой постольку, поскольку мы рассматриваем смерть в сугубо субъективном смысле. Однако, если же рассмотреть действия индивида с точки зрения его функции в мире, то, получается, что смерть, как и, например, любовь, становится своего рода «общим» явлением. Любой может умереть или любить на моем месте – пишет Сартр, любой может, например, пожертвовать собой на войне. Тем не менее, принимая абсурдность смерти, Сартр делает вывод о том, что смерть носит более личностный характер, хотя и может рассматриваться объективно. Ибо смерть лишь тогда имеет смысл, когда она незаменимо субъективна, определена дорефлексивным *Cogito*. Смерть – это личностное, определенное лишь для отдельно взятого индивида событие. И лишь тогда смерть приобретает особое значение, когда «моя» смерть ожидаема «мною». Ибо смерть не может ожидаться, если она не назначена «мне» [14, с. 67].

В своем труде «Бытие и ничто» Сартр уделяет особое внимание разделению смыслов глагола «ждать»: «приготовиться (*s'attendre*) к смерти не значит ждать (*attendre*) смерть» [7, с. 1286]. Глагол *s'attendre* может употребляться в значении – ожидать, надеяться, рассчитывать или приготавливаться к чему либо. Глагол *attendre* – ждать, быть уготованным. Глагол *attendre* употребляется в случае, когда субъект, например, ждет автобус или поезд. Глагол *s'attendre* – когда автобус или поезд опаздывает и субъект приготовился (*m'attends*) к его опозданию. Смерть возможно ожидать лишь в смысле *s'attendre* постольку, поскольку нет точного времени ее “прибытия” и она имеет характер неожиданного, ибо количество факторов, которые влияют на время ее “прибытия” практически бесконечно. Тогда это бесконечное количество факторов можно рассматривать как «ничтожение моих возможностей. Следовательно смерть не является моей возможностью больше не реализовывать присутствие в мире, но всегда воз-

можным ничтожением моих возможностей, которое находится вне моих возможностей» [7, с. 1290].

Смерть не придает жизни смысл «извне», ибо смысл приходит от субъективности личной смерти. Смерть не появляется на основании свободы, а значит она претендует на то, чтобы отнять у жизни всякое значение. Сартр связывает это с тем, что смерть останавливает в нас всякое стремление и возможность сделать, создать что либо: «сразу же теряет всякую значимость ожидание, кем бы стал этот умерший молодой человек, и его ожидание стать великим человеком» [7, с. 1295]. Таким образом – заключает Сартр – смерть не может являться тем, что дает смысл жизни, а наоборот, она является тем, что отнимает у нее всякое значение, ибо возможности создать проекты того или иного индивида канут в неопределенность и незавершенность.

Смерть у Сартра не является собственной, личной возможностью, но и не является проектом, который разрушает все проекты, смерть получается «триумфом точки зрения другого над моей точкой зрения» [7, с. 1298]. То есть смерть «преобразует жизнь в судьбу» [1, с. 8], ибо ничтожает бытие в себе, которое индивид имеет в своем бытии. Живя, человек способен принимать решения, «создавать себя», выбирая то или иное, умерев же, «все ставки сделаны» и все, что остается – исход тех решений, те проекты, которые были созданы. Сартр таким образом показывает особое различие между жизнью и смертью. Жизнь позволяет решать вопрос о собственном смысле, позволяет быть самокритичным и меняться, то есть жизнь рассматривается как «еще не». Смерть же рассматривается как «уже», она не может подвергаться собственным изменениям, но может подвергаться изменениям со стороны другого индивида или индивидов, при этом, она перестает быть ответственной за это.

Таким образом, «существование смерти отчуждает нас полностью в нашей собственной жизни в пользу других. Быть мертвым –

значит быть жертвой живущих» [7, с. 1305]. То есть, понимая смысл своей смерти, индивид должен принимать то, что становится некоей «открытой» системой для других проектов. Бытие-в-себе, став ничем после смерти все так же связано с бытием-для-других. Факт смерти оставляет «последнее слово» в диалоге «бытие для себя» с «бытием для других» за «бытием для других»: «в этом смысле умереть – значит быть осужденным, какой бы эфемерной ни была одержанная победа над Другим» [7, с. 1306]. При этом, существование после смерти Сартр характеризует не как «призрачную жизнь в сознании другого», но как действительное бытие, подтверждением ко-ему могут служить те или иные вещи, оставленные после смерти и напоминающие близким индивида о нем. Существование после смерти отождествляется с памятью близких. Ибо смерть, опустошая ожидания собственного проекта индивида, оставляя невозможной воплощение в жизнь его планов и целей, осуществления выбора, обуславливающего свободу, «придает смысл внешнего всему тому, чем я жил в субъективности» [7, с. 1310]. Окружающий мир личности экстерииоризуется и от субъективного переходит в разряд объективных, значение которым придает бытие других. Таким образом, смерть, открывшаяся субъекту в жизни, не может быть причиной остановки его субъективности. Смерть, являясь способом ничтожения возможностей индивида, тем не менее, находится вне его возможностей, а значит человек не может постигнуть ее, как один из способов построения своего проекта, следовательно, смерть не принадлежит к структуре «бытия для себя». Смерть – особая структурная единица экзистенциальной структуры бытия, «она не может ни открыться нам, ни особенно конституироваться в качестве преобразования нашего бытия в судьбу; она является в действительности одновременным исчезновением для себя и мира» [7, с. 1308]. Таким образом, смерть является случайным фактом и субъект не может

открыть свою смерть, выбрать отношение к ней, смерть – это «чистый» факт, как рождение. Сартр, отождествляя смерть с рождением, прилагает ее к «фактичности» Хайдеггера [3, с. 115].

В бытии-для-себя Сартр не оставляет смерти никакого места, смерть становится смертью лишь тогда, когда умирает другой. Смерть и конечность – не тождественны постольку, поскольку будучи даже бессмертным, человек в любом случае оставался бы конечным. Свобода по Сартру предполагает конечность, ибо создавая, проект мыслит себя конечным. И коль скоро проект мыслит себя конечным – его жизнь уникальна. И смерть, и рождение с такой позиции получаются абсурдными, ибо это влечет за собой постоянное отчуждение возможности бытия для себя, но не для другого, ибо другой смертен в своем бытии. Для «бытия для себя» смерть же недостижима, неуловима, поэтому она не может являться ограничением для осуществления проекта «для себя». Смерть вне субъективности индивида.

Таким образом, бытие-для-себя Сартра проявляется в свободе. Человек не определяется своим прошлым, он выбирает, а значит неантизирует свое прошлое. Свобода тождественна сущему-для-себя. Сущее-для-себя Сартра созвучно проекту Хайдеггера, это сущее, этот проект темпорален и основной его целью является будущее. Человек по Сартру не имеет человеческой природы и сущности, существование предшествует сущности и более того, сущность сущего-для-себя и есть существование [3, с. 171]. Свобода у Сартра открывается как возможность создавать себя, проектировать свое будущее. При этом свобода эта тревожна, ибо требует ответственности. Осознавая собственное бытие, творящее себя как ничто, осознавая свободу, человек становится тревожным. При этом свобода индивида безгранична, ибо не встречает на своем пути преград. Смерть не является ограничивающим свободу фактором, это лишь фактичность, то же, что и рождение. Свобода Сар-

тра абсолютна и неустранима, она есть идеал бытия в структуре человеческой экзистенции.

Список литературы

1. Андре Мальро – Надежда (перевод А. Косс и Е. Кушкина). Ленинград: Художественная Литература, 1990. 464 с.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. Собрание сочинений. Т.1. М: Московский клуб, 1992. С. 159–317.
3. Бохенский Ю. Современная европейская философия. Научный мир, 2000. 254 с.
4. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От Античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 2001. 372 с.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе // Сочинения в 2 томах. М., 1989–1994. Т.1. 650 с.
6. Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. 224 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2002. 640 с.
8. Сартр Ж.-П. Тошнота. Избр. Произв. М.: Политиздат, 1992. С. 15–176.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
12. Earnshaw S. Existentialism: A Guide for the Perplexed. London: Continuum, 2006. 186 p.
13. Feinberg J.S. and Feinberg P.D. Ethics for a brave new world. Illinois, 1993. 479 p.
14. Kierkegaard S. Works of Love. Harper & Row, Publishers. New York, N.Y. 1962. 576 p.

15. Heidegger M. «Letter on Humanism», in *Basic Writings: Nine Key Essays, plus the Introduction to Being and Time*, trans. David Farrell Krell (London, Routledge; 1978), 208 p.
16. Thomas R.F. *Existentialism: A Very Short Introduction* (Oxford University Press), 2006. 848 p.

References

1. *Andre Mal'ro – Nadezhda* (perevod A. Koss i E. Kushkina) [Andre Mal'ro – *Nadezhda* (translation by A. Koss and E. Kushkina)]. Lenin-grad: Hudozhestvennaya Literatura, 1990. 464 p.
2. Bergson A. *Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya. Materiya i pamyat'. Sobranie sochinenij* [Essay on the immediate data of consciousness. Matter and Memory. Collected Works]. V.1. M: Moskovskij klub, 1992, pp. 159–317.
3. Bohenskij YU. *Sovremennaya evropejskaya filosofiya* [Modern European Philosophy]. Nauchnyj mir, 2000. 254 p.
4. Gagarin A.S. *EHkzistencialy chelovecheskogo bytiya: odinochestvo, smert', strah. Ot Antichnosti do Novogo vremeni* [Existential human existence: loneliness, death, fear. From antiquity to modern times]. Ekaterinburg: Izd-vo YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 372 p.
5. Dekart R. *Rassuzhdenie o metode. Sochineniya v 2 tomah* [Discourse on Method. Works in 2 volumes]. M., 1989–1994. V.1. 650 p.
6. Mehj R. *Otkrytie Bytiya* [The opening of Genesis]. M.: Institut Obshchegumanitarnyh Issledovanij, 2004. 224 p.
7. Sartr ZH.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: Experiences phenomenological ontology]. M.: Respublika, 2002. 640 p.
8. Sartr ZH.-P. *Toshnota. Izbr. Proizv* [Nausea]. M.: Politizdat, 1992, pp. 15–176.

9. Sartre ZH.-P. *Ehkzistencializm – ehto gumanizm* [Existentialism – a humanism] / Per. s fr. M. Greckogo. M.: Izd-vo inostr. lit., 1953.
10. Frankl V. *CHelovek v poiskah smysla* [Man in search of meaning]. M.: Progress, 1990. 368 p.
11. Hajdegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. M.: Ad Marginim, 1997.
12. Earnshaw S. *Existentialism: A Guide for the Perplexed*. London: Continuum, 2006. 186 p.
13. Feinberg J.S. and Feinberg P. D. *Ethics for a brave new world*. Illinois, 1993. 479 p.
14. Kierkegaard S. *Works of Love*. Harper & Row, Publishers. New York, N.Y. 1962. 576 p.
15. Heidegger M. «Letter on Humanism», in *Basic Writings: Nine Key Essays, plus the Introduction to Being and Time*, trans. David Farrell Krell (London, Routledge; 1978), 208 p.
16. Thomas R.F. *Existentialism: A Very Short Introduction* (Oxford University Press), 2006. 848 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Силенин Иван Александрович, аспирант кафедры философии
Курский государственный университет
ул. Радищева, 33, г. Курск, Курская область, 305041, Россий-
ская Федерация
serazazell@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Silenin Ivan Aleksandrovich, Postgraduate Student of the Department
of Philosophy
Kursk State University
33, Radisheva Str., Kursk, Kurskaya oblast, 305041, Russian
Federation
serazazell@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-122-137

УДК 101.1

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН

Тугаров А.Б., Шевцова Э.А.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях современной социальной жизни теме превенции. Предметом анализа выступают онтологические и гносеологические характеристики феномена социальной превенции. Авторы ставят своей целью раскрыть содержание идеи социальной превенции в качестве феномена социально-философского знания.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют компаративный метод, индуктивные методы установления причинной связи социальных явлений (метод сходства, метод различия и метод сопутствующих изменений), а также феноменологический принцип социального конструирования реальности.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы эксплицируют сущность социальной превенции как следствие развития конкретных видов социальной практики в современном обществе. Авторы делают предположение о возможности формирования общей философской теории социальной превенции на методологической основе феноменологии.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения социально-философских проблем социокультурного моделирования и социально-политического проектирования.

Ключевые слова: социальное познание; человек; общество; социальное государство; социальная практика; социальная превенция.

THE SOCIAL PREVENTION IDEA AS A PHILOSOPHICAL PHENOMENON

Tugarov A.B., Shevtsova E.A.

Purpose. The article is devoted to the topical in modern social reality theme of prevention. The subject of analysis is the ontological and epistemological features of the social prevention phenomenon. The author aims to reveal the substance of the social prevention idea as the phenomenon of socio-philosophical knowledge.

Methodology. The basis of the research is the comparative method, the inductive methods of establishing a social phenomena causal link (the similarity method, the differences method and the method of concomitant changes) and the principle of the social construction of reality.

Results. The results of the study are that the authors explicate the essence of social prevention as a consequence of the specific types of social practice development. The authors suppose that the formation of a general philosophical theory of social prevention based on a phenomenological methodology is possible.

Practical implications. The results of the study can be applied in the scope of research of socio-cultural styling and socio-political planning as socio-philosophical problems.

Keywords: social cognition; man; society; social state; social praxis; social prevention.

Введение

Современное социально-гуманитарное научное и философское знание включает в своё содержание различные идеи, взгляды и подходы к пониманию как превенции в целом, так и социальной превенции в частности. Многие из этих идей восходят к убежде-

нию в том, социальное государство реализует компенсаторную, элективную и кумулятивную функции по отношению к отдельным категориям населения через систему социальных институтов и механизмов, обеспечивающих их материальное благополучие, социальную помощь им в трудной жизненной ситуации, социальную реабилитацию и адаптацию, компенсацию последствий негативных воздействий внешней среды и т.д. [11].

В свою очередь, мы исходим из того, что в социально-философском значении социальная помощь и защита населения предстают как система отношений, которые позволяют индивидам, находящимся под их воздействием, сохранять свои позиции, статусы и функции в обществе. Следовательно, к названным охранительным функциям социального государства следует добавить ещё одну – *превентивную*, как функцию либо политического, либо социального союза, а также как свойство любого объединения индивидов в современном обществе.

При таком понимании превенции система социальной помощи и защиты в современном обществе оказывается феноменом по содержанию значительно более широким, чем система государственной социальной политики, и включает в себя институализированные и неинституализированные общественные отношения, а также отдельные виды социальной практики, которые лежат за пределами государственных механизмов социальной профилактики, за пределами совокупности институтов социального государства [12].

1. Методология проблемы исследования

Нам представляется методологически значимым стремление исследователей разграничить понятия диагностики, превенции, коррекции и определить критерии взаимосвязи феноменов, отражаемых в данных понятиях. Научный интерес вызывает идея раз-

личать при рассмотрении процессов социальной помощи индивидам превенцию как предупреждение, а профилактику и интервенцию как преодоление социальной проблемы [4, с. 1454–1455].

Однако при исследовании философских проблем социальной профилактики нередко традиционно используется определение профилактики как научно обоснованных и своевременно предпринимаемых действий, направленных на *предотвращение* возможных физических, психологических или социокультурных коллизий у отдельных индивидов и групп риска; *сохранение, поддержание и защиту* нормального уровня жизни и здоровья людей; содействие им в достижении поставленных целей и раскрытие их внутренних потенциалов [2, с. 369].

Такой подход по сути отождествляет превенцию и профилактику как феномены общественной жизни и создаёт формально-логическое препятствие для разграничения их содержания как понятий социальной философии. Мы исходим из того, что разграничение в процессе теоретико-философского познания профилактики и превенции оказывается перспективным методологическим подходом, поскольку позволяет расширить понимание превенции в обществе до понимания здравого смысла как основания научного мировоззрения [3, с. 448–450].

Вместе с тем, подобное разграничение содержания названных философских феноменов не означает отказа от сложившихся подходов к теоретическому исследованию различных аспектов профилактической деятельности в социальной сфере современного общества, поскольку профилактика по содержанию и функциям оказывается составной частью превенции. Собственно превенция представляет собой целенаправленное социальное влияние на процессы и события общественной жизни, которые не характеризуются отклонением от социальной нормы.

Таким образом, социальная превенция выступает как предупреждение, своевременное устранение причин возможной социальной аномии, т.е. предупреждение возникновения социальных проблем; как деятельность, направленная на улучшение социального благополучия индивидов, на основе опыта организации и устройства общественной жизни, традиций поддержания социальной стабильности, соблюдения социальных норм и правил.

Что же касается социальной профилактики, то она понимается как деятельность, направленная на предупреждение развития имеющейся социальной аномии, обострения проявившихся социальных проблем, на предотвращение проявления рецидивов социальной напряжённости, нестабильности и конфликтности

Такой подход к разграничению превенции и профилактики определяет актуальность исследовательской задачи понимания идеи социальной превенции как философского феномена и определение её места в структуре социальной философии. Для решения этой задачи, в частности, требуется переход от традиционного для отечественных учёных рассмотрения научно-теоретических и философских аспектов проявления профилактической деятельности в конкретных видах социальной практики к раскрытию содержания философии социальной превенции [5; 6, с. 254].

При наличии общего теоретического основания исследования философия социальной превенции содержательно шире философского осмысления отдельных проблем социальной профилактики. Таким основанием становится принцип оказания социальной, психосоциальной и иной профессиональной помощи населению с учётом того обстоятельства, что помощь нуждающимся должна оказываться, исходя из их социального и физического статуса. Как результат, в современном социально-гуманитарном научном знании проявляется понимание того, что на этом же принципе должна

создаваться, функционировать и осуществляться система социальной профилактики как система потенциального социального развития личности [13, р. 30].

2. Концептуализация и теоретический анализ проблемы исследования

Социально-философская идея социальной превенции включает в себя знание концептуальных оснований исследования профилактической деятельности в широком контексте социальной практики. В свою очередь, к конкретным видам социальной практики как потенциальной основы социальной превенции в современном обществе относятся:

1. *Дополняющие* (по отношению к государственным мерам) виды социальной практики: гражданская активность членов локального сообщества, направленная на социокультурное развитие и интеграцию в сообщество конкретного индивида, прежде всего, ребёнка; осознанная и последовательная организация со стороны сообщества личного и социального пространства индивида: приобщение его к видам социальной активности, формирование адекватного социального окружения, мониторинг развития конкретной социальной ситуации, своевременная консультация со специалистами [15].

2. *Заменяющие* виды социальной практики: оказание членами локального сообщества материальной, социальной и психологической помощи в трудной жизненной ситуации; предоставление им временного убежища; инициация и организация изоляции членов семьи, совершающих, к примеру, насилие над ребёнком. Позитивные профилактические последствия таких мер определяются социокультурными характеристиками тех членов сообщества, которые стремятся защитить индивида от травмирующих свойств его личности и / или его окружения [14, р. 30].

3. *Альтернативные* виды социальной практики: самостоятельно предпринимаемые попытки помощи индивиду без обращения в соответствующие социальные службы; попытки самостоятельно воздействовать на неблагоприятное для индивида социальное окружение; обращение за помощью в общественные организации и к частным лицам.

Альтернативные виды социальной практики можно разделить на *репрессивные, компенсационно-охранительные и сбалансированные*. Все они основаны на установлении той или иной степени контроля над взаимоотношением индивида с его социальным окружением.

Репрессивные альтернативные действия заключаются в осуществлении постоянного контроля над поведением чаще всего ребёнка с применением жёстких мер вплоть до прямого насилия. Такие действия опасны возможностью травмирования психического и физического здоровья индивида, а при наличии социокультурных факторов семейного неблагополучия ребёнка сами становятся факторами его трудной жизненной ситуации [10, р. 8].

Компенсационно-охранительные альтернативные действия по преодолению детского неблагополучия внутри семьи заключаются в создании атмосферы полного принятия ребёнка членами семьи; в стремлении оберегать его от любых негативных эмоций, в том числе и обусловленных посещением школы, контактами с учителями. Такое поведение родителей может в лучшем случае временно купировать развитие девиантного поведения ребёнка, но в перспективе способно лишь усугубить ситуацию.

Позитивный эффект могут иметь только *сбалансированные* действия, когда, к примеру, члены семьи начинают последовательно заниматься воспитанием ребёнка, формированием его системы жизненных ценностей и социального окружения. Успешность таких действий во многом зависит от социокультурных характе-

ристик тех индивидов, которые эти действия осуществляют [7, с. 129–130].

Раскрывая философское содержание идеи социальной превенции, мы исходим из того, что потенциальной и актуальной основой социальной превенции как феномена современного общества оказываются, прежде всего, дополняющие и заменяющие виды социальной практики. Альтернативные виды социальной практики основой социальной превенции непосредственно не являются, формируя, тем не менее, общий социальный контекст осуществления конкретных направлений профилактической деятельности в социальной сфере современного общества.

Философско-теоретическое знание о социальной превенции имеет системный характер в том смысле, что является в значительной степени знанием о методах, которые направлены на преодоление или ослабление влияния источников социального и психологического «напряжения» как в самом индивиде, так и в окружающей его социокультурной среде, и одновременно на создание соответствующих условий для приобретения индивидом необходимого социального и жизненного опыта решения возникающих перед ним проблем.

3. Обсуждение результатов

Названные элементы содержания идеи социальной превенции предполагают как их конкретизацию, так и абстрагирование в рамках определённого методологического подхода. В свою очередь, выбор методологических парадигм связан с изучением возможностей каждой из них при исследовании вопросов организации и реализации, с одной стороны, отдельных направлений социально-профилактической деятельности, с другой стороны, социальной превенции в целом.

Социальная превенция может быть осмыслена как философский феномен с позиции позитивизма, поскольку позитивистская парадигма ориентирована на возможность в ходе философско-теоретического исследования достаточно точно зафиксировать любые социальные действия, имеющие отношение к превенции как социальному феномену, сопоставить их с другими социальными фактами, построить теоретические модели тех социальных структур, которые стоят за исследуемым социальным явлением.

В свою очередь, феноменология как методологическая парадигма исследования социальной превенции основана на доказательстве того, что в процессе социальной деятельности объектов и субъектов социальной превенции изменение их взглядов, мнений, а также новые идеи, появившиеся в процессе взаимодействия индивидов, влияют на изменение мира их повседневной социальной реальности.

Таким образом, феноменология убеждает философа в том, что сами процедуры познания создают для индивида новую социальную реальность, и феномен социальной превенции как объект философского осмысления никогда по содержанию не будет таким же, каким он предстал перед индивидом в начале изучения.

П. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на то, что человек в процессе повседневного познания создаёт («социально конструирует») окружающий мир, который и становится настоящим объектом его познания [1, с. 5]. Таким образом, конкретизированное научное социально-гуманитарное знание и обыденное, житейское знание следует воспринимать как равноправные объекты философского анализа проблем социальной превенции.

В этом случае научное знание о социальной практике и социальном государстве, сформированное на основе теоретических взглядов позитивизма и результатов эмпирических исследований учёных, оказывается не единственным отражением той «реаль-

ности» (П. Бергер, Т. Лукман), которая в свою очередь выступает детерминирующим фактором раскрытия содержания феномена социальной превенции.

Следовательно, с точки зрения феноменологии существует «до-теоретическая», в какой-то мере, квазитеоретическая *«реальность»* обыденной жизни людей, которая составляет в процессе познания основу повседневного социального знания. Именно это повседневное, обыденное метазнание о социальной превенции становится философским феноменом при реализации феноменологического подхода.

Феноменологическая парадигма исследования составляет основу определения места идеи о социальной превенции в системе социально-философского знания через понятийный анализ социальной превенции и социальной профилактики. Мы исходим из того, что в содержании понятий могут мыслиться либо признаки одной категории вещей, явлений действительности, либо признаки предметов других категорий, например категорий свойства, отношения и т.д.

В зависимости от наличия или отсутствия таких признаков, а также в зависимости от степени общности, понятия делятся на абсолютные и относительные [8, с. 34–35]. Поскольку каждое из относительных понятий имеет в своём содержании признак, фиксирующий отношение одного предмета к другому, а в содержании абсолютного (безотносительного) понятия такой признак отсутствует, то существует формально-логическое основание утверждать, что *«социальная превенция»* является абсолютным понятием, а *«социальная профилактика»* – относительным.

Такое разграничение предполагает преимущественное применение социальной профилактики как основного (общего) понятия частной социально-научной теории, к примеру, теории социальной работы или теории девиантного поведения, а социальной превенции как категории социальной философии.

Заключение

Раскрытие содержания идеи социальной превенции как философского феномена предполагает учёт того обстоятельства, что поскольку философия представляет собой системно-рационализированное мировоззрение, то системность определяет содержание философии, а рационализированность – её форму, её уровень [9, с. 7].

Это позволяет, с одной стороны, рассмотреть содержание социальной превенции *философско-исторически*, выявив хронологически последовательно наличие такого содержания в школах античной философии, философии Ренессанса, философии Просвещения, философии Нового времени, немецкой классической философии и русской философии.

С другой стороны, философский метод познания социальной действительности даёт возможность осмыслить проблемы социальной превенции *парадигмально*, находя рационализированную форму её содержания в рамках каждой из основных философских традиций, – классического идеализма, материалистического понимания истории, позитивизма, феноменологии, герменевтики и экзистенциализма.

Нами отмечено, что гипотетическая возможность формирования общей теории социальной превенции в значительной мере детерминируется выбором философской методологии исследования. Обоснованный отказ философа от попыток эклектически совместить позитивистские и феноменологические парадигмы в исследовании проблем социальной превенции позволяет увидеть гносеологическое преимущество феноменологической методологии.

Оно заключено в том, что феноменология даёт возможность в ходе рассмотрения содержания философской идеи социальной превенции, с одной стороны, обнаружить в повседневной социальной жизни людей рассогласование значений смысла их слов и дей-

ствий, остающееся трудноразличимым в рамках позитивистского подхода.

С другой стороны, феноменологическая методология позволяет «конструировать» социальное явление превенции, принимая во внимание то обстоятельство, что помимо социальной реальности, исследование которой в значительной мере детерминировано знаниями, убеждениями, индивидуальным жизненным опытом философа, существует собственная реальность, которая «является» индивиду как объекту социальной превенции, сформирована на основе как истории его жизни, так и содержания жизненного опыта, и становится предметом социально-философского осмысления.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. [Пер. с англ.] М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Блум М. Профилактика в социальной работе // Энциклопедия социальной работы: В 3 т. [Пер. с англ.] М.: ЦОЦ, 1993. Т.2. С. 369–375.
3. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия здравого смысла: Критика оснований разума. Кн. 2: Здравый смысл как основание науки. Ч. 1: Здравый смысл в основаниях философии, математики, естественных, технических, социальных и гуманитарных наук. М.: ЛЕНАНД, 2015. 672 с.
4. Давлетбаева З.К. Теоретические подходы к пониманию превенции и профилактики в контексте предупреждения асоциального поведения учащихся // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т.14. №2(6). С. 1451–1456.
5. Сургова С.Ю., Столярчук Н.В. Превенция – актуальное направление в профессиональной подготовке социальных работников // Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. 2015. №1.

6. Тугаров А.Б., Очкина А.В., Петряшкина У.О. Философия феминизма как общая методология исследования гендерных отношений // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 4 (48). С. 253–266. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-24.
7. Тугаров А.Б., Очкина А.В., Шевцова Э.А. Травматические практики внутрисемейного воспитания детей: синтез педагогики и социальной философии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 1(37). С. 124–134.
8. *Формальная логика: учебник*. [Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский]. Л.: Изд-во ЛГУ. 1977. 354 с.
9. Чанышев А.Н. *Курс лекций по древней философии: учебное пособие*. М.: Высшая школа. 1981. 374 с.
10. Brooks-Gunn J., Duncan G.J., Maritato N. Poor families, poor outcomes: The well-being of children and youth. In: Duncan G.J. and Brooks-Gunn J. (Eds.). *Consequences of growing up poor*. N. Y.: Russell Sage Foundation. (1997):1-17.
11. Burchardt T. Social exclusion: concepts and evidence. In: Gordon D. and Townsend P. (eds.). *Breadline Europe: The measurement of poverty*. (2000). Bristol: The Policy Press.
12. Murray H. Is School Education Breaking the Poverty Cycle for Children? Factors Shaping Education Inequalities in Ethiopia, India, Peru and Vietnam. Policy Paper, no 6. (2012). Oxford: Young Lives.
13. Sabates R. Dex Sh. Multiple risk factors in young children's development. CLS Cohort Studies. Working paper, no 1 (2012): 29–30. L.: Centre for Longitudinal Studies.
14. Tugarov A., Dudkin A. Socio-Cultural Determination of Adaptation of Children in Difficult Life Situations in Russia. *The New Social Worker* no 2. vol.18 (2011): 28–31.
15. Woodhead M., Streuli N. Early Education For All: Is There a Role for the Private Sector? In: P.Britto, P.Engle and C.Super (eds). *Handbook*

of Early Child Development: Translating Research to Global Policy (2013). N.Y: Oxford University Press.

References

1. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge] [Trans.from Engl]. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
2. Blum M. Profilaktika v sotsial'noy rabote [Prophylaxis in Social Work]. *Entsiklopediya sotsial'noy raboty* [Encyclopedia of Social Work]. in three volumes. [Trans.from Engl] Moscow: TsOTs. 1993. Vol.2, pp. 369–375.
3. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofiya zdravogo smysla: Kritika osnovaniy razuma. Kn. 2: Zdravyy smysl kak osnovaniye nauki. Ch. 1: Zdravyy smysl v osnovaniyakh filosofii, matematiki, estestvennykh, tekhnicheskikh, sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Philosophy of a Common Sense. Reason foundations criticism]. Moscow: LENAND. 2015. 672 p.
4. Davletbaeva Z.K. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu preventsii i profilaktiki v kontekste preduprezhdeniya asotsial'nogo povedeniya uchashchikhsya [Theoretical Approaches to Prevention and Prophylactic Treatment of Antisocial Behavior Among Students]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2012. Vol.14, №2(6), pp. 1451–1456.
5. Surgova S.Yu., Stolyarchuk N.V., Preventsiya – aktual'noye napravlenie v professional'noy podgotovke sotsial'nykh rabotnikov [Prevention as Relevant or Direction in Training of Social Workers]. *Studia Humanitatis. Mezhdunarodnyy elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Humanitarian disciplines. International electronic scientific journal]. 2015. №1.
6. Tugarov A.B., Ochkina A.V., Petryashkina U.O. Filosofiya feminizma kak obshchaya metodologiya issledovaniya gendernykh otnosheniy [The Feminist Philosophy As a General Methodology of Gender Studies]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of

- Social Problems]. 2015. № 4 (48), pp. 253–266. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-24.
7. Tugarov A.B., Ochkina A.V., Shevtsova E.A. Travmaticheskie praktiki vnutrisemeynogo vospitaniya detey: sintez pedagogiki i sotsial'noy filosofii [Traumatic Intra-family Child-raising Practices: Pedagogy and Social Philosophy Synthesis]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities. Pedagogy]. 2016. № 1(37), pp. 124–134.
 8. *Formal'naya logika* [Formal Logic]: the Textbook [Otv. red. I.Ya. Chupakhin, I.N. Brodskiy]. Leningrad: Izd-vo LGU. 1977. 354 p.
 9. Chanyshev A.N. *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [A Course of Lectures on Ancient Philosophy]: a Tutorial. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 374 p.
 10. Brooks-Gunn J., Duncan G.J., Maritato N. Poor families, poor outcomes: The well-being of children and youth. In: Duncan G.J. and Brooks-Gunn J. (Eds.). *Consequences of growing up poor*. N. Y.: Russell Sage Foundation. (1997):1–17.
 11. Burchardt T. Social exclusion: concepts and evidence. In: Gordon D. and Townsend P. (eds.). *Breadline Europe: The measurement of poverty*. (2000). Bristol: The Policy Press.
 12. Murray H. Is School Education Breaking the Poverty Cycle for Children? Factors Shaping Education Inequalities in Ethiopia, India, Peru and Vietnam. *Policy Paper*, no 6. (2012). Oxford: Young Lives.
 13. Sabates R. Dex Sh. Multiple risk factors in young children's development. *CLS Cohort Studies. Working paper*, no 1 (2012): 29–30. L.: Centre for Longitudinal Studies.
 14. Tugarov A., Dudkin A. Socio-Cultural Determination of Adaptation of Children in Difficult Life Situations in Russia. *The New Social Worker* no 2. vol.18 (2011): 28–31.
 15. Woodhead M., Streuli N. Early Education For All: Is There a Role for the Private Sector? In: P.Britto, P.Engle and C.Super (eds). *Handbook*

of Early Child Development: Translating Research to Global Policy (2013). N.Y: Oxford University Press.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Тугаров Александр Борисович, декан факультета педагогики, психологии и социальных наук, профессор, доктор философских наук

Пензенский государственный университет

ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Российская Федерация

fssr@bk.ru

Шевцова Элина Александровна, аспирант

Пензенский государственный университет

ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Российская Федерация

fssr@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tugarov Aleksandr Borisovich, Dean of the Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Sciences, Full Professor, Dr. in Philosophy

Penza State University

40, Krasnaya Str., Penza, Penza region, 440026, Russian Federation

fssr@bk.ru

Shevtsova Elina Aleksandrovna, Graduate Student

Penza State University

40, Krasnaya Str., Penza, Penza region, 440026, Russian Federation

fssr@bk.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-138-153

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА РИСКОВ

Чельюк О.Р., Фортунатов А.Н.

Цель. Проблема изучения рисков, начиная с конца XX века, превратилась в самостоятельный дискурс, став поводом для предсказаний социологов, экономистов и ученых из других областей общественных наук. Сложившиеся методы и подходы исследований рисков сами по себе выстроились в мощное здание «рискологии», которая всё дальше удаляется от человекообразного определения понятия «риск». Особенно явно это проявляется в экономике.

Метод или методология проведения работы. Целью исследования является переосмысление феномена «управления рисками» в современном обществе, используя не традиционные управленческие, но социально-философские методы исследования, в частности, основанные на традициях русской философской мысли. Риск или случай, в свете русской ментальности, является для человека благом: благодаря нему человек имеет возможность решать свои духовные задачи и тем самым расти, повышается его внутренняя самоорганизация, которая позволяет ему бороться с ежедневными вызовами внешней среды. Именно так трактуется риск в рамках синергетического подхода.

Результаты. Результатом исследования является обновлённая формулировка «безрискового общества», к которому устремлены умы идеологов потребительского общества: оно предстаёт в виде постоянно ускользающего фантома, на смену которому приходят

мрачные доктрины «управляемого хаоса». Так проявляется деонтологизация риска, которая, в конечном итоге, усиливает фундаментальные основы подстерегающих современное общество опасностей: их дегуманизированность и технологическую сущность.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований по тематике философии хозяйства и общества рисков.

Ключевые слова: энтропия; общество рисков; риски; синергетика; инновационная экономика.

RISK SOCIETY AS AN OBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Chepyuk O.R., Fortunatov A.N.

Purpose. Since the end of the XX century, the problem of studying the risks became an independent discourse, a cause for predictions of sociologists, politicians, economists and scientists from other areas of the social sciences. It established new research methods and approaches, which formed a powerful building, named “Risk studying”. At the same time “risk approach” devalued human-dimension methods, especially in the economy.

Methodology. The purpose of the study is a new look at the phenomenon of “risk management”, based on the classical humanitarian principles, in particular, the tradition of Russian philosophy. The risk or an accident, in the light of the Russian mentality, is a good for a person. Thanks to it, we are able to solve our spiritual tasks and thereby our mentality grows. It increases our internal self-organization, which helps us to deal with everyday challenges and external environment. Therefore, we treat the risk within a synergistic approach.

Results. The result of the study is an updated characteristic of «risk-free society», which directed the minds of the ideologues of the consumer society, appears as a constantly elusive phantom that comes to replace the gloomy doctrine of “controlled chaos”. The process of de-ontologization of risks ultimately strengthens the fundamentals of the dangers, which are technological and non-human by nature.

Practical implications. The results of the study can be used for re-search on the subject of philosophy of economy and risk society.

Keywords: *entropy; risk society; risks; synergy; innovation economy.*

В современных социальных доктринах довольно часто присутствует стремление низвести феномен риска до уровня потребительского инструмента, «альтернативного» бытовому комфорту, однако лишь подразумевающему, «оттеняющему» и утверждающему его. Экстремальность, рискОвость становятся неотъемлемыми атрибутами потребительской стихии, впрочем, здесь риск неявно подразумевает личную безопасность, превращаясь в оксюморон. Стремление избежать вопросов об онтологичности риска является вполне оправданным в контексте деонтологизации современной реальности. Ее безрисковость означает ее без(с)мысленность – внечеловечность. Мысль о риске упорядочивает реальность: она становится осмысленной и очеловеченной, ее горизонты расширяются ровно до тех пределов, какие человек ставит самому себе как человеку, как мыслящему и действующему существу. Риск сам по себе – один из многих сугубо человеческих жестов, подразумевающих попытку прорваться к бытию сквозь пелену несуществования.

В этой связи «иерархия рисков», возникшая в цивилизационной парадигме конца прошлого века, делает сама собой разумеющимся перенос акцентов с личной ответственности человека за его и

общественное развитие на глобальную (без)ответственность, где риск деперсонифицирован, а значит, деонтологизирован, лишен своей человеческой сущности. Обезличенность риска, превращение его в предмет исследований науки «рискологии», в конечном итоге лишь усиливает фундаментальные основы опасностей, которыми так пугают в последнее время человечество: их дегуманизованность и технологическую сущность.

Сфера человеческого бытия, чья аксиология в значительной степени базируется на избегании любыми способами ситуаций, когда наше «гарантированное и спокойное существование может быть нарушено» [5, с. 440], – это отчасти и есть современная экономика. Именно благодаря ее развитию изначальный, прометеевский риск был сведен к переживаниям биржевого брокера, заученно впадающего в дежурную истерику при изменении котировок. Экономика превратила феномен риска в предмет для спекуляций, причем его ценность растет гораздо более стремительно, чем произведения искусства или недвижимость. Непредсказуемость ценится в обществе упорядоченных смыслов.

Одной из альтернатив обезличиванию человека была идеология «устойчивого развития», предполагавшая потерявшему себя homo «выгодную» компенсацию этой потери. Научный азарт экономистов-теоретиков переводил онтологию рисков в область исключительно интеллектуальных усилий. Однако экономическая реальность не укладывается в уготованные ей схемы, и сегодня социологи признают, что у научно-технического прогресса есть обратная, иррациональная сторона: прогресс ведет к экспоненциальному росту новых рисков. Вернее, не «рисков» в их изначальном смысле, а «неудобных непредсказуемостей», которые ставят под сомнение целесообразность затрат на сложные экономические схемы, менеджерские обоснования избранных стратегий разви-

тия, человеческие ресурсы. Деятельность, направленная на борьбу с этими псевдо-рисками, порождает потребность в получении новых знаний, чтобы преодолеть вновь возникшие и порожденные человеческой деятельностью опасности, неопределенности и неясности. Страх становится фундаментом для новой экономической реальности: готовность принимать как данность нарастающие угрозы диктует Э. Гидденсу экзистенциальный лозунг: «сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враг» [5, с. 35]. Замкнутый круг подтверждается социологами, приходящими к убеждению, что источником рисков является не какая-то «другая», внешняя среда, а само общество. И деятельность этого «общества рисков» [1; 3], по сути, бесперспективна: она порождает «решения, также порождающие риски» [11, р. 23].

Обратим внимание на то, что неоднозначность социологического понимания самой возможности создания универсальной теории риска (или, скорее, невозможности таковой), обратно пропорциональна эйфории и энтузиазму экономистов и менеджеров, среди которых «риск-менеджмент» становится едва ли не эталонной моделью поведения. Требуется не столько социологическое, сколько философское понимание проблемы риска: именно философское осмысление ещё не завершено [6, с. 160].

Одна из причин настойчивости в онтологизации фантома состоит в сложившейся системе нормативного прогнозирования в экономике. Исследуются «возможные отклонения» как элементы нормы. Страхование, хеджирование, уклонение, таким образом, превращаются в субъективацию умозрительных моделей, когда человеку, погруженному в искусственную среду (объявленную тотальной и «самой главной» для современного общества), дается возможность создать самому себе иллюзию личного, человеческого акта (жеста) в связи с непоправимостью и детерминированно-

стью «рисковой модели» развития экономики (а по другой модели она и развиваться не может, поскольку другие модели и не рассматриваются). Аксиология риска заложена, таким образом, априори в такую модель, и человеку предлагается относиться к феномену риска только отрицательно, и никак иначе.

Простые вопросы: «что именно считать риском в сложной, самоорганизующейся системе», «возможно ли добиться абсолютной детерминации системы», и «что является первопричиной отклонений в ее развитии», однако, начинают вносить противоречия в экономические теории. Во всяком случае, стратегии «управляемого хаоса», распространяемые не только на область политического и социального, но и на экономику, демонстрируют недекларируемый пересмотр базовых принципов «рискового управления». Ведь в такой формулировке проблематика «общества рисков» приводит нас в область синергетического подхода и возможности его применения к социально-экономическим системам [10].

Если говорить о риске как о вероятности отклонения фактического результата от ожидаемого (именно так трактуется риск в большинстве современных концепций), то такое отклонение неизбежно в гармонично развивающихся живых системах, так как периоды детерминированного развития перемежаются с периодами хаоса. Более того, хаос выступает как некая «творческая сила» [4], способная создать новый порядок и способствующая самоорганизации системы на микроуровне.

В этом смысле детерминированные экономические (да и социально-политические) системы представляют собой поле для экспериментов в области «управляемого хаоса»: ведь став детерминированной и безрисковой, в понимании современного риск-менеджмента (то есть без отклонений от ожидаемых значений), социально-экономическая система, по законам синергетики, должна

обнаружить неустойчивость. Короче: детерминированная система проявляет низкую устойчивость к внешним воздействиям. Это можно сказать об образовательных системах. Проверкой на прочность можно назвать современный этап развития образовательных институтов, которым необходимо противостоять фундаментальным изменениям в воспроизводственных процессах.

Таким образом, с помощью синергетического подхода у современных экономистов появляется шанс выбраться за пределы прокрустового ложа «одномерных» рискованных моделей. Здесь мы наблюдаем участок временного процесса, отслеживаем, как изменяется социально-экономическая система под воздействием внешних факторов. Таким образом, совершается переход от точечного, как бы «плоского», двухмерного наблюдения за риском к его пространственному измерению, что переводит характеристику риска из оценочной плоскости в онтологическую, безусловную. В социально-экономической системе (бизнес, национальная экономика, общество, политическая система) нас интересует не оценка последствий однократно свершившегося действия, которое мы считаем «случайным», а устойчивость системы к окружающей жизни, в которой случайности неизбежны, так как они являются частью неумолимого хода истории. Эта «живучесть» общественной системы, если следовать синергетике, должна определяться ее способностями к самоорганизации.

Итак, почему же научные и модельно-теоретические достижения не могут быть рычагом управления рисками? Любое научное открытие создаёт точки бифуркации в системе, и как следствие – стимулирует переход к новым состояниям, что будет сопровождаться ростом неопределенности. Развитие атомной энергетики повысило интенсивность экономического развития, однако, оно же поставило перед обществом новые вопросы о последствиях чело-

веческого воздействия на окружающую природу. На смену риска энергетического дефицита пришли экологические риски. Открытие возможностей генно-модифицированной продукции для решения проблемы всемирного голода озаботило медиков, усматривающих в этом вред для здоровья. Повсеместное проникновение информационных технологий привело не только к новым возможностям в области образования (дистанционное обучение), управления, общения, но и создало агрессивную коммуникативную среду, негативное влияние которой на человека ещё только предстоит осознать. Добавим к этому нелицеприятный вердикт, вынесенный философами современным человеческим возможностям: «сегодня практически любое состояние человека, от физиологического до высокодуховного, сопряжено с необходимостью использования технических средств усиления воспринимающих/передающих свойств личности, то есть в конечном итоге сводится к коммуникации». Человек в этой изнурительной погоне за технологически обусловленными идеалами волей-неволей обречен на аутсайдерство, на одиночество, на проигрыш [8].

Попытки экономистов преодолеть онтологические законы привели к формированию ими специфически-буферного виртуального пространства, призванного «гарантировать» спокойствие и комфорт триумфаторов рискованного менеджмента. Создан рынок вторичных ценных бумаг, повсеместно внедряется практика хеджирования. Некоторое время это работало, но вскоре финансовые риски не только не уменьшились, но их воздействие многократно усилилось, так, в частности, новый рынок создал условия для роста спекуляций с ценами на финансовые активы. В то время как математически было доказано, что финансовые риски управляемы, повсеместное внедрение предложенной рациональной практики управления, вызывало неэффективное перемещение капитала.

Попытки побороть финансовые риски привели к оттоку капитала из реального сектора экономики и привели к виртуализации современного экономического пространства.

Более того, «точечный», рациональный подход к социальному, культурному и психологическому феномену риска не только может привести и, как закономерность, приводит к всплеску новых опасностей, он еще и не всегда выдает однозначные рецепты. Так, до сих пор в среде экономистов политические риски выглядят «всемогущими» на фоне предметно изученных и даже относительно управляемых финансовых рисков. Степень влияния политических рисков на эффективность бизнеса высока: политические риски составляют в среднем 40–50% доли от ставки дисконтирования любых инвестиционных проектов, реализуемых в России [9, с. 3]. При этом политические риски представляются экономистам по большей части непредсказуемыми и не управляемыми, так как они порождаются трудно прогнозируемыми событиями сложной социально-коммуникационной среды. В свою очередь, их последствия не могут быть полностью нейтрализованы с помощью существующих инструментов: от политических рисков невозможно уклониться, их нельзя застраховать, и тем более – хеджировать.

Политический акт, через который проявляется наступление рискового случая, в экономическом измерении представляется неизбежным. Бетховенское «так судьба стучится в дверь» начинает звучать как онтологический ритм, сотрясающий самые основы хрупкого здания экономических теорий, построенного на эфемерных представлениях о «стерильности», дегуманизированности риска. Например, если изменение налоговых ставок, принятое правительством, нельзя предсказать, то можно ли считать рост налогов риском для бизнеса? С точки зрения ценностного (стоимостного) подхода повышение налоговой ставки говорит о снижении степе-

ней свободы внутри национальной экономической системы: налоги являются инструментом перераспределения общественной стоимости. И риском следует считать не вероятность наступления такого события, а угрозу снижения устойчивости (живучести) экономической системы по отношению к воздействиям внешней среды (глобальной экономики). Как известно, в синергетике гармоничное (устойчивое) развитие системы возможно лишь при определенном сочетании порядка и хаоса.

Для самого бизнеса, если понимать под ним некую фирму (институциональную единицу, в конце концов, человека, индивидуального предпринимателя), изменение налогов, или процентной ставки, является не риском, а свершившимся актом колебаний «температуры» окружающей среды. Степень устойчивости бизнеса к таким колебаниям во многом зависит от его собственной «микроструктуры». Последствия такого влияния не могут быть количественно измерены и не поддаются изучению, так как зависят от неопределенно большого количества факторов, формирующих внутреннее устройство бизнеса. Изменение налоговой ставки может вызвать цепочку реакций, в результате которых можно будет наблюдать самоорганизацию бизнеса – например, диверсификацию товарных рынков. Здесь не идет речи о «риске», скорее, о нормальном, пусть и кризисном, но ровном функционировании системы.

Соответственно, синергетический подход позволяет заявить, что традиционные статистические инструменты не способны оценить последствие влияния законодательных инициатив на степень эффективности (устойчивости) бизнеса. Необходимо по-новому подойти к проблеме: вопрос не в том, как снизить риски, а как создать условия для появления бизнеса, который будет устойчив к любым внешним неопределенностям. Другими словами, негативная

аксиология, заложенная в традиционном «риск-менеджменте», как мировоззренческом принципе, охватившая значительную часть экономистов, должна, наконец, смениться позитивным, созидательным вектором, в котором устойчивое развитие не есть панацея или альтернатива опасностям, а наоборот, органично вбирает их в себя и успешно с ними справляется.

Мы приходим к выводу, что проблема управления рисками (которые мы сами себе придумали и создали) может осуществиться только при консенсусном решении и возвращении к исконно-человеческому пониманию рисков. Требуется комплексный взгляд, не исчерпывающийся точками зрения экономистов, социологов или политологов. Речь идёт не о локальной борьбе с отклонением от нормы, а созданием самоорганизующейся системы. При этом новая система угроз, о которой говорилось выше (теории управляемого хаоса) – это парадигмальный вызов привычным основам существования современного общества: неустойчивость системы может, как мы понимаем, свестись либо к хаосу, либо к новому порядку.

Привычные усилия современного общества направляются на рациональную борьбу с неизбежным и неопределённым, в то время как для их изучения надо перескочить в область гуманитарных подходов, где иррациональная компонента вполне оправданно занимает весьма важное место. Гуманитаристика, например, вполне безапелляционно ставит вопрос о том, что обеспеченность стабильного и «сытого» настоящего не решает духовные, глубинные проблемы человеческого бытия. Они иррациональны в технократически-линейном смысле, иногда не поддаются математическому описанию и потому так долго не попадали в поле изучения экономистов или даже социологов. Для заострения полемической проблемы скажем, что общественные науки сегодня действуют в

традициях ньютоновской физики, в то время как вызовы современности требуют новой, философско-социологической «теории относительности».

Детерминированность рискованного менеджмента легко объясняется элементарной попыткой «колонизации будущего», как назвал борьбу с рисками Э. Гидденс [5, с. 39]. Рисковый менеджмент оперирует подразумеваемыми опасностями (которые могут проявиться в будущем), но так, будто они переживаются «здесь и сейчас». Мы словно пребываем в «нирване» бытового бессмертия, действуя, рассуждая, переживая по поводу будущего. Неизбежность смерти умалчивается, или затрагивается вскользь, что, в общем, характерно для всей постмодернистской философии («смерть автора» как апофеоз всеобщего, ликующего, веселого бессмертия). Эта мысль хорошо сформулирована Эмилем Золя: «Мы больше не верим в бога, но зато верим в собственное бессмертие!» [7]. Возвращение к изначальной онтологии, очевидно, должно повлечь за собой и пересмотр идеологических доктрин, связанных с имплицитным постмодернистским поиском «утраченного рая». Так, высшим приоритетом «безрисковости» является стабильное потребление и удовлетворение «нарастающих потребностей». Сам факт их «нарастания», кстати, говорит о насущной потребности в риске, на которую упорно не хотят обращать внимания идеологи потребления. Синергетический подход подсказывает, что нужно не обеспечивать определенность, а выращивать умные и устойчивые общественные системы.

«Объективно в мировой жизни царит бессмысленность, но дух призван вносить в нее смысл», – подчеркивал Н. Бердяев [2, с. 414]. Один из путей перестановки экономики (вместе с политической и социальным управлением) с головы на ноги – это обращение к внутреннему миру конкретного человека, личности, чей дух со-

размерен с культурой и самосознанием общества. Духовный рост, самосовершенствование становятся реальной потребностью всего общества для его же собственного выживания. В этой картине риск или случай, в строгом соответствии с традициями русской философии, также является для человека благом: благодаря нему человек имеет возможность решать свои духовные задачи, духовно расти, то есть, повышается его внутренняя самоорганизация, которая позволит ему бороться с ежедневными вызовами внешней среды. Речь, стало быть, идет не о том, чтобы во внешнем мире не было рисков и случайностей, а в том, чтобы сам человек был готов к этим вызовам. То же самое мы можем заключить и об общественных системах, и о национальной экономике и современном информационном обществе.

Список литературы

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // *Theory, Culture and Society*. 1992. Т. 9. № 1. С. 97–123.
2. Бердяев Н. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Бехманн Г. *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний* / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. М.: Логос, 2010. 248 с.
4. Бранский В.П. *Социальная синергетика как постмодернистская философия истории* // *Общественные науки и современность*. 1999. №. 6. С. 117–127.
5. Гидденс Э. *Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Изд-во «Весь мир». 2004. 120 с.
6. Дорожкин А.М., Григорьева Н.Е. *Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность* // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 1(47). С. 103–110.

- родского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3. С. 150–161.
7. Золя Э. Творчество. Собрание сочинений в 18 томах. Том 11. М.: «Правда», 1957. 486 с.
 8. Фортунатов А.Н. Коммуникация и одиночество. Опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1(2). С. 464–467.
 9. Чепьюк О.Р., Гинзбург М.Ю., Митин Д.В. Политическая неопределенность как фактор экономического риска: региональные перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2014. №32 (359). С. 2–12.
 10. Чепьюк О.Р. Энтропия как мерило экономического развития / О.Р. Чепьюк // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №6. С. 64–70.
 11. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 236 p.

References

1. Beck U. Ot industrialnogo obshestva k obshestvu riska [From Industrial Society to the Risk Society]. *Teoria, cultura i obshestvo* [Theory, Culture and Society]. 1992. Vol. 9. №1, pp. 97–123.
2. Berdyaev N. *Filosofia svobodnogo duha* [Freedom and the Spirit]. М.: Respublika, 1994. 480 p.
3. Bekhmann G. *Sovremennoe obshestvo: obshestvo riska, infomacionnoe obshestvo, obshestvo znaniy* [Modern society: a society of risk, information society, knowledge society]. М.: Logos, 2010. 248 p.
4. Branskiy V.P. Socialnaya sinergetika kak postmodernistskaya filosofia istorii [Social synergy as a postmodern philosophy of history]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and present days]. 1999. №. 6, pp.117–127.

5. Giddens A. Uskolzaushiy mir: kak globalizatsiya menyaet nash mir [Run-away world: How globalization is reshaping our lives]. *Ves mir* [The all world]. M. 2004. 30 p.
6. Dorozhkin A.M., Grigoryeva N.E. Risk v sotcialnom prostranstve: istoricheskaya retrospektiva i sovremennost [The risk in the social space: a historical retrospective and the present]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seria sotcialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social sciences], 2008. №3, pp. 150–161.
7. Zola E. *Tvorchstvo. Sobranie sochneniy v 18 tomah* [Oeuvre. Collected Works in 18 volumes]. Vol. 11. M.: Pravda, 1957. 486 p.
8. Fortunatov A.N. Svyaz' i odinochestvo. Opyt dialekticheskoy analiza [Communication and loneliness. Experience dialectical analysis]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2014. № 1(2), pp. 464–467.
9. Chepyuk O.R., Ginzburg M.U., Mitin D.V. Politicheskaya neopredelennost' kak faktor ekonomicheskogo riska : regional'nyye perspektivy [The political uncertainty as a factor of economic risk: regional perspectives]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2014. №32 (359), pp. 2–12.
10. Chepyuk O.R. Entropiya kak merilo ekonomicheskogo razvitiya [Entropy as a measure of economic development]. *Gumanitarnyye, sotcialno-ekonomicheskie i sotcialnyye nauki* [Humanitarian, social-economic and social sciences]. 2014. №6, pp. 64–70.
11. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 236 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Чепьюк Ольга Ростиславовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и предпринимательства

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
просп. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская обл., 603000, Российская Федерация
cheryuk@gmail.com

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор Института международных отношений и мировой истории

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
просп. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская обл., 603000, Российская Федерация
anfort1@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Chepyuk Olga Rostislavovna, PhD, Assistant Professor of the Finance and Credit Chair, Institute of Economics and Entrepreneurship

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
23, Gagarin pr., Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya obl., 603022, Russian Federation
chepyuk@gmail.com

Fortunatov Anton Nikolaevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Institute of International Relations and World History

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
23, Gagarin pr., Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya obl., 603022, Russian Federation
anfort1@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-154-161

УДК 811.161.1: 616.21

МОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО (МЕДИЦИНСКОГО) ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ)

Аксенова Е.Д., Мирзоева В.М., Мирзоева Е.З.

В данной статье представлен авторский взгляд на категорию модальности в научном (медицинском) тексте. В центре внимания работы находится системное представление средств выражения модальности в аспекте прагматики текста. Использование методов научного описания, наблюдения и статистического анализа позволило получить достоверную информацию о степени распределения и семантики модальных средств в научном (медицинском) тексте. Результаты работы важны в педагогической практике: обучении иностранных студентов-медиков языку специальности.

Ключевые слова: *категория модальности; средства выражения; лингвистический анализ; функционально-стилистическая принадлежность текста; оториноларингология.*

MODALITY OF SCIENTIFIC (MEDICAL) TEXT (AS BASED ON THE OTORHINOLARYNGOLOGICAL TEXTS)

Axenova E.D., Mirzoeva V.M., Mirzoeva E.Z.

This article presents the author's view on the category of modality in the scientific (medical) text. The systematic presentation of modal-

ity expression means in the aspect of pragmatics of the text is in the center of attention. Utilization of methods of scientific description, observation and statistic analysis allows to receive reliable information about the degree of distribution and of the semantics of modal means in the scientific (medical) text. The working results are important in the pedagogical practice: the education of foreign students-doctors in the language of specialization.

Keywords: *modality; means of expression; linguistic analysis; functional and stylistic characteristic of the text; otorhinolaryngology.*

Категория модальности остается объектом активного изучения различных отраслей гуманитарного знания. Многоаспектное исследование различных уровней и фрагментов данной категории, сопровождаемое привлечением функционально-семантических, логических, коммуникативно-прагматических параметров, несомненно, способствует расширению научных представлений о природе данного феномена. То, что степень распределения модальных средств, их состав и семантика варьируются в зависимости от функциональной сферы и жанрово-стилистической принадлежности текста, является общепризнанным фактом (Ш. Балли, В.В. Виноградов, М.В. Ляпон). Для системного представления средств выражения модальности в научном тексте, на наш взгляд, перспективен подход, предполагающий выделение в концептосфере языка зоны возможности с последующей дифференциацией онтологической и эпистемической возможности. Выражения «можно», «могут быть», «иметь возможность» и другие указывают на потенциальность, а вводные слова и сочетания «возможно», «быть может» и другие на проблематичность ситуации. Другими словами, «в семантике вводно-модальных компонентов возможно, кажется, вероятно при экспликации смысловых

отношений проявляется оттенок неопределенности/неизвестности. Ощущение неопределенности, вызывающее одновременно неуверенность в достоверности сообщаемого, безусловно, передается и читающему» [1, с. 270]. Следует отметить, что назначение последних прагматическое, заключающееся в формулировании речевого акта гипотезы.

В научных текстах медицинского профиля, в частности оториноларингологии, приоритетное положение по частотности занимают показатели онтологической возможности, наиболее подчеркнута представляющие семантику потенциальности. В каждом конкретном высказывании речь идет о наличии условий, благоприятных для превращения потенциальной ситуации в действительную, причем эти условия могут складываться в объективном мире как результат действия либо природных, либо социальных сил. Именно это служит основой для семантической дифференциации алетической модальности, связанной с объективными потенциями реального мира, и деонтологической модальности, обусловленной нормами поведения в социосфере.

Но в учебно-научных медицинских текстах преобладают показатели недеонтологической модальности, что соответствует научной картине мира: чаще всего описываются фрагменты физических состояний, обязательность/возможность связи которых с действительностью детерминируется не социальными нормами, а существующими знаниями врача об этиологии, патогенезе, профилактике и лечении того или иного заболевания. Эти знания объясняют как устойчивые, предсказуемые закономерности существования и развития болезни, например: 1. при локализации различных опухолеподобных образований гортани определяющим фактором в эффективности лечения является ранняя диагностика (В.Т. Пальчун, М.М. Магомедов, Л.А. Лучихин); 2. при

несостоятельности задней тампонады при носовом кровотечении перевязывается наружная сонная артерия (там же); 3. при остром среднем отите у детей заболевание проходит те же стадии, что и у взрослых (там же), так и вероятностные, не всегда подвластные человеку (врачу): при воспалительном процессе в среднем ухе довольно часто развивается нейросенсорная тугоухость (там же); при бесконтрольном приеме антикоагулянтов возможно носовое кровотечение (там же); при неблагоприятном течении острого эпиглотита может развиться угрожающая жизни обструкция верхних дыхательных путей (Н.А. Дайхес, В.П. Быкова, А.Б. Пономарев, Х.Ш. Давудов); при клинической картине наружного отита может присутствовать субъективное снижение слуха (В.Т. Пальчун, М.М. Магомедов, Л.А. Лучихин); заболевания зубов, языка, небных миндалин и гортани могут быть причиной рефлекторной боли в ухе (там же).

В качестве показателей потенциальной модальности выступают модально-связочные лексемы (модификаторы), употребляемые при предикате. В представленных текстах оториноларингологии употребляются предикаты «мочь» (может, могут), «способен», «возможен». Модифицируя схему предложения, эти лексемы вносят в предложение регулярные дополнительные значения, указывающие на поворот течения болезни от ирреальности к реальности. Сочетания квалификатора «мочь» характеризуются семантической диффузностью, что делает интерпретацию его употреблений максимально зависимой от контекста. Каждое из частных модальных значений возможности обнаруживает себя в определенной синтагматической среде и зависит от семантики субъекта и базового предиката. Важным фактором является наличие в модальном высказывании детерминантов, указывающих на объективность условия, детерминирующего ситуацию.

В научном (медицинском) тексте реализуется различный спектр значений возможности. Наиболее частотны примеры, в которых представлена ситуация, потенциальная в настоящий момент, но имеющая предпосылки для того, чтобы стать фактической. Формы будущего времени определяют специфику выражаемого значения. Приведем примеры:

1. длительное напряжение голосовых связок, курение могут способствовать развитию хронического ларингита (Н.А. Дайхес, В.П. Быкова, А.Б. Пономарев, Х.Ш. Давудов); к нарушению нормального кровоснабжения слизистой оболочки глотки может приводить нерациональное постоянное использование сосудосуживающих капель (В.Т. Пальчун, М.М. Магомедов, Л.А. Лучихин); высокий пирсинг уха может осложниться развитием перихондрита ушной раковины (там же); нерационально проведенная терапия экссудативного отита может оказаться причиной возникновения адгезивного среднего отита (там же).

Возможность в языке немислима без осуществления альтернативы, которая в научной речи чаще всего эксплицирована. Например: при остром гнойном верхнечелюстном синусите при передней риноскопии в среднем носовом ходе может визуализироваться «полоска гноя» со стороны поражения, но может и отсутствовать из-за блока естественного соустья (там же); при болезни Меньера в большинстве случаев эффективно консервативное лечение, которое заметно облегчает состояние больного, а при частых и тяжелых приступах в течение нескольких месяцев оправданными могут быть и инвазивные методы лечения (там же).

Таким образом, модальный профиль глагола «мочь» всякий раз определяется пропозициональным содержанием высказывания. Лингвистический и смысловой анализ модальных средств в науч-

ном (медицинском) тексте приобретает важное значение для иностранных специалистов в сфере профессионального обучения.

Список литературы

1. Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А., Мирзоева В.М. Метатекстовые свойства вводно-модальных связующих средств на материале научных (медицинских) текстов // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 8. Том 1(47). С. 266–272.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. [Пер. с франц.] М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
4. Клиническая патология гортани (руководство-атлас для последипломного обучения специалистов научных, лечебных и учебных медицинских учреждений) / Дайхес Н.А., Быкова В.П., Пономарев А.Б., Давудов Х.Ш. М.: Медицинское информационное агентство, 2009. 156 с.
5. Ляпон М.В. Грамматика самооценки // Русский язык. Проблемы грамматики, семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения. XIX–XX. М.: Наука, 1992. 128 с.
6. Пальчун В.Т., Магомедов М.М., Лучихин Л.А. Оториноларингология (Учебник для вузов). 2-е издание, исправленное и дополненное М.: «ГЭОТАР-Медиа», 2008. 656 с.

References

1. Aksenova E.D., Kuznecova A.A., Mirzoeva V.M. Metatekstovye svojstva vvodno-modal'nyh svjazujushhih sredstv na materiale nauchnyh (medicinskih) tekstov [Metatext properties of introductory-modal linking means as based on scientific (medical) texts]. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*. 2014. № 8. V. 1(47). S. 266–272.

2. Balli Sh. *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka* [General linguistics and issues of the French language]. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.
3. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke [Concerning the category of modality and modal words in the Russian language]. *Issledovanija po russkoj grammatike: izbrannye Trudy* [Research on Russian grammar: selected works]. M.: Nauka, 1975. S. 53–87.
4. Dajhes N.A., Bykova V.P., Ponomarev A.B., Davudov H.Sh. *Klinicheskaja patologija gortani (rukovodstvo-atlas dlja posle diplomnogo obuchenija specialistov nauchnyh, leчебnyh i uchebnyh medicinskih uchrezhdenij)* [Clinical pathology of the larynx (atlas guide for post-graduate education at scientific, medical and academic institutions)]. M.: Medicinskoe informacionnoe agentstvo, 2009. 156 p.
5. Ljapon M.V. Grammatika samoocenki [Self-esteem grammar]. *Russkij jazyk. Problemy grammatiki, semantiki i ocenochnye faktory v jazyke. Vinogradovskie chtenija. XIX–XX* [Russian language. Grammar Problems, semantics and value factors in the language. Vinogradov Readings. XIX–XX]. M.: Nauka, 1992. 128 p.
6. Pal'chun V.T., Magomedov M.M., Luchihin L.A. *Otorinolaringologija (Uchebnik dlja vuzov)* [Otorhinolaryngology (Course textbook)]. M.: «GJeOTAR-Media», 2008. 656 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Аксенова Екатерина Дмитриевна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент
Тверской государственной медицинский университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
katrintver@mail.ru

Мирзоева Валентина Михайловна, заведующая кафедрой русского языка, кандидат филологических наук, доцент
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
ruslang@tvergma.ru

Мирзоева Евгения Залимовна, ассистент кафедры оториноларингологии, кандидат медицинских наук
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
mez4083@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Axenova Ekaterina Dmitrievna, Senior lecturer of the Chair of Russian Language, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
katrintver@mail.ru

Mirzoeva Valentina Mikhaylovna, Head of the Chair of Russian Language, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
ruslang@tvergma.ru

Mirzoeva Evgeniya Zalimovna, Assistant of the Chair of Otorinolaryngology, Candidate of Medical Sciences
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
mez4083@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-162-173

УДК 81'255.222.118

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
У. ШЕКСПИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ТРАГЕДИИ
«ГАМЛЕТ» НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫКИ)**

Бизикоева Л.С., Дерябина М.Ю.

В статье рассматривается проблема перевода метафор. Авторы анализируют семантическую структуру и способы перевода метафор в произведениях У. Шекспира на русский и осетинский языки. Метафоры рассматриваются в контексте семантической структуры, предложенной С.М. Мезениным. Освещаются различные способы перевода метафор, а именно: полный перевод, замены на уровне лексического, морфологического и синтаксического оформления, добавление / опущение лексических единиц, оформляющих образ.

***Ключевые слова:** метафора; шекспировская метафора; конвенциональная метафора; креативная метафора; способ перевода; стилистические средства языка; адекватный перевод.*

**PROBLEMS OF TRANSLATION
METAPHORS IN SHAKESPEARE'S TRAGEDIES
(BASED ON THE TRANSLATIONS OF «HAMLET»
INTO THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES)**

Bizikoeva L.S., Deryabina M.Y.

The article deals with the problems translators might come across while translating metaphors. The author analyses semantic structure

and the ways translators employ while translating metaphors in Shakespeare's tragedy "Hamlet" from English into the Russian and Ossetian languages. Metaphors are considered in the context of their semantic structure, suggested by S.M. Mezenin. Merits of various ways of translating metaphors such as full translation, translation with lexical and morphological substitutions, as well as syntactical additions and omissions are considered.

Keywords: *metaphor; Shakespeare's metaphor; conventional metaphor; creative metaphor; means of translation; stylistic means of the language; adequate translation.*

В свое время известный русский литературный критик В.Г. Белинский писал: «Каждая драма Шекспира представляет собою целый, отдельный мир, имеющий свой центр, свое солнце, около которого обращаются планеты с их спутниками» [1, с. 288]. У Шекспира был первым драматургом, раскрывшим многосложность характеров своих героев, сочетание в них совершенно противоречивых качеств. Он обогатил жанр трагедии, соединив в нем трагическое начало с комическим, придав своим произведениям жизненность.

Язык героев Шекспира передает все оттенки их чувств и эмоций. Гамлет, Отелло и другие герои произносят монологи, в которых осмысливают свою жизнь и внешний мир. Метафоричность дает Шекспиру возможность представлять мир в неожиданных эмоционально-поэтических ракурсах и тем самым раскрывать суть вещей, отношений, чувств.

Наиболее фундаментальным исследованием метафор У. Шекспира считается книга литературного критика Кэролайн Сперджен «Shakespeare's Imagery and What It Tells Us» (Шекспировская образность и о чем она говорит нам), опубликованная ею в 1935 г. Не обошли своим вниманием этой темы и отечественные исследо-

ватели У. Шекспира. Особого внимания заслуживает работа М.М. Морозова «Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц».

Для анализа перевода шекспировских метафор мы выбрали трагедию «Гамлет», по праву считающуюся величайшей трагедией У. Шекспира. Гамлет – одна из самых загадочных фигур мировой литературы. Вот уже несколько столетий писатели, критики, ученые пытаются разгадать загадку этого образа, ответить на вопрос, почему Гамлет, узнав в начале трагедии правду об убийстве отца, откладывает месть и в конце пьесы убивает короля почти случайно.

Впервые эта трагическая история была рассказана в исландской хронике XII века. Исследователи предполагают, что У. Шекспир позаимствовал сюжет для «Гамлета» у датского летописца Саксона Грамматика, автора «Истории датчан». По сюжету у феодала Хорвендила была жена Герута и сын Амлет. Брат Хорвендила, Фенго, с которым он делил власть над Ютландией, завидовал его отваге и славе. На глазах придворных Фенго убил Хорвендила и женился на его вдове. Амлет притворился сумасшедшим, обманул всех и отомстил дяде. Еще до того он был сослан в Англию за убийство одного из придворных, там женился на английской принцессе. Впоследствии Амлет был убит в бою другим своим дядей, королем Дании Виглетом. Нет никакого сомнения, что речь идет об одном и том же сюжете, однако трагедия У. Шекспира разворачивается в Дании только по названию; ее проблематика выходит за рамки трагедии, а типы характеров сильно отличаются от традиционных средневековых героев.

Возвращаясь к объекту нашего исследования, заметим, что, метафоры в «Гамлете» в подавляющем большинстве просты и понятны. Они выполняют несколько задач; во-первых, помогают понять характер главных персонажей и мотивы их поведения, во-вторых, передают психологическое состояние героев в тот или иной момент,

и, наконец, именно посредством метафор выражены особенно опасные во времена У. Шекспира философские и политические идеи.

Перевод метафор всегда считался делом непростым, а метафор У. Шекспира тем более сложным. В теории перевода стилистических средств языка существует так называемый «закон сохранения метафоры», основанный на положении стилистики о том, что слова, которые используются в тропах, должны сочетаться друг с другом и в их прямом значении [2]. Если учитывать тот факт, что метафора у Шекспира это не только орнаментальный прием [3, с. 143], что она несет в себе совершенно новый смысл, то переводчик, даже самый профессиональный, неизбежно столкнется с проблемами. Так, например, проблема культурологической специфики почти всегда приводит к семантической недостаточности и даже деформации текста оригинала. Другая проблема возникает, если метафорический образ опирается на реалии, о которых читатель имеет самое смутное представление, например алхимия, и, соответственно, метафоры, тематически с ней связанные.

Известно, что разные языковые сообщества воспринимают мир по-разному, вследствие чего все составляющие языка, в том числе и метафоры, неизбежно несут в себе специфические национальные, культурные и социальные коды [2]. Степень и возможность переводимости метафоры напрямую зависят от ряда факторов, как то культурного опыта переводчика, его способности уловить суть метафоры, от семантических ассоциаций, присущих данной метафоре, от ее возможности быть воспроизведенной в языке перевода без изменения структуры. В переводоведении различают конвенциональные или общеупотребительные метафоры и креативные или авторские метафоры [4, с. 115–116]. Конвенциональные метафоры используются в речи носителей языка настолько часто, что иногда превращаются в устойчивые выражения. Что касается

креативных метафор, то они являют собой отражение авторского стиля, отличаются оригинальностью, новизной, тесной связью с контекстом. Для того чтобы осуществить адекватный перевод метафор в произведениях У. Шекспира, которые в большинстве случаев являются креативными, переводчик должен решить задачу «выбора оптимального переводческого принципа», который позволит найти естественные, адекватные лексические сочетания в ПЯ и не привнесет в смысл метафоры новых ассоциаций [2]. С точки зрения наличия или отсутствия семантических и структурных преобразований, при переводе художественной метафоры с английского языка на русский М.А. Куниловская и Н.В. Короводина выделяют следующие приемы сохранения авторской метафоры:

- 1) полный перевод, при котором в переводе сохраняется семантика и структура метафоры. При этом лексические значения русского и английского словосочетаний имеют одинаковый семный состав и вызывают одинаковые ассоциации у представителей двух языков, что позволяет использовать их в качестве соответствий друг другу;
- 2) замена на уровне лексического оформления, т.е. использование слов с другим семным составом, но схожим смыслом в рамках данного контекста;
- 3) замена на уровне морфологического оформления, т.е. использование слов, имеющих схожее лексическое значение, но относящихся к другому лексико-грамматическому классу или имеющих другие грамматические значения;
- 4) замена на уровне синтаксического оформления, т.е. изменение синтаксического типа предложения, связанное с переводом метафоры;
- 5) добавление / опущение лексических единиц, оформляющих образ. Один и тот же образ в двух языках может выразить-

ся с большей или меньшей степенью экспликации, что приводит к необходимости добавлять или опускать слова, создающие его. Исследователи отмечают, что при переводе на русский язык преобладают добавления, что согласуется с представлением о том, что русский язык более эксплицитен, чем английский [5].

Исследуя образы У. Шекспира, С.М. Мезенин выделил 20 семантических моделей образного сравнения, идентичных метафоре: «человек – человек», «человек – вещество», «абстрактное – человек», «абстрактное – абстрактное» и др. [7, с. 28]. Из всех выделенных С.М. Мезениным моделей нас привлекла семантическая модель «абстрактное – человек». Именно эта модель, как установила в своей работе «Образы Шекспира и что они говорят» Кэролайн Сперджен, является одной из основных, на которых основаны многие метафорические образы Шекспира [12].

Обратимся к анализу примеров:

В первой сцене первого акта, Горацио обращается к Марцеллу со словами:

Horatio:

The cock, that is *the trumpet to the morn*,
Doth with his lofty and shrill-sounding throat
Awake *the god of day* [8, с. 63].

Горацио:

Петух, *трубач зари*, своею глоткой
Пронзительно будит ото сна
Дневного бога [9, с. 364].

Как видно в переводе Б. Пастернака сохранена не только семантическая, но и морфологическая структура метафоры. Совсем иную картину наблюдаем в переводе Г. Плиева.

Горацы:

Хъæлæсджын уасæг – *боны бардуаг* – *хуры*

Фæкæны хъал [10, с. 265].

(букв. *Голосистый петух* – *утренний крикун* – *будит солнце*)

Осетинский переводчик не только полностью нарушает структуру метафоры, но и не переводит ее. Образ петуха *трубача зари* передается словосочетанием *утренний крикун* (*бардуаг* – существительное, образованное от глагола *бардиаг кæнын* – вопить, голосить), а образ солнца – *дневного бога* переводится собственно лексемой «солнце».

В следующем примере наблюдаем развернутую метафору:

Horatio:

A mote it is to trouble the mind's eye.

In the most high and palmy state of Rome,

A little ere the mightiest Julius fell,

The graves stood tenantless and the sheeted dead

Did squeak and gibber in the Roman streets

As *stars with trains of fire and dews of blood*,

Disasters in the sun, and *the moist star*

Upon whose influence Neptune's empire stands

Was sick almost to doomsday with eclipse [8, с. 63].

Горацио:

Он как сучок в глазу души моей.

Порой расцвета Рима, в дни побед,

Пред тем как властный Юлий пал, могилы

Стояли без жильцов, а мертвецы

На улицах невянтницу мололи.

В огне комет кровавилась роса,

Являлись пятна в солнце; влажный месяц,

На чьем влиянье зиждет власть Нептун,

Был болен тьмой, как в светопреставленьи [9, с. 363].

Сохраняя семантическую и морфологическую структуру метафоры, Б. Пастернак передает, свойственным только ему, поэтическим языком, характерную для У. Шекспира стремительную динамику действия [6]. Его перевод близок к оригиналу, метафорические образы точны в языковом выражении.

Что же касается перевода, выполненного Г. Плиевым, очевидно, что ему не удается воспроизвести художественное богатство и стилистическое многообразие великого трагика.

Гораци:

Маэ зæрдæйы ныссагъд къарол сындзау.

Куы ма уыд Рим уæлахиз æмæ фидар,

Уæд Цезæры мæлæты рамæ бон

Ысафтид ысты ингæнтæ, уæд мæрдтæ

Дзынæзтой уынгты, тасдзинад æфтыдтой,

Туг уарыд, *хаудтой стъалытæ*, фæзынд

Тæппытæ хурыл, *мæй фæцыдæр арвыл*

Æмæ ныттар, цыма хъаймæт æрцыд [10, с. 263].

(букв. *На улицах лилась кровь, падали звезды, на солнце появились пятна, месяц потемнел и скрылся с небосклона, словно настал потоп*).

К сожалению, сложная метафорическая многообразность шекспировской поэтики, не находит своего отражения в переводе на осетинский язык. Образ «комет» (*stars with trains of fire*) заменен лексемой «звезды», точно также как «месяц» заменяет образ Луны (*the moist star upon whose influence Neptune's empire stands*).

Культурологическая специфика почти всегда приводит к семантической недостаточности и даже деформации текста оригинала. Как тут не согласиться с высказыванием Т.Л. Щепкиной-Ку-

перник о переводах Шекспира: «Как бы не были удачны переводы Шекспира, с оригиналом их все же нельзя сравнить <...> конечно, подлинник открывает новые красоты и совершенно равноценных Шекспиру переводов, по-моему, быть не может, для этого надо было бы явиться поэту, равноценному ему» [11, с. 410–411].

Рамки краткой статьи не дают возможности подвергнуть анализу все интересные примеры. Изучив отобранный материал, можно сделать вывод, что Б.Л. Пастернак, очевидно в силу определенной культурологической близости к языку оригинала, более внимателен к использованию метафоры у Шекспира, и именно этим объясняется такая точность при их переводе. Неточности в переводе Г.Д. Плиева обусловлены не только культурологической отдаленностью, но и определенными различиями в системах языков. Однако это не оправдывает осетинского переводчика, который часто заменяет метафору другим стилистическим приемом, а в некоторых случаях просто элиминирует ее. Считаем, что переводчик, осмелившийся переводить великого Шекспира, должен воссоздать не только его стиль и поэтику, но и передать средствами другого языка то неповторимое, что делает творчество Шекспира таким неподражаемым.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 762 с.
2. Боева Е.Д., Кулькина Е.А. Способы перевода авторской метафоры в художественном тексте. [Электронный ресурс] www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/9.html (дата обращения: 05.08.2015).
3. Дуринова Н.Н. Перевод сложных метафор в трагедии У. Шекспира «Макбет» / Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 143–145.

4. Комиссаров В.Н., Кораллова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
5. Куниловская М.А., Короводина Н.В. Авторская метафора как объект перевода [Электронный ресурс]. URL: http://tc.utmn.ru/files/Kunilovskaya_Korovodina_2010_ActiveMetaphors%20in%20Translation_0.pdf (дата обращения: 07.02.2014).
6. Кучинская Е.А. Метафоры трагедии У.Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводах Б.Л. Пастернака и Т.Л. Щепкиной-Куперник. [Электронный ресурс] <http://www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/29.html> (дата обращения: 07.08.2015).
7. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): уч. пособие. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. 100 с.
8. Шекспир У. Две трагедии («Гамлет», «Макбет»). М.: «Высшая школа». 1985. 286 с.
9. Шекспир У. Трагедии. Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: РИПОЛ, 1993. 928 с.
10. Шекспир У. Уацымыстаѣ. Плиты Г. Тѣлмац. Орджоникидзе: Ир, 1980. 528 с.
11. Щепкина-Куперник Т.Л. Из воспоминаний. М.: ВТО, 1959. 463 с.
12. Spurgeon C. Shakespeare's Imagery, and What It Tells Us. L.: Cambridge University Press, 1935. 440 p.

References

1. Belinski V.G. *Polnoe sobranie sochineni* [Collected works]. Vol. 2. М.: Publishing House of the USSR Academy of Science, 1953. 762 p.
2. Bueva E.D., Kulkina E.A. *Sposobi perevoda avtorskoy metafori v khudozhestvennom tekste* [Means of translation of creative metaphors in a literary text]. www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/9.html (date of access: 05.08.2015).

3. Durinova N.N. *Perevod slozhnih metaphor v tragedii W. Shakspira «Makbet»* [Translation of complex metaphors in W. Shakespeare's tragedy «Macbeth»] *Vestnik of Cheljabinsk University*. 2013. № 37 (328). Philology. Art History. Issue 86, pp. 143–145.
4. Komissarov V.N., Korallova A.L. *Praktikum po perevodu s anglijskogo jazika na russki* [Workbook on translation from English into Russian]. M.: High School, 1990. 127 p.
5. Kunilovskaya M.A., Korovodina N.V. *Avtorskaya metafora kak object perevoda* [Creative metaphors as an object of translation]. http://tc.utmn.ru/files/Kunilovskaya_Korovodina_2010_ActiveMetaphors%20in%20Translation_0.pdf (date of address: 07.02.2014).
6. Kuchinskaya E.A. *Metaforitragedii W. Shekspira «Romeo i Juljeta» v perevodah B.L. Pasternaka i T.L. Shepkinoy-Kupernik* [Metaphors in Shakespeare's tragedy «Romeo and Juliet» translations of B.L. Pasternak and T.L. Shepkina-Kupernik]. <http://www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/29.html> (date of address: 07.08.2015).
7. Mezenin S.M. *Obraznie sredstva jazika (na material proizvedeniy Shekspira): uch. posobie* [Language metaphorical means (based on Shakespeare's tragedies)]. M.: MSPI named after V.I. Lenin, 1984. 100 p.
8. Shakespeare W. *Two tragedies («Hamlet», «Macbeth»)*. M.: High School. 1985. 286 p.
9. Shakespeare W. *Tragedii* [Tragedies] / Trans. from English. Pasternak. M.: RIPOL, 1993. 928 p.
10. Shakespeare W. *Uatsymystæ / Plity G. Tælmats. Ordzhonikidze: Ir*, 1980. 528 p.
11. Shepkina-Kupernik T.L. *Iz vospominaniy* [Reminiscences]. M.: VTO, 1959. 463 p.
12. Spurgeon C. *Shakespeare's Imagery, and What It Tells Us*. L.: Cambridge University Press, 1935. 440 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бизикоева Лана Сергеевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
tmz.b@rambler.ru

Дерябина Марина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
deryabina.m@mail.ru

DATA ABOUT THE ATHOURS

Bizikoeva Lana Sergeevna, Assistant Professor at the Department of English, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str. Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
tmz.b@rambler.ru

Deryabina Marina Yurjevna, Senior Professor at the Department of English, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str. Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
deryabina.m@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-174-186

УДК 801.82

**СУФФИКСАЛЬНЫЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ
ТОБОЛЬСКОГО АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

Выхрыстюк М.С., Окмянская А.В.

Научная статья посвящена анализу суффиксальных словообразовательных моделей народно-разговорной лексики скорописных деловых текстов Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII в.

Предмет исследования: словообразовательные модели народно-разговорного языка в текстах делопроизводства Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII века.

Цель работы: произвести первичный стилистический анализ народно-разговорных элементов на словообразовательном уровне.

Новизной исследования является то, что объектом внимания становятся никем не исследованные рукописные памятники периода формирования русского национального языка, хранящиеся в местном архиве, а также впервые предметом внимания становятся словообразовательные оппозиции народно-разговорного типа языка в деловой письменности древней столицы Сибири.

Методологической основой исследования послужили принципы научно-исследовательского подхода к тексту – системности и историзма, – согласно которым, деловой текст рассматривается как источник многообразной разноуровневой информации с позиций единства содержания и формы. В связи с этими направления-

ми в работе использованы следующие методы: целенаправленной выборки, описательный, сопоставительный.

В результате лингвистического анализа был сделан вывод о том, что генетическая корреляция слов с разговорными словообразовательными признаками, выступавшая на предшествующих этапах истории языка как стилистический маркер, в монастырской деловой письменности XVIII в. нейтрализуется.

Область применения результатов исследования определяется возможностью использования их в дальнейшем изучении исторической грамматики и истории отечественного делопроизводства, при чтении спецкурсов, связанных с проблемами лингвистического краеведения, источниковедения, исторической стилистики.

Ключевые слова: скорописный деловой текст; словообразовательная модель; народно-разговорная лексика.

VERNACULAR VOCABULARY SUFFIXED WORD-FORMATION MODELS OF TEXTS OF THE TOBOLSK ABALAK MONASTERY AT THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Vykhrystjuk M.S., Okmyanskaya A.V.

The article is devoted to the analysis of suffixed word-formative models of vernacular shorthand business texts of the Tobolsk Abalak monastery of the second half of the XVIII century.

Subject of research is word-formation models of shorthand business texts vernacular vocabulary of the Tobolsk Abalak monastery of the second half of the XVIII century.

Objective: to carry out a primary stylistic analysis of popular-colloquial elements on the word-formation level.

The novelty of this study is that the object of attention, being handwritten monuments stored in the local archive, that belong to the period of formation of the Russian national language, have never been studied before; the second focus of attention being word-formation oppositions of the vernacular type of language found in business writing of the ancient capital of Siberia.

The methodological basis of the research was constituted by the principles of the scientific-research approach to the text, i.e. the systematicity and historicism. These principles determine the attitude to the text as a source of information of various levels in terms of the unity of content and form. Taking this into account, the following methods were used for the purposes of the study: purposive sampling, descriptive, comparative.

As a result of the linguistic analysis a conclusion was made that genetical correlation of words with vernacular word-formation features, that was considered as a stylistic marker at the previous stages of the history of language, becomes neutralized in the monastic business writing of the XVIII century.

Practical implications of the study results are determined by the ability to use them in further studying historical grammar and history of the records management in Russia, reading special courses on linguistic issues of local history, source studies, historical stylistics.

Keywords: *business shorthand text; word-formation models; vernacular.*

Введение

На протяжении двух веков длится научная дискуссия о путях становления русского национального языка и участия в этом процессе книжно-славянской стихии и народно-разговорной речи. Ученые по-разному решают вопрос о соотношении двух ведущих стилистических начал – книжности и разговорности на разных уровнях языка. XVIII век – это время, когда, по мнению ученых, в общенациональ-

ном языке «шло сложное взаимодействие книжно-славянского типа языка с народно-литературным при постепенном вытеснении первого» [7, с. 5]. Больше всего был подвержен этому явлению язык художественной литературы. Сказался ли этот процесс на языке деловых бумаг, на языке государственности XVIII века, или он продолжал еще испытывать сильное влияние церковнославянского языка? Это один из актуальнейших вопросов относительно русского языка XVIII века.

Актуальность исследования соотношения книжно-славянских и народно-разговорных элементов в языке памятников делового характера второй половины XVIII века мотивируется неизученностью как самого исследуемого материала, так и темы, столь важной для решения ряда важных вопросов относительно русского делового письма как одного из звеньев русского литературного языка.

Материалом изучения стали 145 скорописных документов фонда № 156 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». По своему жанровому составу анализируемые документы разнообразны. Анализу подвергались как документы исключительно *информативного плана*: репорты, доношения, реестры, книги прихода и расхода, сообщения, выписки, реляции, инструкции, известия, описи и др., так и документы *императивной направленности*: указы, приказы, прошения, требования, наставления, обращения, памятки, запросы и т.д.

Базой для анализа послужила картотека объемом 160 единиц, отражающая словообразовательные модели разговорности.

Новым в исследовании считаем описание функционирования народно-разговорных элементов в словообразовательных моделях исследованных источников. Анализ собранного материала произведен с опорой на данные «Словаря русской народно-диалектной речи Сибири XVII–XVIII вв.» под ред. Л.Г. Панина [12]. Большую роль при этом играют суффиксы, придающие словам значение разговорности.

Описание исследования. Среди суффиксальных словообразовательных моделей народно-разговорной лексики деловой письмен-

ности Абалакского монастыря наиболее продуктивными оказались в первую очередь те, в которых используются размерно-оценочные суффиксы (суффиксы субъективной оценки), среди которых можно выделить основные группы: 1) уменьшительные, указывающие на малый размер предмета: *-ик-, -ок-, -ец-, -иц-, -к-*; 2) уменьшительно-ласкательные: *-ишк-, -ек-, -ок-, -к-, -ушк-, -очк-, -енк-*; 3) ласкательные: *-иньк-, -еньк-, -оньк-, -ичк-, -ечк-*; 4) уменьшительно-уничижительные б) *-ишк-, -иц-, -еньк-, -к-*; 5) уничижительные: *-ил-, -иц-*. При этом слов с уменьшительно-уничижительной оценкой примерно в пять раз больше, чем слов с уменьшительной окраской, и в девять раз больше, чем слов с уменьшительно-ласкательной. Это связано в первую очередь с особенностями этикета XVIII в.: в деловой письменности уничижительные слова являлись формой вежливости.

В памятниках текстах делопроизводства Тобольского Абалакского монастыря данного периода встречаются следующие народно-разговорные слова, построенные по этой модели: 1) *атаманишко, банишко, бобришко, волчишко, дворишко, дочеришко,домишко, запасенка, зарукавишко, кафтанишко, клетенка, кобыленка, кожишко, лисиченка, лесенко, лоскутишко, лошадишка, письмишко, рухлядишко, службишка, соболишко, скотишко* и т.д. (*И всякие жилищкие люди в том же месте живут из давних лет и домишками и всякими заводишками построилис* [И 156–15–58]); 2) *барашек, борода, брусек, книжка, кружок, ножик, острожек, поясек, речка* и др. (*Борода невелика остренка* [И 156–17–89]); 3) *веревочка, детишка, женишко, женочка, избушка, коробочка, маточка, осетрик, робятишки* и др. (*Из денежного жалованя трет выворачивают у нас холопей на жены и на детишка наши а место безхлебное* [И 156–16–52]) [1]. Значение моделей этого словообразовательного типа – нетранспозиционное (производное сохраняет частеречную принадлежность производящего) и модификационное (появляется дополнительный

оттенок уменьшительности, ласки, эмоционального смягчения, положительной или уничижительно-пренебрежительной оценки.

Достаточно продуктивны в деловой письменности Абалакского монастыря второй половины XVIII в. суффиксальные модели, в которых участвуют суффиксы, придающие глаголам значение длительности, многократности или однократности действия: *бивать, бывать, величать, высылывать, грабливать, давывать,живать, лавливать, ламывать, посылывать* и др. (*Лавливали они мелкую рыбу харюзы да пескарь* [И 156–17–68]) [1]. Словообразовательное значение моделей этого словообразовательного типа тоже «нетранспозиционное, модификационное» [10, с. 96].

К народно-разговорной лексике можно отнести и существительные, обозначающие действие по глаголу, образованные от глаголов при помощи суффикса *-к-*, придающего словам разговорный характер. Об этом говорит то, что наряду со словами, образованными по этим моделям, встречаются и лексемы с оттенком книжности, имеющие то же значение. Например, слово *выписка* (от глагола *выписывать*) в одном из значений совпадает с существительным *выпись* – “извлечение из текста, документа” [3, с. 160]. Помимо слов *наушка, выскребка*, встречающихся в памятниках деловой письменности Абалакского монастыря второй половины XVIII века в Словаре русского языка XVIII века отмечены *научение, выскребывание*.

Слова *взятка, выкладка, выписка, высылка, описка, переплетка, наушка* и др. (*От починки поваренной мелкой железной поделки и от наварки старых топоров кузнецу дано четыре рубли* [И 156–19–76]). Словообразовательное значение – транспозиционное, модификационное: у ряда слов, образованных по этой модели, помимо понятия процесса появляется значение предмета.

Следует отграничить модели, в образовании которых участвуют суффикс *-к-*, от моделей, в которых присутствует этот же суффикс, но не играет роли в словопроизводстве, поскольку новые значения

слов образуются на базе уже имеющихся лексико-семантическим способом. Так получены слова *высылка* в значении “отряд, группа людей, посланных куда-либо с какой-либо целью”, *взятка* в значении “незаконный побор” [3, с. 160].

Остальные суффиксальные модели народно-разговорной лексики деловой письменности Тобольского Абалакского монастыря указанного периода малопродуктивны или непродуктивны и могут быть проиллюстрированы немногосисленными и немногочисленными примерами: 1) с суффиксом *-к-*: *возка, выимка, вывеска, выкладка, выливка, выделка, добавка, женка, засолка, испулка, копка, ломка, наступка, неисправка, оковка, отливка, перебежка, повязка, подрятка, покупка, посылка, починка, прибавка, присылка, прикупка, разметка, рубка, сушка, усолка*; 2) с нулевым суффиксом: *вклад, доклад, доход, неотдача, отвод, припас, проезд, ссуда*; 3) *-от-*: *дремота, работа, забота, пахота*; 4) *-ль-*: *погибель, прибыль, усталь, убыль*; 5) *-б-*: *гоньба, косьба, мольба, татьба, служба, хотьба*; 6) *-ок-*: *недостаток, избыток, недоимок*; 7) *-юг-*: *жаднюга, ворюга, хитрюга*; 8) *-ин-*: *балясина, мертвечина*; 9) *-ак, -як-*: *весельчак, лошак, смельчак*; 10) *-ун-*: *болтун, говорун, драчун*; 11) *-ик, -ник (-ниц-)*: *бездельник, блудник, блудница, дощаник, жеребчик, жителница, мужик, нахальник, объявительница, пищик, попутчик, пьяница, работниа, родильница, трапезник*. Все перечисленные суффиксы придают слову эмоционально-стилистическую окраску, характерную для разговорной речи. В глагольных формах отмечается полная утрата церковнославянских форм инфинитива на *-ти* в безударной и часто ударной позиции: *благоволить, ведать, внести, вручить, давать, отвезть, отставить, приказать, репортовать* и др.

Учеными установлено, что ко второй половине XVIII в. в основном определился состав типичных для просторечия словообразовательных моделей слов. Среди них исключительным разнообразием отличались имена существительные. Более яркую картину,

по мнению Г.П. Князьковой, в языке давали «...существительные, обозначающие лицо по присущему ему качеству, признаку (обычно отрицательному), характеризующему действия, образованные от именных и глагольных основ при помощи разнообразных суффиксов *-ай, -тяй, -ак, -чак, -(а)ль, -ей, -ень, -уй, -ец-, -ун-, -ьш, -арь, -ик, -ит-, -чик, -фрь, -иц-, -ил(о), -ага, -яга, -щин(а)*» [6, с. 94]. Но в монастырских документах встретилось всего тринадцать подобных словообразовательных моделей: *бедняк, болтун, ворюга, гуляка, жаднюга, зачинщик, мужик, негодяй, уволень, писарь, пожарище, пушкарь, сиделец*. Все приведенные слова имеют характерный для разговорного стиля аффикс, но в «Словаре академии российской» (САР) не все, а только три из них – *ворюга, жаднюга, гуляка* – имеют помету “прост.” Низкая частотность определялась преобладающей “безэмоциональностью” документов [4, с. 162].

Для исследуемого периода характерен ряд процессов, приводящих к пополнению состава просторечной лексики за счет словообразования. «В это время просторечие, – по мнению Г.П. Князьковой, – имело широкие многообразные связи с различными стилистическими слоями формирующегося литературного языка» [6, с. 99]. Так, проникновение разговорной лексики в деловой язык второй половины XVIII в., как отмечалось выше, было очевидно. Аффиксы, придающие словам значение разговорности, менее разнообразны, но все-таки они есть. В исследуемом материале выявлено 66 словоформ с подобными аффиксами: *излишних зд Блей, зачал бранится, на всегдашнее время, никакому из них, нынешняя ревизия, сысканы будут, тутошним людям, ниотколь и ниоттоль, тамошний человек* и др.

Заключение

Таким образом, проанализировав суффиксальные словообразовательные модели народно-разговорного типа языка, отраженные

в деловой письменности Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII в., отметим, что язык памятников представляет собой переплетение книжных и разговорных элементов в одних и тех же текстах, что свидетельствует о начале их стилистической нейтрализации. Исследованный материал показывает, что генетическая корреляция слов с разговорными словообразовательными признаками, выступавшая на предшествующих этапах истории языка как стилистический маркер, в монастырской деловой письменности XVIII в. уже нейтрализуется. Можно говорить лишь о большей или меньшей степени частотности одного из компонентов морфемной структуры слова, что зависит от устойчивых стандартных формул текста и от его жанровой принадлежности.

В целом материалы делового письма духовной региональной канцелярии приводят к заключению о слиянии книжного и разговорного, церковнославянского и собственно русского начала как о формирующейся общерусской тенденции устранения их противостояния в конце XVIII века, которая предшествовала их новой стилистической дифференциации в национальном литературном языке следующего столетия.

Список литературы

1. И 156-4-50, И 156-9-20. Фонд 156 духовного делопроизводства ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске».
2. Глухих Н.В. Жанрово-стилистические особенности памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. г. Челябинска. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 150 с.
3. Выхрыстюк М.С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект. Тобольск: ООО «Полиграфист», 2013. 368 с.
4. Иванова М.В. К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV–XV вв. // Фило-

- логический сборник. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. С. 113–116.
5. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1974. 253 с.
 6. Котков СИ. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука 1980. 293 с.
 7. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2006. 263 с.
 8. Майоров А.П. Нормативное и узуальное в правописании приставок и предлогов на з/с в деловой письменности XVIII века // Русский язык в научном освещении. М., 2004. № 1 (7). С. 157–170.
 9. Ремнева М.С. Пути развития русского литературного языка XI–XVII веков. М.: МГУ, 2003. 300 с.
 10. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Литература при императоре. Академия наук, 1789–1794.
 11. Словарь русской народно-диалектной речи Сибири XVII–XVIII веков / Под редакцией Л.Г. Панина. Новосибирск, 1989. 380 с.
 12. Черкасова Е.Т История лексики русского литературного языка конца XVII–начала XIX вв. М.: Наука, 1981. 374 с.
 13. Филин Ф.П. История лексики русского литературного языка конца XVII–начала XIX века. М.: Наука, 1981. 375 с.
 14. Vykhrystyuk M.S. Koskina N.A. Russkiye travniki uses up formirovaniya meditsinska terminologiya's source as lechebniki // Science progress in European countries: new concepts and modern solutions: Papers of International Scientific Conference (Volume 1) March 28, 2013. Stuttgart, Germany. S. 114–116.
 15. Tanaka Keiko. Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan. Rout ledge, 1994. 369 p.

References

1. I 156-4-50, I 156-9-20. *Fond 156 duhovnogo deloproizvodstva GUTO «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [spiritual office Guto Fund of the 156 «State Archives in Tobolsk»].
2. Gluhih N.V. *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti pamjatnikov delovoj pis'mennosti XVII–XVIII vv. g. Cheljabinska* [Genre-stylistic features of business written monuments of the XVII–XVIII centuries. Chelyabinsk]. Cheljabinsk: ChGPU, 2004. 150 p.
3. Vyhrystyuk M.S. *Delovaja pis'mennost' XVII–XVIII vv. g. Tobol'ska: leksiko-grammaticeskij aspekt* [Business writing of the XVII–XVIII centuries. Tobolsk: lexical and grammatical aspect]. Tobol'sk: OOO «Poligrafist», 2013. 368 p.
4. Ivanova M.V. *K istorii vzaimodejstvija «knizhnogo» i «neknizhnogo» v leksike literaturnogo jazyka na rubezhe XIV–XV vv.* [Methods of studying advertising communication]. *Filologicheskij sbornik. M.: In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1996, pp. 113–116.*
5. Knjaz'kova G.P. *Russkoe prostorechie vtoroj poloviny XVIII veka* [Russian vernacular the second half of the XVIII century]. L.: Nauka, 1974. 253 p.
6. Kotkov SI. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka* [Linguistic Chronology and History of the Russian language]. M.: Nauka 1980. 293 p.
7. Majorov A.P. *Očerki leksiki regional'noj delovoj pis'mennosti XVIII veka* [Essays of regional business writing vocabulary of the XVIII century]. M.: OOO «Izdatel'skij centr “Azbukovnik”», 2006. 263 p.
8. Majorov A.P. *Normativnoe i uzual'noe v pravopisanii prstavok i predlogov na z/s v delovoj pis'mennosti XVIII veka* [Standart and usual spelling of prefixes and prepositions ending in z/s in the business of writing the XVIII century]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. M., 2004. № 1 (7), pp. 157–170.*

9. Remneva M.S. *Puti razvitija russkogo literaturnogo jazyka XI–XVII vekov* [Ways of development of Russian literary language of the XI–XVII centuries]. M.: MGU, 2003. 300 p.
10. *Slovar' Akademii Rossijskoj: v 6 T.* [Russian Academy Russian Dictionary: in 6 volumes]. SPb: Literatura pri imperatore. Akademija nauk, 1789–1794.
11. *Slovar' russkoj narodno-dialektoj rechi Sibiri XVII–XVIII vekov* [Dictionary Russian folk dialect speech Siberia XVII–XVIII centuries] / L.G. Panin (ed.). Novosibirsk, 1989. 380 p.
12. *Cherkasova E.T Istorija leksiki russkogo literaturnogo jazyka konca XVII – nachala XIX vv.* [The history of Russian literary language vocabulary end of the XVII – beginning of the XIX centuries]. M.: Nauka, 1981. 374 p.
13. *Filin F.P. Istorija leksiki russkogo literaturnogo jazyka konca XVII–nachala XIX veka* [The history of Russian literary language vocabulary late XVII-early XIX century]. M.: Nauka, 1981. 375 c.
14. Vykhrystyuk M.S.; Koskina N.A. Science progress in European countries: new concepts and modern solutions: Papers of International Scientific Conference (Volume 1) March 28, 2013. Stuttgart, Germany, pp. 114–116.
15. Tanaka Keiko. Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan. Rout ledge, 1994. 369 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Выхрыстюк Маргарита Степановна, профессор, доктор филологических наук; профессор кафедры филологического образования; старший научный сотрудник
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал Тюменского государственного университета; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

*ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150, Российская Федерация; ул. Академика Осипова, 8, г. Тобольск, Тюменская область, 626152, Российская Федерация
margaritavv@mail.ru*

Окмянская Анна Викторовна, аспирант кафедры филологического образования, специальность 10.02.01 – Русский язык
*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал Тюменского государственного университета
ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150, Российская Федерация
anna_klusova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vykhrystyuk Margarita Stepanovna, Professor; Doctor of Philology, Professor of the Department of Philological Education; Senior Researcher
*Tobolsk Pedagogical Institute, branch of Tyumen State University; Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
58, Znamenskoye Str., Tobolsk, Tyumen region, 626150, Russian Federation; 8, Academician Osipov Str., Tobolsk, Tyumen region, 626152, Russian Federation
margaritavv@mail.ru*

Okmyanskaya Anna Viktorovna, Student of Literary Education; Specialty 10.02.01 – Russian Language
*Tobolsk Pedagogical Institute, branch of Tyumen State University
58, Znamenskoye Str., Tobolsk, Tyumen region, 626150, Russian Federation
anna_klusova@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-187-198

УДК 811.611.1+821

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТРОДУКТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РЕПОРТАЖНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Муругова Е.В., Постева Е.В.

В качестве цели исследования внимание в данной статье фокусируется на прагматическом анализе предикатов, выражающих различную степень опасения, приобретающих в репортажном высказывании функцию предикатов мыслительной деятельности. Вводя авторские суждения, интродуктивные предикаты опасения выражают личностную позицию субъекта речи к обсуждаемому в репортаже событию, имплицитную субъективный опыт восприятия этого события. Утверждается, что подобный ввод актуальной информации соответствует морально-нравственным стандартам речевого поведения автора репортажа.

Переориентирование семантики предикатов эмоционального состояния на выражение мыслительной деятельности мотивируется потребностями человеческого сознания интегрировать объективные ситуации, факты и явления с субъективным опытом их восприятия. В качестве метода исследования в статье использовался семантический анализ организации доменов знания в человеческом сознании, предложенный А. Вежбицкой. Выводы и результаты, полученные в работе, могут найти последовательное практическое применение в исследованиях, посвященных прагматическому кодированию знаний и субъективного опыта субъекта речи в публицистических текстах.

Ключевые слова: эмоции; домены знания; интродуктивные предикаты эмоциональной оценки и мыслительной деятельности; репортажное высказывание, когнитивные сценарии.

PRAGMATIC FUNCTIONS OF INTRODUCTIVE PREDICATES OF EMOTIONAL STATE IN THE REPORTAGE UTTERANCE

Murugova E.V., Postevaya E.V.

Considering the purpose of the study, the article focuses on the pragmatic analysis of predicates expressing various degrees of fear that acquire the function of cognitive predicates in the reportage utterance. While introducing the author's judgment, this kind of predicates expresses the speech subject's personal attitude to the event discussed in the reportage, implying the subjective experience of the event perception. It is stated that this kind of the actual information presentation relates to the reportage author's speech behavior moral standards.

Semantic refocusing of the predicates expressing emotional state onto expressing cognitive activity is motivated by the human consciousness demand to integrate the objective situations, facts and phenomena into the subjective experience of their perception. The semantic analysis of knowledge domain organization in the human consciousness proposed by A. Wierzbicka serves as the methodological framework of the study. He results of the study could be consistently used in the investigations of pragmatic coding of knowledge and subjective experience in the publicistic text.

Keywords: *emotions; knowledge domains; introductive predicates of emotional state and cognitive activity; reportage utterance; cognitive scenarios.*

В последние десятилетия научное исследование проблемы эмоций в рамках коммуникативных взаимоотношений становится одной из интенсивно развиваемых областей гуманитарного знания [3], [4], [5], [9]. В этой связи вырабатывается целый ряд теоретических, эпистемологических и методологических подходов анализа данного феномена с учетом психофизиологического изучения говорящей личности, наблюдений ее речевого поведения в процессе формирования и поддержания фатического контакта с адресатом. Эмоции не могут быть исчерпывающе объяснены исключительно как эволюционно обусловленный результат адаптации к внешней среде, физиологическая реакция на ситуацию или прямое следствие химических процессов, протекающих в организме субъекта речи.

Язык – это одно из коммуникативных средств, которое в процессе межличностного взаимодействия интегрируется с другими средствами – прагматическими (кодирование / декодирование актуальной информации), знаниями о социокультурных реалиях, перцептивными, основанными на способности видеть объекты текущей ситуации, воспринимать их соответствующим образом. Репортажное высказывание – это прагматическая сфера сфокусированного на определенном положении дел межличностного взаимодействия, в рамках которого интенциональность задействуется с целью расширения понимания собеседников относительно обсуждаемого положения дел, осуществления запросов или вербальных / невербальных действий с опорой на разум и эмоции [8, с. 141]. На передний план в этом случае выдвигается характер взаимодействия между собеседниками в условиях обсуждаемого положения дел с соблюдением принципов «аргументативной эмоциогенной культуры» [там же].

В текущих лингвистических изысканиях особый фокус анализа отводится предикатам, выражающим различные эмоции или психологические состояния говорящего субъекта. Подобные изы-

скания традиционно связываются с общими исследованиями эмоциональности, когнитивных и сознания в философии и когнитивных науках (более подробно см. [2], [10], [12]). В языкознании эмоции анализируются преимущественно в сфере лексической и семантической семантики; признается, что лексические структуры оказывают влияние на формирование разнообразных синтаксических конфигураций [6], [7]. В данной сфере предикаты, обозначающие эмоции, соотносятся с предикатами психической деятельности. При широкой интерпретации категория предикатов психической деятельности включает в себя такие подклассы, как:

- 1) предикаты активного и пассивного восприятия (*to hear, to see, to feel* и т.д.);
- 2) предикаты мыслительной деятельности (*to think, to believe* и т.д.);
- 3) оценочные предикаты (*to estimate, to appreciate* и т.д.).

Предикаты, которые номинируют различную степень опасения, также относятся к классу предикатов эмоционального состояния, поскольку отражают одну из базовых эмоций. Вместе с тем, как отмечают исследователи, такие предикаты, как *to fear, to be afraid of* могут также передавать и другую семантику, в частности, выражать мыслительную деятельность, те или иные оттенки межличностных взаимоотношений. Таким образом, *to fear, to be afraid of* последовательно обеспечивают свидетельства того, что предикаты эмоционального состояния эволюционируют в направлении семантики мыслительной и – далее – оценочной деятельности, оформляя специфические речевые акты.

Можно говорить о том, что предикаты эмоционального состояния являются стабильным источником пополнения предикатов мыслительной деятельности и перформативных предикатов. В этой связи целесообразно проанализировать семантическую концепцию А. Вежбицкой, приоритетный фокус в которой отводится организа-

ции доменов знания в человеческом сознании и специфика их лексикализации в том или ином языке. Исследователь устанавливает предположительно универсальный семантический алфавит, состоящий из неопределенных примитивов, атомов человеческой мысли, именуемых естественным семантическим метаязыком (ЕСМ), различные конфигурации которого – на уровне отдельно взятого языка – порождают значения отдельных групп слов (соответствующих концептам). А. Вежбицкая апробировала этот метод семантического анализа на словах, выражающих эмоциональные состояния, признав, что в рамках культур и языков ЕСМ является стабилизирующим фактором. В частности, когнитивные сценарии, соответствующие эмоциональным концептам *fear* (страх) и *afraid* (боязнь) представляются следующим образом.

Fear (X испытывает страх)

(a) X испытывает некоторое чувство, потому что X подумал о чем-то.

(b) иногда субъект думает:

(c) «Я не знаю, что произойдет

(d) может произойти что-то негативное

(e) я не хочу, чтобы это произошло

(f) я хочу предпринять что-либо возможное вследствие этого

(g) я не знаю, смогу ли я что-либо предпринять»

(h) когда субъект размышляет подобным образом, он испытывает негативные чувства

(i) X испытывает подобные чувства

(j) потому что X думает подобным образом.

Afraid (X боялся)

(a) X испытывает некоторое чувство, потому что X подумал о чем-то.

(b) иногда субъект думает о чем-то:

- (с) «что-либо негативное может произойти со мной вследствие этого
- (d) я не хочу, чтобы это произошло
- (е) я не знаю, смогу ли я в настоящий момент предпринять что-либо
- (f) когда субъект размышляет подобным образом, он испытывает негативные эмоции
- (g) *X* испытывает такие чувства
- (h) потому что *X* думает подобным образом [16, p. 75].

Когнитивные сценарии, представленные выше, свидетельствуют, что негативные эмоции страха и боязни инициируются соответствующей мыслительной деятельностью субъекта. В связи с этим, как представляется, предикаты, манифестирующие различную степень опасения, приобретают прагматическую функцию выражения межличностных взаимоотношений, реализуя значение таких интродуктивных предикатов информативных сообщений, как *I regret to say* (к сожалению), *I regretfully admit* (с сожалением признаю), *I apologetically admit* (с виной признаю) и т.д., *I suspect* (подозреваю), *I am inclined to think* (я склонен думать, полагать). Ср.:

(1) “***I fear that Europe’s leaders are mishandling the Brexit issue, says Anatole Kaletsky. They’re focusing on the terms of Britain’s withdrawal when really they should be persuading British voters to change their minds***” [13, p. 6];

(2) “***And I am afraid that all this controversy, all this sound and fury is just another disappointing summertime example of Hollywood’s creative drought...***” [15, p. 48];

(3) “... Поэтому ведущий должен быть и художником, и учителем, и массовиком-затейником. Найти такого, **бюльсь**, задача не из легких...” [11, с. 59];

(4) “*Psycholog polityki prof. Krystyna Skarżyńska zbadala, że ludzie wstępujących dziś do jakichkolwiek partii łączą nie tyle wspólne cele,*

*ile względędy temperamentalne. Coraz częściej zapisują się do nich osoby, które nie tylko nie interesują, ale wręcz są jej przeciwnikami. **Boję się, że to jest problem, bo demokrację budują antydemokraci...**” [14, s. 19].*

Компоненты семантической структуры предикатов эмоциональной деятельности, которые формируют модальную рамку высказывания – субъект и объект приложения эмоций, эмоционально оцениваемая ситуация – актуализуются в контексте определенных социально-политических мотивов и стереотипов. При этом субъект суждения позиционирует себя либо как лицо, которое задействовано в сфере социальных отношений, либо как представитель социума, выражающий определенные мнения или настроения. В обозначенных выше контекстах интродуктивные предикаты, отражающие различную степень опасения субъекта высказывания, прагматизируются как средства ввода точки зрения на обсуждаемое положение дел, т.е. как соответствующие предикаты мыслительной деятельности.

Осознаваемая субъектом высказывания эмоция опасения служит конструктивным средством рефлексии текущего положения дел в социуме и политике. Публицистическое проявление этой эмоции можно рассматривать как социальный акт в том смысле, что она контролируется субъектом как результат его социализации с учетом морально-нравственных стандартов речевого поведения и знаний культурологического характера. Другими словами, нормированное проявление эмоции опасения в межличностном взаимодействии поддерживает социальную структуру общения, морально-нравственные закономерности его организации.

Субъективные чувства, прагматическое отношение к обсуждаемому положению дел соотносится с такими ментальными состояниями, как боязнь, страх и т.д., в то время как объективный опыт имеет непосредственное отношение к восприятию событий в реальном мире. Субъект высказывания может не осознавать, какие

чувства выражают другие представители социума по поводу тех или иных событийных проявлений внешней действительности, но он моделирует возможное эмоциональное восприятие этой действительности, экстраполирует свой субъективный опыт на данные проявления (более подробно об этом см. [1]).

Подобным образом субъект высказывания комбинирует свой объективный и субъективный опыт в осознании окружающего мира. Данный факт можно рассматривать как сильную мотивацию для обогащения семантической структуры предикатов эмоционального состояния, их функционирования как предикатов мыслительной деятельности. Событийные проявления социально-политической реальности определяют не только акты их восприятия, но и имплицирование субъективного опыта воспринимающего субъекта в суждениях об этой реальности.

Список литературы

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
2. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Концептуальный анализ как сфера актуальных исследований в когнитивной лингвистике // В мире научных открытий. 2015. № 11.7(71). С. 2481–2494.
3. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Косвенные экспрессивные акты с коммуникативным интродуктором: семантика и функционирование в диалогической речи // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-й Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2015. С. 137–141.
4. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Косвенный экспрессивный акт как отражение эмоционального опыта говорящего субъекта в диа-

- логическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1020–1028.
5. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Проблема дифференциации прямых и косвенных экспрессивных актов в аспекте соотношения информационного и иллокутивного моделей // Евразийский союз ученых. 2015. № 10–3(19). С. 95–98.
 6. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 68–74.
 7. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109–113.
 8. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Текст репортажа в аспекте критического дискурса-анализа // Вестник Новосибирского государственного ун-та. С.: история, филология. 2015. Т.14. № 6. С. 140–145.
 9. Кудряшов И.А., Головинова П.А. Проблема категоризации эмоционального состояния субъекта диалогической речи в современной лингвистике // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12(52). С. 256–261.
 10. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Концептуальные измерения когнитивного «движения» в современной лингвистике // Язык. Текст. Дискурс. 2015. № 13. С. 17–32.
 11. Русский репортер. 2016. № 15 (417). 80 с.
 12. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
 13. National Review. 2016. August, 15. 50 p.
 14. Polityka. 2015. № 14. 132 s.
 15. Week. 2016. August, 6. 46 p.
 16. Wierzbicka A. The semantics of emotions: *fear* and its relatives in English // Australian Journal of Linguistics. 1990. № 10(2), pp. 359–375.

References

1. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znaniya [Cognitive approach to implicit knowledge investigation]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive language investigations]. no 21(2015): 30–33.
2. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Konceptual'nyj analiz kak sfera aktual'nyh issledovanij v kognitivnoj lingvistike [Conceptual analysis as the sphere of actual investigations in cognitive linguistics]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. no 11.7(71) (2015): 2481–2494.
3. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Kosvennye jekspressivnye akty s kommunikativnym introduktorom: semantika i funkcionirovanie v dialogicheskoj rechi [Indirect expressive acts with communicative introducer]. *Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija* [Language and law: actual problems of interaction]. Rostov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015, pp. 137–141.
4. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Kosvennyj jekspressivnyj akt kak otrazhenie jemocional'nogo opyta govorjashhego sub'ekta v dialogicheskom vzaimodejstvii [Indirect expressive act as the reflection of speaker's emotional experience in dialogic interaction]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. no 11.2(71) (2015): 1020–1028.
5. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Problema differenciacii prjamyh i kosvennyh jekspressivnyh aktov v aspekte sootnoshenija informacionnogo i illokutivnogo modulej [The problem of differentiating direct and indirect expressive acts in the aspect of informative and illocutive module correlation]. *Evrazijskij sojuz uchenyh* [Scientists'Eurasian Union]. no 10–3(19) (2015): 95–98.
6. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Lingvofilosofskaja pragmatika VS. kognitivnaja pragmatika: dva vzgljada na odnu i tu zhe problemu [Linguistic and philosophical pragmatics VS. cognitive pragmatics: two views

- on the same problem]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive language investigations]. no 25 (2016): 68–74.
7. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Hermenevticheskiy analiz teksta: kognitivnye osnovanija [Hermeneutic text analysis: cognitive basics]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International journal of applied and fundamental investigations]. no 7 (2013): 109–113.
 8. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza [The text of reportage in the aspect of critical discourse-analysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija* [Herald of Novosibirsk State University. Series: History, philology]. Vol.14. no 6 (2015): 140–145.
 9. Kudrjashov I.A., Golovinova P.A. Problema kategorizacii jemocional'nogo sostojanija sub'ekta dialogicheskoj rechi v sovremennoj lingvistike [Categorization problem of emotional state dialogic speech subject in contemporary linguistics]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija* [Humanitarian scientific investigations]. no 12(52) (2015): 256–261.
 10. Kudrjashov I.A., Klemenova E.N. *Konceptual'nye izmerenija kognitivnogo «dvizhenija» v sovremennoj lingvistike* [Conceptual dimensions of cognitive movement in contemporary linguistics]. *Jazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. no 13 (2015): 17–32.
 11. *Russkij reporter*. no 15 (417) (2016). 80 p.
 12. *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost* [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 p.
 13. *National Review*. August, 15 (2016). 50 p.
 14. *Polityka*. no 14 (2015). 132 p.
 15. *Week*. August, 6 (2016). 46 p.
 16. Wierzbicka A. The semantics of emotions: *fear* and its relatives in English. *Australian Journal of Linguistics*. no 10(2) (1990): 359–375.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Муругова Елена Валерьевна, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», доктор филологических наук
*Донской государственный технический университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
murugovaelena@yandex.ru*

Постева Екатерина Васильевна, старший преподаватель кафедры «Мировые языки и культуры», кандидат филологических наук
*Донской государственный технический университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
pev-rnd08@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Murugova Elena Valerievna, Professor of «World Languages and Cultures» Department, Doctor of Philological Science
*Don State Technical University
1, Gagarin Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
murugovaelena@yandex.ru*

Postevaya Ekaterina Vasilievna, Senior Teacher of «World Languages and Cultures» Department, Candidate of Philological Science
*Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
Don State Technical University
Gagarin Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
pev-rnd08@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-199-210

УДК 81'373

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГЛУПОСТЬ» В АНГЛИЙСКИХ И ДАРГИНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Омарова П.М., Омарова Х.И.

Цель. В статье в сопоставительном аспекте анализируется концепт «глупость» в английских и даргинских паремиях, изучается его оценочная концептуализация. Авторы ставят целью выявить неоднозначное отношение английского и даргинского этносов к анализируемому концепту.

Метод или методология проведения работы. Исследование проводилась с использованием сравнительно-сопоставительного, интерпретационного и описательного методов.

Результаты. Результаты работы показали, что в английской и даргинской лингвокультурах глупость оценивается отрицательно, при этом в паремиях выделяются общие для обоих языков и национально-специфические отрицательные характеристики. Авторы указывают, что общими характеристиками глупости в паремиях является ассоциация глупости с болтливостью и упрямством, неисправимость, свойственность женщине. В английской лингвокультуре отмечается широкое распространение, повсеместность глупости, которая может быть опасна; глупцов англичане сравнивают с детьми. В паремиях даргинского языка отражено более терпимое отношение к глупым людям.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении универсальных и национально-специфичных концептов в разноструктурных языках.

Ключевые слова: *паремия; концепт; глупость; лингвокультура; антиценность; отрицательная оценка; ассоциация.*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “FOOLISHNESS” IN ENGLISH AND DARGIN PAROEMIAS

Omarova P.M., Omarova Kh.I.

Purpose. The article presents the contrastive analysis of the concept “foolishness” in English and Dargin paroemias. The authors of the article aim to reveal ambiguous evaluation of the concept by English and Dargin ethnicities.

Methodology. The research was held by using contrastive, interpretative and descriptive methods.

Results. The results of the research show that foolishness is evaluated negatively in English and Dargin languages. Common and culture specific features of foolishness are underlined. The authors point out that foolishness is associated with talkativeness and obstinacy, it cannot be cured and is mainly characteristic of the woman. Foolishness is widespread and may cause danger, according to the English. Fools are often compared with children. Dargin paroemias reflect tolerance to the foolish.

Practical implications. The results of the study can be applied in the research of universal and culture-specific concepts in different languages.

Keywords: *paroemia; concept; foolishness; linguoculture; antivalue; negative evaluation; association.*

В последние десятилетия многие культурные универсалии, такие как ценности и антиценности, представленные в паремиях, исследуются с позиций когнитивного подхода. Концепт, как оперативная единица когнитивной лингвистики принимает непосредственное уча-

ствие в категоризации действительности в сознании человека. Говоря о представленности концепта в пословицах, О.Б. Абакумова предлагает различать две разновидности пословичных концептов: 1) концепт-стереотип или лингвоконцепт, отражающий культурное представление о ценности; 2) индивидуальный концепт, используемый в пословицах в результате оценки ситуации говорящим [1, с. 62–63].

Анализируемый в данной статье концепт «глупость» мы квалифицируем как лингвоконцепт, так как пословицы и поговорки содержат обобщенное представление о данной антиценности.

В рамках данной статьи мы рассматриваем паремии в узком смысле, как пословицы и поговорки [7, с. 54]. Паремии, по утверждению Ю.Л. Форофоновой, являются зеркалом культурных стереотипов и ценным орудием познания. Они способствуют объективации концепта и выражают его культурно значимые и национально специфические признаки [11].

Паремии являются источником богатого материала для изучения оценочного фрагмента языковой картины мира. Путем выражения оценки человек приписывает ценность определенному предмету или ситуации. Категория оценки имеет большое значение в организации паремий. Оценочное высказывание само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Оно воспитывает нормы поведения [2, с. 6]. Данные характеристики оценочного высказывания напрямую связаны с жанровыми особенностями паремий: назидательностью, стремлением передать накопленный жизненный опыт, зафиксировать в максимально сжатой форме обобщенные наблюдения над сущностью явлений окружающего мира.

В настоящее время проводится достаточно большое количество исследований, посвященных анализу паремий, репрезентации различных концептов паремиях, выявлению положительной и

отрицательной оценки [см. 8, 12, 10, 6]. Результаты этих исследований показывают, что традиционно в паремиях осуждаются болтливость, расточительность, алчность, трусость, глупость, лень, гордыня и другие антиценности, являющиеся универсальными для большинства культур.

В статье рассматривается концепт глупость на материале паремий английского и одного из дагестанских языков – даргинского.

Как указывают исследователи [3, 5], глупость является наиболее распространенным недостатком, отраженным в паремиологии. Носители языка осознают и концептуализируют в паремиях преимущественно отрицательные характеристики данного концепта, что согласуется с основным содержанием данного концепта в общенациональной концептосфере. Ю.В. Маслова, анализируя употребление лингвокультуры «дурак» в рок-поэзии, отмечает, что в семантике данного концепта интегрированы не только языковые, но и внеязыковые, этнокультурные смыслы [9].

В английских пословицах глупость представлена лексемами *fool* / дурак, глупый человек, *foolish* / глупый и *foolishness* / глупость.

В даргинских пословицах концепт глупость представлен, наряду с лексемой *абдалдеи* / глупость, субстантивированными прилагательными *абдал* / глупец, *мехлур* / дурак, *сумаишедий*, *амах* / дурак, а также словосочетанием *Гякълу агарси* / не имеющий ума, глупый, *дагъриагар* / дагъри агарси / не имеющий ума.

В большинстве английских паремий концепт *fool/дурак* ассоциируется с болтливостью:

(англ.) *A fool when he hath spoken hath done all.* (Как дурак заговорит, он все испортит (здесь и далее английские пословицы приводятся по [13, 14]).

A fool's heart dances on his lips (У дурака сердце на кончике языка); *A fool is full of words* (Дурак болтлив).

В даргинских пословицах мы также находим пословицы, в которых указывается на такое свойство глупого человека, как болтливость.

(дарг.) *Абдалли хIенкьлизи букесил гъай хIебуру* (Дурак путного слова не скажет (здесь и далее даргинские пословицы и их перевод приводятся по [4]).

Абдалли хабар буру сунени деркун-держибтачила, духусини – чедаибтачила (Дурак рассказывает о том, что он ел-пил, а умный – о том, что видел); *ГIякьлу агар* адам гъайличивли вала (Глупца узнают по разговору).

При этом в пословицах английского языка указывается, что болтливость может **довести до беды**:

A fool's tongue is long enough to cut his own throat (Глупец своим длинным языком глотку себе перережет).

В английских и даргинских паремиях отражена мысль о том, что глупость нельзя вылечить, она **неисправима**:

(англ.) *He who is born a fool is never cured* (Тот, кто родился дураком, никогда не излечится); *All the fools are not dead yet* (Еще не все дураки вымерли); *Bray a fool in a mortar, he'll be never the wiser* (Хоть в ступке дурака толки, умнее не станет);

(дарг.) *Абдал мургыли IапIуцадра духухIейрар*. (Дурак останется дураком, даже если покроешь его золотом); *Абдал адамлис дарман агара*. (Дурака не вылечит никакое лекарство); *БекIлизиб ГIякьлу хIебиалли*, *Аллагълира селра лугуси ахIен* (Если в голове нет ума, Аллах не поможет).

И в английских и даргинских пословицах содержится рекомендация остерегаться большого количества дураков, **не иметь дела с дураками**, так как **это может быть опасно**.

(англ.) *Two fools in one house are too many by a couple*. (Два дурака в одном доме слишком много); *One fool is enough in a house* (В доме хватит и одного дурака); *It is better to please a fool than to anger him* (Лучше угодить дураку, чем гневать его).

(дарг.) Абдал адамличив **чуду-хинкIа укесличиб**, къакъличир **къаркъуба вихаси**. (Чем с дураком кушать пельмени, лучше камни на спине таскать); Абдаллизибад **уруххIекIуси** жан агара (Дурака все боятся); Абдаллис гIякълу бурадли **душман ветаруд** (Глупому умное подскажешь, станешь врагом); ГIякълу агарси бекI **душмайчибра вайси саби** (Глупая голова хуже врага).

В то же время, **глупый** человек может быть **опасен для себя**. Он **не умеет беречь**, не знает своей выгоды. Глупый человек **не приспособлен** к тяготам жизни, например:

(англ.) *A fool will **laugh** when he is **drowning*** (Дурак смеется, даже когда тонет); *If a fool have success it **ruins** him* (Если глупец разбогатеет, это его погубит); *A fool and his money are soon **parted*** (Дурак и его деньги быстро расстанутся).

(дарг.) Абдал бекI, **къашимас балагъ**. (Дурная голова ногам покоя не дает); Абдал бекIли **къашимас изала** дургу (Дурная голова ногам покоя не дает (букв. «ногам болезни найдет»)).

В анализируемых языках существует мнение о том, что **глупцам живется легче**, в силу того, что они неспособны адекватно оценить ситуацию:

(англ.) *A fool's head **never whitens*** (Голова дурака никогда не поседеет)

(дарг.) Абдаллис **гъундури гъарзали** дирар (Для дурака все дороги открыты); Абдаллис **дунъя эркинси бирар** (Дураку жить легче).

В английском языке представлены пословицы о глупости с «сакральным» (в широком смысле) оттенком, что характерно также и для даргинского языка.

(англ.) *Fools rush in where **angels** fear to tread* (Дураки стремятся туда, куда боятся ступить ангелы).

(дарг.) БекIлизиб гIякълу хIебиалли, **Аллагълира** селра лугуси ахIен. (Если в голове нет ума, Аллах не поможет).

В обеих лингвокультурах отмечается, что глупых людей часто **используют, обманывают**:

(англ.) *Fools **lade out all the water** and wise men **take the fish*** (Дураки вычерпывают всю воду, а умные подбирают рыбу).

(дарг.) *МехИурли гиб, **гЯмултарли беркун*** (Глупый дал, хитрый съел).

В пословично-поговорочном фонде английского и даргинского языков представлены пословицы с гендерной аспектизацией глупости – отмечается, что **глупость характерна женщинам**:

(англ.) *When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in **woman*** (Когда осел залезет на лестницу, тогда женщина поумнеет); *A **foolish woman** is known by her finery* (Глупую женщину можно узнать по ее нарядам); *He who listens to the words of a **woman** will be accounted **worthless*** (Тот, кто прислушивается к словам женщины, бесполезный человек).

(дарг.) *Хьунул адамла гЯкьлу **хЛевала дубличиб** бируси саби: пяхИбаралли кабиркур* (Ум у женщины находится на подоле ее платья: встряхнешь – упадет).

В английской лингвокультуре глупость представлена более разнообразно, приписывается больше характеристик, по сравнению с даргинской. Так, например, **упрямство и самоуверенность** является характеристикой дураков, по мнению англичан:

*Fools are **not to be convinced***. (Дураков не убедишь ни в чем); ***Forbid a fool a thing** and that **he'll do*** (Запрети дураку что-нибудь, и он сделает это); *A fool thinks nothing **right** but **what he does himself*** (Дурак считает правым только то, что он сам делает).

Но дурак может оказаться **советчиком и пророком**:

*A fool may **give a wise man counsel*** (Дурак может дать совет и мудрецу); *Even fools sometimes **speak to the purpose*** (Даже дурак иногда дело говорит).

В английских поговорах также отмечается широкое **распространение, повсеместность** глупости:

If all fools wore white caps we should look like a flock of sheep (Если бы все дураки носили шапки из овчины, мы бы были как стадо овец); Fools are all the world over, as he said who shod the goose (Дураками мир полон, как сказал тот, кто обул гуся).

Англичане часто **сравнивают глупых людей с детьми**:

Children and fools must not play with edged tools (Детям и дуракам острые вещи не давать).

В пословицах даргинского языка обращает на себя внимание более **терпимое отношение** к глупым людям, содержатся рекомендации не обижаться на глупых людей:

(дарг.) *Абдалличил жалта маркъуд (С дураком не спорь); Дагъри агар адам сунела хIайчив ваталли, гIяхIси бирар (С дураком не спорят (букв. «глупого человека лучше оставить как есть»).*

Таким образом, в английской и даргинской лингвокультурах глупость оценивается отрицательно и ассоциируется с болтливостью, которая может довести до беды, а также с упрямством и, по мнению англичан, самоуверенностью. В пословицах обоих языков отражена мысль о том, что глупость нельзя вылечить, она неисправима, в то же время отмечается, что глупых людей часто используют, обманывают. В анализируемых языках отмечается, что глупцам живется легче, в силу их низкого уровня умственной способности к познанию действительности. Глупость и в английских, и даргинских пословицах приписывается женщине. В обоих языках представлены пословицы о глупости с «сакральным» (в широком смысле) оттенком.

В английской лингвокультуре отмечается широкое распространение, повсеместность глупости, и глупый человек может быть опасен как для окружающих, так и для себя. Глупых людей англичане сравнивают с детьми.

В пословицах даргинского языка обращает на себя внимание более терпимое отношение к глупым людям, в пословицах содержатся рекомендации не обижаться на глупых людей.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: дисс... доктора филол. наук. Орел, 2013. 376 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Байрамова Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни // Филология и Культура. Philology and Culture. 2014. №4 (38). С. 25–28.
4. Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала, Изд-во ДГУ, 2014. 262 с.
5. Гафиатуллина Н.Р. Анализ концепта «глупость» на материале татарских и английских пословиц, поговорок и афоризмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 43–46.
6. Губанова Л.Г., Самарина В.С. Лингвокультурологическое исследование русских паремий в гендерном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2014. № 6. Ч. 1. С. 56–61.
7. Кацуба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 53–57.
8. Лызлов А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях: на материале компаративных и негативных конструкций английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
9. Маслова Ю.В. Лингвокультуема «дурак» в английской и русской рок-поэзии // Современные исследования социальных проблем

- (электронный научный журнал), №10(30), 2013. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-11.
11. Солдаткина Т.А. Языковая концептуализация паремииологических единиц, выражающих отрицательную оценку в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2012. 24 с.
 12. Форофونتова Ю.Л. Концепт судьба и его языковая репрезентация в дискурсе (на материале русского языка) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.
 13. Юдина И.Ю. Оценка в пословицах английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 215–217.
 14. Inspirational proverbs, quotes, sayings. URL: <http://www.inspiration-alstories.com/proverbs/> Robert Christy. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. URL: <http://www.bartleby.com/89/>

References

1. Abakumova O.B. *Poslovichniye kontsepti v paremicheskom diskurse* [Proverbial concepts in paroemia discourse]: doctoral dissert. Orel, 2013. 376 p.
2. Arutyunova N.D. *Tipi yazikovikh znacheniy: otsenka, sobitiye, fact* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. M.: Nauka, 1988. 341 p.
7. Bayramova L.K. Otrazheniye v bibleiskikh tekstakh tsennostey i antisennostey i otsutstviye nekotorykh ikh korrelyatsiy s epizodami sovremennoy zhizni [Reflection of values and antivalues in Bible texts and lack of their certain correlations with episodes of modern life]. *Philology and Culture*. 2014. №4 (38), pp. 25–28.
10. Gasanova U.U. *Slovar' darginiskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Dargin proverbs and sayings]. Makhachkala: DGU, 2014. 262 p.
12. Gafiatullina N.R. Analiz kontsepta “glupost” na materiale tatarskikh i angliyskikh poslovits, pogovorok i aforizmov [The analysis of the “stupidity” concept based on the material of Tatar and English proverbs, say-

- ings and aphorisms]. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2011. № 4 (11), pp. 43–46.
17. Gubanova L.G. Samarina V.S. Lingvokulturologicheskoye issledovaniye russkikh paremiy v gendernom aspekte [Linguoculturological study of Russian proverbs in the gender aspect]. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2014. No 6. Ch. 1, pp. 56–61.
22. Katsyuba L.B. Determinatsiya paremii kak yediniti yazyka i kommunikatsii [Determination of the paroemia as the unit of language and communication]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. No 1 (292). *Philology. Arts. Issue 73*, pp. 53–57.
25. Lyzlov A.I. *Otsenka i sredstva yeyo vyrazheniya v paremiyakh: na material komparativnykh i negativnykh konstruksiy angliyskogo yazyka* [Evaluation and the means of its expression in paroemias: on the material of English comparative and negative constructions]: abstract of a thesis. Moscow, 2009. 23 p.
29. Maslova Yu.V. Lingvokulturema “durak” v angliyskoy i Russkoy rok poezii [Lingvokulturema “fool” in English-speaking and Russian-speaking rock poetry]. *Modern Research of Social Problems*, №10(30), 2013. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-11.
31. Soldatkina T.A. *Yazikovaya kontseptualizatsiya paremoiologicheskikh yedinit, virazhayushchikh otritsatelnyu otsenku v angkiyskom i frantsuzskom yazykakh* [Language conceptualization of paroemias expressing negative evaluation in English and French]: abstract of a thesis. Cheboksary, 2012. 24 p.
34. Forofontova Yu.L. *Kontsept ‘sud’ba’ i yego yazikovaya reprezentatsiya v diskurse (na materiale russkogo yazyka)* [Concept ‘destiny’ and its representation in discourse (on the material of the Russian language)]: abstract of a thesis. Tambov, 2009. 24 p.
37. Yudina I.Yu. Otsenka v poslovitsakh angliyskogo yazyka [Evaluation in English proverbs]. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2013. No7 (25): I, pp. 215–217.

42. Inspirational proverbs, quotes, sayings. <http://www.inspirationalstories.com/proverbs/> Robert Christy. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. <http://www.bartleby.com/89/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Омарова Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
ул. Батырая, 4, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008,
Российская Федерация
opt30@mail.ru

Омарова Хадижат Ильясовна, магистрант 2 года обучения
Дагестанский государственный университет
ул. Батырая, 4, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008,
Российская Федерация
dzhamulik@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Omarova Patimat Magomedovna, Associate Professor of the English
Philology Chair, Ph.D. in Philological Science
Dagestan State University
4, Batyraya Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367001,
Russian Federation
opt30@mail.ru

Omarova Khadizhat Ilyasovna, 2 year Master Student
Dagestan State University
4, Batyraya Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367001,
Russian Federation
dzhamulik@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-211-221

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Сантуева Э.З., Султанова Т.Ю., Шахбанова Д.Н.

Цель: выявление художественно-эстетической роли языковых средств и стилистических приемов, специфики индивидуального стиля русскоязычного писателя Э. Кадиева; установление его лингвистической компетенции применительно к разным социально-историческим условиям.

Предметом анализа выступает творчество известного писателя Э. Кадиева и, в частности, произведение «Поэт».

Научная новизна: проводится анализ языковых и стилистических особенностей книги Э. Кадиева «Поэт» с целью выявления в ней характерных для русскоязычной прозы лакцев стилеобразующих средств.

Метод или методология проведения работы: анализ языкового материала, выбранного из художественного произведения; сопоставление отдельных синтаксических конструкций с их аналогами на лакском языке; выявление типологических сходств и индивидуальных особенностей прозы и поэзии автора; анализ литературы по языку и стилю художественного произведения.

Результаты: в учение о функциональных особенностях русского языка в иноязычной среде вносятся положения о языковых средствах разных уровней, благодаря которым формируется специфика русскоязычной художественной литературы национальных писателей.

Результаты исследования могут быть полезны в преподавании стилистики современного русского языка, в ходе преподавания специальных курсов и семинаров по национально-русскому двуязычию в вузе.

Ключевые слова: *русскоязычная проза; этническая идентификация; экстралингвистические факторы; многоязычие.*

LANGUAGE AND SOCIAL CAUSES OF THE DAGESTAN RUSSIAN PROSE

Santueva E.Z., Sultanova T.Yu., Shakhbanova D.N.

Purpose: to identify artistic and aesthetic role of linguistic nuances and stylistic techniques, the specifics of the individual style of the Russian-speaking writer E. Kapiev as well establish his linguistic competence with regard to different socio-historical conditions.

Subject of research is the works by E. Kapiev, including his work 'The Poet'.

The scientific novelty: analysis of linguistic and stylistic peculiarities of 'The Poet' by book E. Kapiev " is carried out, aimed at identifying stylistic resources, being characteristic of the Laks' prose in the Russian language.

Methodology: analysis of the linguistic material selected from the writer's works; comparison of certain syntactic constructions with their analogues in the Laks language; identification of typological similarities and the individual characteristics of the author's prose and poetry; analysis of literature concerning the language and style of the work.

Results: the teaching about the functional features of the Russian language in a foreign language environment is supplemented with provisions on language means at different levels, which contribute to forming the specificity of the Russian-language literature by national writers.

The results of this research may be useful in the teaching of modern Russian language stylistics; applied in the teaching of specialized courses and seminars on national-Russian bilingualism.

Keywords: *Russian-language prose; ethnic identification; non-linguistic factors; multilingualism.*

Специальных исследований, в которых бы освещались лингвистические проблемы функционирования русского языка в сфере литературного творчества национальных писателей Дагестана, на сегодняшний день нет.

Интерес ученых-языковедов к специфическим сферам функционирования русского языка в неисконной среде его носителей, особенно в таком многонациональном регионе, как Дагестан, объясняется актуальностью в наши дни объективного научного освещения социально-культурного статуса русского языка, что в значительной степени связано с решением вопросов этнической и лингвистической идентификации личности, а также адекватной характеристики языковой ситуации в Дагестане, которые приобрели злободневный характер в связи с подъемом национального и языкового самосознания дагестанских народов.

Освещение социолингвистической природы русскоязычной литературы лакцев окажется небесполезным для научной трактовки теории и истории национально-русского двуязычия в Дагестане.

Вполне справедливое утверждение литературоведов о слиянии в такой литературе русского и национального начал художественного опыта и эстетических воззрений разных народов нуждается в подкреплении данными, добытыми в результате анализа языка конкретного художественного произведения и индивидуального стиля его автора.

В данной работе ставится целью выявление художественно-эстетической роли языковых средств и стилистических приемов, установление лингвистической компетенции писателя, адресата его сочинения, освещение роли языковых и экстралингвистических факторов в формировании и развитии русскоязычной литературной системы Дагестана.

Особенности языка художественной русскоязычной прозы дагестанских писателей рассматриваются с точки зрения воздействия на него национального образного мышления, мотивов использования автором лексики регионально ограниченного употребления, калек национальных пословиц, фразеологизмов, сравнений. Для этого необходимо было выделить наиболее идейно, эстетически и информативно значимые русскоязычные произведения дагестанских писателей, выявить характерные для эпохи создания произведения и его автора лексико-фразеологические стилеобразующие средства, изучить речевые особенности авторов и героев, обнаружить и объяснить с точки зрения причинно-следственной закономерности лексико-семантические, морфологические, синтаксические и стилистические особенности языка писателя.

Для исследования нами было взято произведение Э. Капиева «Поэт» Языковая и социальная, а также культурная значимость русскоязычной литературы нерусских авторов вполне очевидна. Ее зарождение – новое явление в XIX в. общекавказского масштаба, следствие приобщения кавказцев к русской литературе и европейской образованности. «Русскоязычные художественные произведения раньше, чем в других регионах нашей страны, начали создаваться в Дагестане, где тридцать разноязычных народностей и этнических групп в советскую эпоху реально ощутили недостаток объединяющего всех языка и воочию убедились, что таковым стал русский язык» [1, с. 33]. Формирование русскоязычной дагестанской художественной литературы, если под этим термином подразумевать появление отдельных произведений большого социального и культурного значения, можно было считать завершившимися к тридцатым годам XX в., и оно было объективным, никем не навязанным, закономерным явлением. Роль русского языка как единого во всем Дагестане средства межнационального общения и культурного творче-

ства, осмысленная и воспринятая дагестанцами как идея задолго до Октябрьской революции и установления Советской власти, теперь, когда возникла злободневная потребность в нем, становится реальной, очевидной действительностью.

В этом многонациональном крае потребность в межнациональном языке ощущалась, как выше сказано, всегда, но не так остро, как в 30-е годы. Поэтому общедагестанским средством межэтнической коммуникации стал русский язык, который был принят дагестанцами в соответствии с экономическими, политическими и культурными потребностями в нем. Кроме того, в тридцатые годы возникла необходимость в объединении литературных сил республики. С этой целью Э. Капиев развернул активную деятельность по сбору и переводу на русский язык песен горцев. Он хорошо знал, что должна быть установлена преемственная связь между дагестанской и русской культурами, осознавал, что исторически закономерный и оправданный жизненными реалиями путь дагестанцев к русскому языку лежит через утверждение на нем национальной самобытности и единства словесной культуры горцев благодаря переводам. Следовательно, русский язык оказался необходимым прежде всего для духовно-эстетического самовыражения многонационального дагестанского народа.

Редкая страсть Э. Капиева к русскому языку, желание овладеть им в совершенстве, стать русским писателем, стремление к первенству в этой области как субъективные факторы сообразовывались с реальной потребностью в объединении литературных сил Дагестана. В тридцатые годы широкую популярность получило устное творчество лезгинского поэта С. Стальского. Интернационалистический пафос его стихов и колоритность, даже типичность его личности как дагестанца импонировали Э. Капиеву, и он не мог быть безучастным к творческой судьбе поэта из народа. Он как бы стихийно шел к этому, не подозревая того, что вся его дальнейшая деятельность окажется связанной с Сулейманом.

Книга Э. Капиева «Поэт» – итог долгих размышлений, наблюдений, обобщения черт нового человека и художественного осмысления. В ней отразились характерные черты жизни дагестанцев тридцатых годов. «Поэт» – собрание новелл, связанных с ее главным героем непосредственно и, в отдельных случаях, лишь опосредованно, но внутренне цельно повествующих о событиях то в ауле, то в Москве, к которым имел отношение Сулейман. «С книгой Капиева в нашу литературу вошел мотив и герой, никем не предвосхищенный и впоследствии не повторенный», – так вполне справедливо пишет М.О. Чудакова [3, с. 124].

Э. Капиев, составляя сборники песен горцев, выступал не только в роли собственно переводчика, он обрабатывал эти песни, доводил их до совершенства, до подлинно национального дагестанского звучания. Примером могут служить переведенные им, ставшие теперь хрестоматийными стихи Батырая:

Пусть у храброго отца
Не родится робкий сын,
Ибо должен будет он
Дать отпор врагам отца.
Пусть у робкого отца
Не родится храбрый сын,
Ибо должен будет он
Разделить позор отца.

И чеканность строк, и строгий ритм стихов равнозначно и по внешней форме передают особенность горской гражданской лирики.

Прозу Э. Капиева отличают лаконичность, живописность фраз, правдивость мировосприятия и оригинальная манера мировыражения. Это подтверждается тем, что при чтении его новелл перед мысленным взором читателя во всей подлинной наглядности возникают отчетливо зримые очертания аула, сада, сакли, дороги и высоких топей у нее, и незабываемый облик поэта Сулеймана.

Хорошо известно, что не всегда легко давались Э. Капиеву логически непротиворечивые, стилистически выверенные фразы. Он добивался стройности предложений ценою бессонных ночей. Оттого и излюбленные слова, которые с каким-то особенным чувством использовал он, как, например, эпитет древний: древний народ, древний старик, даже киноафиша непременно древняя. Следовательно, желание употребить редкое слово – это, очевидно, самоустановка автора, который более чем кто бы то ни было, хорошо знал цену каждого русского слова, которое постигалось им с трудом.

Э. Капиев стремился вникнуть в тайну русского литературного языка. Он избегал излишних, стертых эпитетов, диалектных или просторечных названий, а также не злоупотреблял словами дагестанских языков, благодаря которым впоследствии другие дагестанские поэты и писатели стали придавать сюжету произведения мнимую колористическую оригинальность. В то же время он не хотел и слиться с русской прозой, окончательно исчезнуть в ней. Реализовать такую установку означало постоянно перебарывать в себе соблазн вплести в повествование привычный русский фразеологизм, воспользоваться стереотипными метафорами, сравнениями, с которыми Э. Капиев был хорошо знаком, так как прочел почти всю русскую и зарубежную литературу еще до возникновения замысла книги «Поэт».

Теперь невозможно судить об особенностях функционирования русского языка в Дагестане, не акцентируя внимания на русскоязычной художественной литературе. «Русский язык функционирует и в такой деликатной сфере, как общедагестанская художественная литература. Отдельные национальные литераторы-дагестанцы создают художественные произведения на русском языке... Книги Э. Капиева «Резьба по камню», «Поэт», «Записные книжки» появились прежде всего благодаря тому, что в многонациональном Дагестане, где раньше не было единого языка межнационального общения, русский язык по объективным историческим причинам превратился не только в сред-

ство межэтнической коммуникации, но и в форму многонациональной культуры... «Русскоязычные художественные произведения раньше, чем в других регионах нашей страны, начали создаваться в Дагестане, где тридцать разноязычных народностей и этнических групп в советскую эпоху реально ощутили недостаток объединяющего всех языка и воочию убедились, что таковым стал русский язык» [3, с. 124].

Немаловажно отметить, что наряду с социальной причиной возникновения дагестанской русскоязычной художественной литературы немаловажна роль личности. Взаимодействие этих двух сил и положило начало оригинальной русскоязычной дагестанской литературе. Языковая личность талантливого писателя Э. Капиева – зачинателя такой литературы – сама была обусловлена социально-культурной ситуацией в Дагестане.

Термин «русскоязычная литература» за неимением более удачного приходится употреблять применительно к творчеству авторов произведений на русском языке как втором родном для них, а их самих позволительно именовать «русскоязычными писателями». Вполне обоснована попытка литературоведа Ш.А. Мазанаева отграничить русскоязычную литературу от той, которую создают те, кто пишет на русском и национальном языках, иначе, от «двуязычной» литературы, с одной стороны, и собственно русской литературы – с другой [2, с. 29].

Касаясь национальной идейно-эстетической специфики произведений нерусских писателей, пишущих на русском языке, исследователи обычно стремятся оттенить эту особенность констатацией того, что их авторы сочиняют и на своем национальном языке. Этому мнению, ставшему общим местом в суждениях многих лингвистов, придают значимость убедительного аргумента. Такая тенденция не вполне оправдывает себя, особенно в тех случаях, когда «двуязычность» писателя преподносится с большой натяжкой.

Таким образом, русскоязычная дагестанская литература отличается от исконно русской не только и не столько употребленными ав-

тором национальными словами, ономастической лексикой, сколько изображением героев и событий под углом зрения мировоззрения горца, которое во многом детерминируется традиционным горским образом мыслей и категоризацией действительности в соответствии с системой национального языка, своеобразием эстетического кодекса, нравственных приоритетов и аксиологических критериев.

Список литературы

1. Абдуллаев А.А. Соотношение сфер функционирования русского и родного языков в условиях национально-русского двуязычия // Русский язык и языки народов Дагестана. Махачкала, 1991. С. 33–84.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к теории текста: антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
4. Мазанаев Ш.А. Русскоязычная литература Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. С.29.
5. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 312. Чудакова М.О. Эффенди Капиев. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 124.

References

1. Abdullaev A.A. Sootnoshenie sfer funkcionirovaniya russkogo i rodnogo jazykov v uslovijah nacional'no-russkogo dvujazychija [Ratio of areas of functioning of Russian and native languages in the context of the national-Russian bilingualism]. *Russkij jazyk i jazyki narodov Dagestana* [Russian language and the languages of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1991, pp. 33–84.
2. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo [The concept and the word]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k teorii teksta : antologiya* [Russian

- literature. From theory to the theory of literature text: Anthology] / V.P. Neroznak (ed.). M.: Academia, 1997, pp. 267–279.
3. Mazanayev S.A. *Russkojazychnaja literatura Dagestana* [The Russian-language literature of Dagestan]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1984. P. 29.
 4. Tolstoy N.I. Etnolingvistika v krugu gumanitarnykh distsiplin [Ethnolinguistics among humanities]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From theory of literature to the structure of the text. Anthology]. M., 1997. P. 312.
 5. Chudakova M.O. *Effendi Kapiev. Zhizn' zamechatel'nykh lyudej* [Effendi Kapiev. Lots of great people]. M.: Molodaya gvardiya, 1970. P. 124.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сантуева Элен Зайдхановна, доцент кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования, кандидат филологических наук

*Дагестанский государственный педагогический университет
ул. М. Ярагского, 57, Махачкала, Республика Дагестан, 367003,
Российская Федерация
santueva@mail.ru*

Султанова Тамила Юрьевна, доцент кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования, кандидат филологических наук

*Дагестанский государственный педагогический университет
ул. М. Ярагского, 57, Махачкала, Республика Дагестан, 367003,
Российская Федерация
sultanova-t@bk.ru*

Шахбанова Джума Накбаровна, доцент кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования, кандидат филологических наук

Дагестанский государственный педагогический университет

*ул. М. Ярагского, 57, Махачкала, Республика Дагестан, 367003,
Российская Федерация*

Djumanaqbarovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Santueva Elen Zaydkhanovna, Assistant Professor of Theoretical Bases and Technology Primary Language Education, Candidate of Philological Sciences

Dagestan State Pedagogical University

*57, M. Yaragsky Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367003,
Russian Federation*

santueva@mail.ru

Sultanova Tamila Yurevna, Associate Professor of Theoretical Bases and Technology Primary Language Education, Candidate of Philological Sciences

Dagestan State Pedagogical University

*57, M. Yaragsky Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367003,
Russian Federation*

sultanova-t@bk.ru

Shakhbanova Dzhuma Nakbarovna, Assistant Professor of Theoretical Bases and Technology Primary Language Education, Candidate of Philological Sciences

Dagestan State Pedagogical University

*57, M. Yaragsky Str., Makhachkala, Republic of Dagestan,
367003, Russian Federation*

Djumanaqbarovna@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. **Introduction.**
2. **Objective.**
3. **Materials and methods.**
4. **Results of the research and Discussion.**
5. **Conclusion.**
6. **Conflict of interest information.**
7. **Sponsorship information.**
8. **Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Субботина И.А. 7

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВЯТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Чиркин С.А. 22

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

БОРЬБА ЗА ВОСПОМИНАНИЯ:
«КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Аникин Д.А. 28

ИДЕЯ ТЕОКРАТИИ КАК ОСНОВАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЁВА

Вашурин А.Н., Галушко В.Г., Кудряшов С.В. 39

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОПОМОЩИ В ПЕРИОД
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Кириллов П.Е. 57

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ФАКТОР ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Попов В.В., Музыка О.А. 67

У ИСТОКОВ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА:
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЖ.Г. МИДА

Потапова К.И. 77

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИК ВЗАИМОПОМОЩИ В НОВОМ ВРЕМЕНИ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ Рябцев С.В.	89
СВОБОДА И СМЕРТЬ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ ЖАН-ПОЛЬ САРТРА Силенин И.А.	99
ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН Тугаров А.Б., Шевцова Э.А.	122
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА РИСКОВ Чепьюк О.Р., Фортунатов А.Н.	138
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
МОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО (МЕДИЦИНСКОГО) ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ) Аксенова Е.Д., Мирзоева В.М., Мирзоева Е.З.	154
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ТРАГЕДИИ «ГАМЛЕТ» НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫКИ) Бизикоева Л.С., Дерябина М.Ю.	162
СУФФИКСАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ ТОБОЛЬСКОГО АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. Выхрыстюк М.С., Окмянская А.В.	174
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТРОДУКТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РЕПОРТАЖНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ Муругова Е.В., Постева Е.В.	187

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГЛУПОСТЬ» В АНГЛИЙСКИХ И ДАРГИНСКИХ ПАРЕМИЯХ Омарова П.М., Омарова Х.И.	199
ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ Сантуева Э.З., Султанова Т.Ю., Шахбанова Д.Н.	211
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	222

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

ORGANIZATION OF THE EXECUTIVE
COMMITTEES OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT
(IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE
AS AN EXAMPLE)

Subbotina I.A. 7

PERSONNEL POLICY IN THE VYATKA OFFICE
OF THE VYATKA-KAMA COMMERCIAL BANK

Chirkin S.A. 22

STUDIES IN PHILOSOPHY

FIGHT FOR MEMOIRS: ‘THE CRITICAL THEORY’
OF COLLECTIVE MEMORY

Anikin D.A. 28

IDEA THEOCRACY AS THE BASIS OF CHRISTIAN UNITY’S
PROBLEM IN THE WORK OF V. S. SOLOVYOV

Vashurin A.N., Galushko V.G., Kudryashov S.V. 39

SOCIAL PRACTICES AND MUTUAL ASSISTANCE
IN MEDIEVAL CIVILIZATION

Kirillov P.E. 57

SOCIAL PROCESS AND THE FACTOR OF TEMPORALITY

Popov V.V., Muzika O.A. 67

THE BEGINNING OF SYMBOLIC INTERACTIONISM:
THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF G.H. MEAD

Potapova K.I. 77

SPECIFICS OF THE FORMATION PRACTICES OF MUTUAL AID IN THE EARLY MODERN PERIOD'S SOCIETIES. SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECT Ryabtsev S.V.	89
FREEDOM AND DEATH IN THE STRUCTURE OF HUMAN EXISTENCE IN THE PHILOSOPHY OF JEAN-PAUL SARTRE Silenin I.A.	99
THE SOCIAL PREVENTION IDEA AS A PHILOSOPHICAL PHENOMENON Tugarov A.B., Shevtsova E.A.	122
RISK SOCIETY AS AN OBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS Chepyuk O.R., Fortunatov A.N.	138

STUDIES IN PHILOLOGY

MODALITY OF SCIENTIFIC (MEDICAL) TEXT (AS BASED ON THE OTORHINOLARYNGOLOGICAL TEXTS) Axenova E.D., Mirzoeva V.M., Mirzoeva E.Z.	154
PROBLEMS OF TRANSLATION METAPHORS IN SHAKESPEARE'S TRAGEDIES (BASED ON THE TRANSLATIONS OF «HAMLET» INTO THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES) Bizikoeva L.S., Deryabina M.Y.	162
VERNACULAR VOCABULARY SUFFIXED WORD-FORMATION MODELS OF TEXTS OF THE TOBOLSK ABALAK MONASTERY AT THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY Vykhrystjuk M.S., Okmyanskaya A.V.	174
PRAGMATIC FUNCTIONS OF INTRODUCTIVE PREDICATES OF EMOTIONAL STATE IN THE REPORTAGE UTTERANCE Murugova E.V., Postevaya E.V.	187

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “FOOLISHNESS” IN ENGLISH AND DARGIN PAROEMIAS Omarova P.M., Omarova Kh.I.	199
LANGUAGE AND SOCIAL CAUSES OF THE DAGESTAN RUSSIAN PROSE Santueva E.Z., Sultanova T.Yu., Shakhbanova D.N.	211
RULES FOR AUTHORS	222

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 26.12.2016. Заказ СИСП4-12016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 16,53. Формат 60×84/16